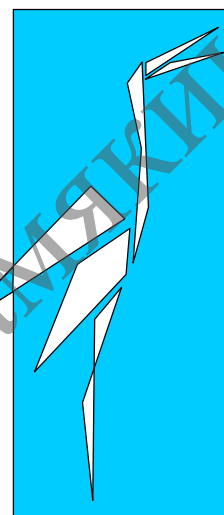

Індэкс: для індыўідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

**Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
універсітэта
імя І. П. Шамякіна**

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага універсітэта імя І. П. Шамякіна. 2010. № 2(27). С. 1–153.

2010 2⁽²⁷⁾

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
д. пед. н. В. І. Анісімаў, к. пед. н. В. С. Болбас, к. пед. н. М. В. Емельянава,
д. пед. н. Н. У. Зайцава, д. філал. н. У. І. Коваль, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак,
д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. т. н. У. С. Савенка,
к. філал. н. А. У. Сузько, д. біял. н. Л. С. Цвірко,
д. ф.-м. н. В. В. Шапялевіч, д. філал. н. В. В. Шур

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1233 ад 8 лютага 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
247760 Рэспубліка Беларусь,
Гомельская вобласць, г. Мазыр,
вул. Студэнцкая, 28.
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Падпісана ў друк 18.06.2010. Фармат 60 x 90 1/8. Папера Херох.
Гарнітура Times New Roman Суг. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 19,25.
Тыраж 120 экз. Заказ № 58.

Карэктары: Л. М. Бажэнка, М. А. Карлава, Т. М. Ліпская, С. І. Солахава,
А. Э. Крычун, Т. М. Панамарэнка, М. Ю. Раеўская, А. М. Шатун
Камп'ютэрная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар Н. У. Жогла

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
Установы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛІ № 02330/0549479 ад 14 мая 2009 г.
247760, г. Мазыр, Гомельская вобл., вул. Студэнцкая, 28, к. 114
Тэл.: +375 (2351) 2-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца 4 разы на год

№ 2(27)

2010

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Абрамчук С. В., Абрамчук А. В., Гайдук В. Е.</i> Серошчэкая поганка (<i>Podiceps grisegena</i>) в Беларуси: численность и распространение	3
<i>Гайдученко Е. С.</i> Экологическая характеристика желтогорлой мыши (<i>Apodemus flavicollis</i> Melchior, 1834) лесных массивов юго-востока Белорусского Полесья	8
<i>Грицанок М. Ф.</i> Фаунистический состав сообществ брюхоногих моллюсков разнотипных водоемов г. Мозыря	14
<i>Гуминская Е. Ю., Бабаева С. С.</i> Методы оценки биологической полноценности сперматозоидов быков-производителей	20
<i>Дегтярева Е. И., Коваленко С. А.</i> Радиоэкологическая обстановка на территории населенного пункта Шерстин Ветковского района	25
<i>Зеркаль С. В., Левковская М. В.</i> Основные вредители и болезни некоторых древесных пород Брестского и Ивацевичского лесхозов	30
<i>Маркевич Т. С.</i> Сравнение подвидов <i>Picea abies</i> (L.) Karst. по массе семян	37

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Анисимов Д. В.</i> Усиление прикладной направленности занятий по «Физической культуре» с будущими учителями начальных классов	41
<i>Воробей Л. А., Грибовская М. А., Кузменкова И. А.</i> Оценка результатов применения компьютерного тестирования на заочном отделении	45
<i>Клинов В. В.</i> Формирование ценностного отношения учащихся старших классов училищ олимпийского резерва к здоровому образу жизни	50
<i>Ключников А. В., Коняхин М. В., Масло И. М.</i> Проблема реализации индивидуального подхода к занимающимся в процессе физического воспитания студентов	55
<i>Кошман Е. Е.</i> Динамика формирования компонентов экологической культуры старшеклассников в процессе игрового проектирования	60
<i>Лемешков В. С.</i> Закономерности и принципы системы многолетней спортивной подготовки квалифицированных скороходов	66
<i>Масло М. И.</i> Подвижные игры в системе подготовки спортсменов	72
<i>Ходько А. Ф.</i> Ценностные ориентации в структуре личности студента	76

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ	
<i>Воінава-Страха М. М.</i> Сюжэтна-кампазіцыйная арганізацыя навел Ул. Сцяпана	81
<i>Лю Цзюань.</i> Формы несобственно-прямой речи в художественном тексте	87
<i>Канавалава І. С.</i> Да праблемы вызначэння паняцця «антыпрыказка»	92
<i>Кулак В. М., Кулак Н. Г.</i> О событиях, которые забыть нельзя (на материале прозы современных немецких писателей)	98
<i>Макарэвіч М. М.</i> Сінтаксічны спосаб утварэння ў промьславай тэрміналогіі	103
<i>Радзюк В. В.</i> Пурыстычны этап развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі (1920–1926 гады XX стагоддзя)	108
<i>Ревуцкіў О. І.</i> Русские метафоричные тексты с опорными элементами «слово», «поэзия», «стих»	114
<i>Сідорец В. С.</i> Вербоиды в структуре и семантике художественного текста (на материале повести И. А. Бунина «Митина любовь»)	119
<i>Хоронек С. С.</i> Классификация глаголов со значением речевого выражения эмоций в старославянском языке	125
ПЕРСАНАЛІ	134
БІБЛІЯГРАФІЯ	139
РЭЦЭНЗІЯ	143
ХРОНІКА	146
АЎТАРЫ НУМАРА	151

МГПНУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 598.233:591.526:591.9(476)

С. В. Абрамчук, А. В. Абрамчук, В. Е. Гайдук

**СЕРОЩЕКАЯ ПОГАНКА (*PODICEPS GRISEGENA*) В БЕЛАРУСИ:
ЧИСЛЕННОСТЬ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ**

*Изучение экологии серощёкой поганки (*Podiceps grisegena*) проводилось в период с 1997 по 2009 гг. на территории Брестской, Гомельской и Минской областей Беларуси. Учётами было охвачено 55% площади всех рыбхозов республики. Серощёкая поганка наблюдалась в 22 пунктах на юге и юго-западе Беларуси, причем в 18 она отмечена на гнездовании. Изучена фенология весенней и осенней миграции, а также гнездовая экология вида. Дана оценка численности и плотности вида для различных мест гнездования. Проанализированы изменения численности для ключевых местообитаний. Современная численность серощёкой поганки в Беларуси оценена в 150–200 гнездящихся пар.*

Введение

Ареал серощёкой поганки в Европе занимает большую часть восточной, северной, средней частей континента и целиком охватывает территорию Беларуси [1]. В нашей республике серощёкая поганка имеет статус редкого, гнездящегося, перелетного и транзитно мигрирующего вида [2]. Внесена в третье издание Красной книги. На территории республики распространена спорадически, её численность оценивается в 50–100 гнездящихся пар [3]. Вместе с тем серощёкая поганка является обычным, хотя и малочисленным видом в приграничных районах соседних государств. Так, в Польше вид имеет статус редкого, немногочисленного гнездящегося вида, распространён практически по всей территории с общей численностью 2 000–3 000 гнездящихся пар [4]. В Беларуси данный вид является малоизученным, данные по его экологии практически отсутствуют либо являются фрагментарными.

Материалы и методы. Материалы для данной работы были собраны в период с 1997 по 2009 гг. на территории Брестской, Минской и Гомельской областей. Сбор материалов по экологии вида проводился путем обследования прудов рыбхозов, затопленных торфоразработок, озер и водохранилищ во все сезоны года. Сведения по фенологии вида были собраны, главным образом, на территории Брестского Полесья в 1997–2005 годах. Исходя из особенностей распространения и экологии вида, особое внимание было уделено рыбхозам юга Беларуси. Исследования на данных территориях проводились в 2001–2009 гг. В этот период регулярные учёты проводились на 11 рыбхозах («Страдочь», «Соколово», «Руда», «Новоселки», «Полесье», «Ляхва», «Белое», «Красная зорька», «Тремля», «Локтыши», «Красная слобода») общей площадью 119,6 км², что составляет 55% от суммарной площади рыбхозов Беларуси. Оценка численности гнездящихся пар проводилась по Rapiszek 1983 [5]. За период исследований найдено 17 гнезд, содержащее 9 из них было изучено. Измерение гнезд проводилось линейкой с точностью до 1 см, яиц – штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Статистическая обработка проводилась с помощью программы STATISTICA 7. Для оценки влияния морфологии прудов рыбхозов на численность серощёкой поганки применялась непараметрическая корреляция Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно литературным данным, серощёкая поганка отмечалась в 26 пунктах Беларуси, преимущественно в ее юго-западной, центральной и северо-западной частях [3]. Первые достоверные факты гнездования вида были зарегистрированы летом 1963 года на прудах рыбхоза «Страдочь» в юго-западной части Брестской области. Впоследствии на данной территории серощёкая поганка стала гнездиться регулярно с общей численностью 10–17 пар [6], [7]. В 1991–1998 годах новые места гнездования вида были обнаружены в южной и центральной частях республики. Всего в этот период было найдено 4 новых местообитания с общей численностью 9 гнездящихся пар. Все 4 территории тоже были представлены рыбными хозяйствами («Белое», Полесье», «Волма» и «Косинский») [8]. Новые места гнездования серощёкой поганки обнаружены в 2000–2001 годах на рыбхозах «Селец» и «Новоселки». Всего в этот период гнездование отмечалось на 5 рыбхозах, общая численность составляла 40 пар, а плотность вида для

территорий рыбных хозяйств оценивалась в 0,3 пар/км² [9]. Авторами вид наблюдался в 22 пунктах на юге и юго-западе республики, причем в 18 из них вид гнезился [10], [11], [12]. Кроме того, вид предположительно гнезился на небольшом рыбхозе «Карпин», расположенном юго-западнее города Малорита. В период с 12.04 по 27.04.2004 года на данной территории было отмечено 4 взрослые особи (личное сообщение Кителя Д. А.).

Появление серощёкой поганки в местах гнездования происходит в период с 24.03 по 22.04, средняя дата – 10.04 (n = 20) (таблица 1). Наиболее ранняя регистрация вида была сделана нами 24.03.2002 года на рыбхозе «Страдочь». Наши наблюдения соответствуют данным, полученным для Польши и западных районов Украины. Так, 23-хлетние данные по весенней миграции, полученные в Польше, дают среднюю дату – 7.04 – за период 20.03–29.04 [4]. Для западной Украины средняя дата – 6.04, а наиболее ранняя регистрация была сделана 15.03.1989 года в Городецком районе Львовской области [13]. Во время весенней миграции вид встречается не только в местах гнездования, но и на других крупных водоемах. Так, 9.04.2008 года 2 особи наблюдались на Луковском водохранилище. Больших скоплений не образует, на пролете держится группами по несколько особей. Наибольшая стая (10 особей) была отмечена на нагульном пруду рыбхоза «Новоселки» 22.04.2008 года.

Таблица 1 – Сроки весенней и осенней миграции, находки гнезд и появление первых выводков серощёкой поганки на юге Беларуси (1997–2009 гг.)

Период	n	m	lim	SD
Весенняя миграция	20	10.04	24.03–22.04	4,05
Осенняя миграция	15	09.09	06.08–02.10	3,83
Гнезда с кладками	10	15.05	01.05–04.06	2,42
Появление первых выводков	10	05.06	24.05–22.06	2,16

К гнездованию птицы приступают в конце апреля – начале мая. Полная, сильно насыщенная кладка, состоящая из 5 яиц, была обнаружена на Олтушском озере 04.05.2002 года. Две свежие кладки, содержащие по одному яйцу, 01.05.2002 года обнаружены в рыбхозе «Руда». Пик откладки яиц приходится на вторую декаду мая (таблица 1), что соответствует данным, полученным для западной Украины [13].

Для гнездования серощёкая поганка предпочитает мелководные участки с обширными, мозаично чередующимися зарослями погруженной и надводной растительности. За период исследований найдено 17 гнезд, содержимое 9 из них было изучено. Вид строит гнезда, как правило, в зарослях надводных макрофитов, на расстоянии 1–2 метра от открытой воды. Большинство найденных гнезд (n = 10) располагалось в зарослях рогоза (60%), 30% гнезд были найдены в рогозно-тростниковых зарослях, и лишь 10% гнезд располагались открыто среди низкой погруженной растительности. Глубина гнезда составляла в среднем 60 см и варьировала от 40 до 90 см. Во всех случаях гнездо своим основанием касалось дна (n = 4). Строительным материалом преимущественно выступали стебли и корневища рогоза, в меньшей степени использовались листья тростника, рдесты и водоросли. Гнездо (n = 6) чаще всего имеет округлую форму, его диаметр на уровне воды в среднем составляет 36,5 см, диаметр лотка – 13,17 см (таблица 2). Полная кладка обычно состоит из 4–6 яиц [1]. Обнаруженные нами полные кладки (n = 7) содержали от 3 до 5 яиц, в среднем – 4. Причем кладка с наименьшим количеством яиц (3) по-видимому, была повторной, так как во время ее обнаружения (04.06.2009) большинство пар уже имели выводки. Средние размеры яиц (n = 30) составляют 48,5 × 33,6 мм (таблица 2). Первые выводки (n = 10) появляются в третьей декаде мая, средняя дата – 05.06, стандартное отклонение – 2 дня (SD = 2,16) (таблица 1).

Таблица 2 – Морфометрические показатели гнезд и яиц серощёкой поганки

Показатели	n	m	max	min	SD	SE
Диаметр гнезда (на уровне воды), см	6	36,50	45,00	25,00	8,02	3,27
Диаметр лотка, см	6	13,17	16,00	11,00	2,04	0,83
Высота гнезда (над водой), см	4	4,75	6,30	2,50	1,76	0,88
Длина яйца, мм	30	48,50	52,30	45,70	1,66	0,30
Диаметр яйца, мм	30	33,60	36,30	31,20	1,24	0,23

Выводки ($n = 7$) состоят из 2–3 птенцов, в среднем – 2,3, стандартное отклонение – 0,48. На водоемах Беларуси вид держится в среднем до 09.09 ($n = 15$). Осенняя миграция не выражена, проходит в период с 06.08 по 02.10, каких-либо миграционных скоплений вид не образует. В это время серощёкая поганка немногочисленна, но встречается на различных водоемах республики. Кроме мест гнездования, в этот период вид отмечался нами в рыбхозе «Красная слобода», на Луковском водохранилище, на озерах Белое и Rogoznyanskoe Брестского района. На озере Любань Кобринского района 1 особь была отмечена 06.08.2005 года (личное сообщение Ю. Ю. Бакура). За весь период исследований мы не наблюдали колониальных поселений серощёкой поганки, хотя данную особенность вида описывают некоторые авторы [13], [14]. Наименьшее расстояние между двумя жилыми гнездами (50 м) было зарегистрировано нами на пруду рыбхоза «Тремля» 04.06.2009 года. Вместе с тем для птицы в период гнездования характерно близкое соседство с другими водно-болотными видами. Так, 45% изученных гнезд ($n = 11$) серощёкой поганки располагались на удалении 1–5 м от жилых гнезд лысухи (*Fulica atra*).

На территориях рыбхозов в 85% случаев гнездование вида наблюдалось на нагульных прудах. В период гнездования серощёкая поганка предпочитает нагульные пруды ($n = 30$), которые покрыты надводной растительностью в среднем на 32%. Этот факт подтверждает и наличие слабой позитивной взаимосвязи между площадью прудов, площадью надводных макрофитов на них и численностью гнездящихся пар серощёкой поганки ($r_s = 0,30$, $r_s = 0,31$ $p < 0,001$, $n = 208$) соответственно.

Типичными местами размножения вида являются пруды рыбхозов и различные мелководные эвтрофные водоемы (озера, водохранилища, затопленные торфоразработки). Из 21 достоверно известного места гнездования вида 14 (66%) являются прудами рыбхозов. Лишь в 3 случаях птицы гнездились на эвтрофных озерах (Ореховское и Олтушское, Селяхи). В 2 случаях гнездовые биотопы были представлены затопленными торфоразработками (урочище «Разливы», «Кустовичи»). По одному случаю приходилось на крупное водохранилище Луковское и старицы реки Муховец.

Плотность вида в различных местообитаниях сильно варьирует, достигая максимума на прудах рыбхозов. Максимальная плотность гнездования вида ($P = 1,8$ пар/км²) для естественных эвтрофных водоемов наблюдалась нами в 1998 году на озере Олтушском. На затопленных торфоразработках в урочище «Разливы» наибольшая плотность вида ($P = 1,5$ пар/км²) была в 1999–2001 годах. На торфоразработках «Кустовичи» гнездилась всего одна пара серощёкой поганки, $P = 0,25$ пар/км² [15]. На «Долгом» и «Круглом» прудах рыбхоза «Страдочь» 24.05.2009 года было отмечено гнездование 6 и 5 пар серощёкой поганки, а плотность составила 7,5 и 10 пар/км² соответственно. В данное время на рыбхозе гнездились 19 пар вида, а плотность гнездования в пересчете на общую площадь прудов составила 2,4 пар/км². На одном из прудов рыбхоза «Тремля» 03.06.2009 гнездились 6 пар серощёкой поганки, $P = 5,6$ пар/км². Средняя плотность гнездования на прудах рыбхозов при пересчете на площадь 11 обследованных территорий (1 1960 га) в 2009 году составила 0,56 пар/км².

Во всех перечисленных местообитаниях, кроме прудов крупных рыбхозов, вид не многочислен, на гнездовании встречается спорадически. На Олтушском и Ореховском озерах, а также в урочище «Разливы» вид гнезвился в 1997–2003 годах общей численностью 3–7 пар [10]. В последующие годы вид на данных водоемах не отмечался. Причиной тому, в случае с Ореховским озером, могло послужить почти полное исчезновение погруженной растительности и уменьшение общей биомассы макрофитов более чем в 2 раза [16]. На Олтушском озере причиной исчезновения вида могли послужить резкие изменения уровня воды, наблюдавшиеся в 2004–2006 годах. На рыбхозе «Карпин» вид отмечался до 2004 года включительно, после чего пруды рыбхоза были реконструированы (личное сообщение Д. А. Китяля). В 1984–2000 гг. не ежегодное гнездование вида отмечалось на озере Селяхи. Кроме того, вид нерегулярно гнезвился на прудах небольших рыбхозов в окрестностях д. Томашовка и д. Домачево [10], [11]. На Луковском водохранилище одна пара гнездилась в 1986–1990 годах. В настоящее время вид встречается здесь лишь в период весенней и осенней миграции. Таким образом, постоянные гнездовые группировки вида сформировались лишь на прудах крупных рыбхозов. Однако численность вида на большинстве из них подвержена значительным флуктуациям (таблица 3).

На территории рыбхоза «Новоселки» за последние 10 лет численность вида упала более чем в 4 раза, что, по-видимому, связано с интенсификацией ведения рыбного хозяйства. В последние годы пруды рыбхоза были очищены от зарослей надводных макрофитов. Также в борьбе с зарастанием регулярно стали применяться гербициды (Раундап). Сократилась численность вида

в рыбхозах «Локтыши» и «Соколово», в рыбхозе «Полесье» в последние годы не гнездится вовсе. Наиболее стабильно ситуация выглядит на 3 рыбхозах («Страдочь», «Руда» и «Белое»), где численность вида не только не уменьшилась, но и несколько возросла. Неясна ситуация в рыбхозе «Тремля», где в настоящее время гнездится крупнейшая популяционная группировка вида в Беларуси (17–20 пар). Несмотря на то что рыбхоз был создан еще в первой половине XX века, сведений о гнездовании серощёкой поганки в нем не было до настоящего времени. О значительных флуктуациях вида в Польше пишет Tomialojc [4].

Как видно, начиная с 1963 года и до конца 90-х годов численность вида в Беларуси возрастала. Причиной тому могло послужить, в первую очередь, увеличение количества рыбхозов на ее территории (см. таблицу 3).

Таблица 3 – Основные местообитания серощёкой поганки и динамика изменения численности вида (пар)

Территория	Период		
	1963–68	1997–2001	2008–2009
Малоритская группа озер	-	3–7	-
Рыбхоз «Страдочь»	10–17°	10–15	15–19
Рыбхоз «Соколово»	x	3–5	1
Рыбхоз «Руда»	-	4–6	5–7
Рыбхоз «Новоселки»	x	32*	4–8
Рыбхоз «Полесье»	x	1*	-
Рыбхоз «Белое»	-	4*	4–9
Рыбхоз «Красная Зорька»	-	-	1
Рыбхоз «Тремля»	-	-	17–20
Рыбхоз «Локтыши»	x	1–4	1–2
Рыбхоз «Волма»	-	2*	-
Рыбхоз «Селец»	x	1*	1
Всего	10–17	61–77	49–68

Примечание: -- не отмечалась; x – водоем отсутствовал; ° – по Вадковскому 1983; * – по Svazas 2002.

Так, до 60-х годов общая площадь рыбхозов Беларуси составляла всего 7 000 га, к настоящему времени она возросла в 3 раза и составляет более 22 000 га. Кроме того, за счет увеличения численности гнездящихся птиц на рыбхозах происходило перераспределение вида на другие подходящие для гнездования водоемы. О трудностях оценки численности вида из-за его частого перераспределения между соседними водоемами сообщают и польские авторы [17].

Проанализировав таблицу 3 и приняв во внимание то, что в настоящее время вид перестал гнездиться практически во всех известных ранее местообитаниях, за исключением крупных рыбхозов, можно сделать вывод о некотором падении численности серощёкой поганки в последнее десятилетие. В примыкающем к Беларуси Люблинском воеводстве Республики Польша с 1995 года отмечен спад численности вида наполовину. Польские орнитологи [4], [17] основными причинами снижения численности считают хищничество американской норки и енота, а также изменения условий в результате сукцессий растительности на мелководных водоемах.

Выводы

Основываясь на результатах наших исследований, а также учитывая данные других авторов, можно сделать вывод о том, что серощёкая поганка распространена по территории Беларуси неравномерно. Это связано с тем, что основными местообитаниями вида являются мелководные, эвтрофные водоемы с обширными, мозаично чередующимися участками надводной и погруженной растительности. Наибольшее количество водоемов данного типа как искусственного, так и естественного происхождения сосредоточено на юге республики.

Численность популяции вида подвержена значительным колебаниям. Причиной тому могут служить как естественные флуктуации, так и изменение условий среды обитания, в частности под воздействием антропогенного фактора. Вследствие того что основная часть белорусской популяции вида обитает на искусственных водоемах, ее благополучие во многом зависит от характера хозяйственной деятельности человека.

Учытвавая последние тенденции динамики численности, ранее предложенные оценки [2], [3] белорусской популяции вида, на наш взгляд, были существенно занижены. Принимая во внимание среднюю плотность гнездования серощёкой поганки на исследуемых рыбхозах (0,56 пар/км²), а также возможность высокой плотности гнездования вида на эвтрофных озерах и затопленных торфоразработках, современная численность серощёкой поганки оценивается нами в 150–200 пар.

Літаратура

1. Snow, D. W. The birds of the Western Palearctic / D. W. Snow, C. M. Perrins. – Oxford New York, Oxford University Press. – 1998. – Vol. 1. – P. 20–22.
2. Птицы Беларуси на рубеже XXI века: статус, численность, распространение / М. Е. Никифоров [и др.]. – Минск : изд. Н. А. Королев, 1997. – С. 22.
3. Красная книга Республики Беларусь. Животные / редкол.: Л. И. Хоружик [и др.]. – Минск, Беларуская энцыклапедыя, 2004. – 320 с.
4. Tomialojc, L. Awifauna Polski. Rozmieszczenie, liczebność i zmiany / L. Tomialojc, T. Stawarchuk. – Wrocław : Wydawnictwo PTGP «pro Natura», 2003. – P. 63–67.
5. Ranoszek, E. Weryfikacja metod oceny liczebności ptaków wodnych w warunkach stawów Milickich / E. Ranoszek // Notatki ornitologiczne. – 1983. – 24 – P. 177–201.
6. Вадкоўскі, В. Б. Рэдкія птушкі паўднева-заходняга Палесся / В. Б. Вадкоўскі // Весці АН БССР. Сер. біял. навук / рэдкал.: В. П. Купрэвіч [і інш.]. – 1964. – № 2. – С. 110–112.
7. Вадковский, В. Б. К экологии серощёкой поганки в Белоруссии / В. Б. Вадковский, А. Н. Фоменков // Животный мир Бел. Полесья, охрана и рац. использование : тез. докл. 3-й обл. науч. конф. – Гомель, 1983. – С. 18–19.
8. Юрко, В. В. Распространение и численность редких видов птиц на прудах рыбхозов Беларуси / В. В. Юрко // Структурно-функциональное состояние биол. разнообразия животного мира Беларуси : тез. докл. 8-й зоол. науч. конф., Минск / НАН Беларуси, Ин-т зоол.; редкол.: Б. И. Бычкова [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1999. – С. 147–149.
9. Svazas, S. Waterbirds of large fishponds of Belarus and Lithuania / S. Svazas, A. Kozulin (eds) // Lithuanian Institute of Ecology. – Vilnius, 2002. – P. 22–28.
10. Абрамчук, А. В. К распространению серощёкой поганки в Беларуси / А. В. Абрамчук // Экологической науке – творчество молодых : материалы III Регионал. науч.-практ. конф. ведущих специалистов, аспирантов и студентов, Гомель, апрель, 2003 год / ГГУ; редкол.: А. П. Гусев [и др.]. – Гомель, 2003. – С. 4–5.
11. Гайдук, В. Е. К экологии серощёкой поганки юго-запада Беларуси / В. Е. Гайдук // Красная книга Республики Беларусь: состояние, проблемы, перспективы : материалы республ. науч. конф., Витебск, 12–13 дек. 2002 г. / ВГУ. – Витебск, 2002. – С. 65–66.
12. Гайдук, В. Е. Экология птиц юго-запада Беларуси. Неворобьинообразные : моногр. / В. Е. Гайдук, И. В. Абрамова. – Брест : БрГУ, 2009. – С. 28–30.
13. Бучко, В. В. К экологии серощёкой поганки на западе Украины / В. В. Бучко [и др.] // Беркут. – 1995. – Т. 4, вып. 1–2. – С. 25–30.
14. Никифоров, М. Е. Птицы Беларуси: справочник-определитель гнезд и яиц / М. Е. Никифоров, Б. В. Яминский, Л. П. Шкляр. – Минск : Выш. шк., 1989. – С. 23–24.
15. Раковский, Н. Н. Население птиц карьеров торфоразработок в гнездовой период / Н. Н. Раковский, В. Е. Гайдук // Фауна и флора Прибужья и сопредельных территорий на рубеже XXI ст.: материалы Междунар. науч.-практ. конф., ГНП «Беловежская пуца», 20–21 дек. 2000 г. / редкол.: В. Е. Гайдук [и др.]. – Брест : изд-во БрГУ, 2000. – С. 138–139.
16. Национальная система мониторинга окружающей среды Республики Беларусь: результаты наблюдений, 2005 / под ред.: С. И. Кузьмина, С. П. Уточкиной. – Минск : РУП «БелНИЦ “Экология”, 2006. – С. 161–166.
17. Gorecki, G. Perkoz rdzawoszyi Podiceps grisegena / G. Gorecki, M. Stajszczyk. – W: Sikora A., Rohde Z., Gromadzki M., Neubauer G., Chylarecki P. (red.) Atlas rozmieszczenia ptaków legowych Polski 1985–2004. – Bogucki Wyd. Nauk., Poznan, 2007. – S. 104–105.

Summary

A study of Red-necked Grebe (*Podiceps grisegena*) has been conducted by us in between 1997 and 2009 in Brest, Homiel and Minsk regions of Belarus. A total of 55% of Belarus' fishfarms total surface was included into the study scope. The species has been observed in 22 locations in Southern and South-Western Belarus of that in 18 as a breeding one. A number of new settlements have been registered, phenology of spring and autumn migration and nesting ecology of the species have been studied. Estimations of the number of different settlements and analyses of population changes for key types of habitat are provided. An estimated actual population of Red-necked Grebe in Belarus makes a total of 150–200 breeding couples.

Поступила в редакцию 07.04.10.

УДК 599.323.41:591.5(253:476.2)

Е. С. Гайдученко

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕЛТОГОРЛОЙ МЫШИ
(*APODEMUS FLAVICOLLIS* MELCHIOR, 1834)
ЛЕСНЫХ МАССИВОВ ЮГО-ВОСТОКА БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ**

*В работе представлен экологический анализ численности, биотопической приуроченности и репродуктивных показателей второго по численности вида в Беларуси – желтогорлой мыши (*Apodemus flavicollis*). За время исследований отловлено 463 экземпляра желтогорлой мыши, в сумме отработано 24 800 ловушко-суток. Показана динамика численности популяций на протяжении 6 лет (2004–2009 гг.), а также долевая представленность вида в основных лесных формациях Гомельского Полесья. Проведенные исследования показали рост относительной численности, а также увеличение доли половозрелых особей, беременных и лактирующих самок по мере удаления от зон антропогенного воздействия.*

Введение

Желтогорлая мышь (*Apodemus flavicollis* Melchior, 1834) является широко распространенным в лесных биоценозах Беларуси видом мышевидных грызунов. По численности уступает только рыжей полевке, доля вида в общем числе микромаммалей в среднем по республике занимает 18,6% [1]–[3]. Предпочтение отдает смешанным и широколиственным лесам, с хорошо развитым подлеском и травяным ярусом. По характеру питания желтогорлая мышь является ярко выраженным семеноядом [3], [4].

Особенности биологии, питания и размножения желтогорлой мыши на территории республики являлись предметом детального изучения отечественных ученых [3]–[10].

Численность желтогорлой мыши подвержена значительным колебаниям в зависимости от абиотических и биотических факторов среды обитания. Так, в осенний период для широколиственных лесов юго-западной части Беларуси отмечено изменение численности вида в 22 раза (0,2–4,4 экз. на 100 ловушко-суток) [9]. Плотность популяции и динамика численности желтогорлой мыши значительно зависят от климатических и кормовых условий обитания [9], [11], [12].

Цель нашей работы – анализ численности и репродуктивных особенностей желтогорлой мыши лесных формаций юго-востока Белорусского Полесья с разным уровнем антропогенного воздействия и дополнение ранее проведенных экологических исследований современными данными.

Материал и методы. Исследования проводились на территориях Ченковского (Гомельский район) и Комаринского (Брагинский район) лесничеств на протяжении 2004–2009 гг. В качестве модельных биотопов было выбрано 3 лесных формации: сосновая, дубовая и черноольховая. За время исследований было отработано 24 800 ловушко-суток, отловлено 2 203 особи мелких млекопитающих, в том числе 463 экземпляра желтогорлой мыши.

Учет численности групп мелких млекопитающих проводился с помощью общепринятого метода давилко-линий [13], [14]. В качестве орудия лова использовались давилки типа «Геро». Стандартной приманкой служили кусочки черного хлеба, поджаренные на нерафинированном растительном масле. Ловушки выставлялись линиями по 25 штук в каждой на расстоянии 5 м друг от друга.

Пойманных мелких млекопитающих идентифицировали с видом согласно стандартным идентификационным ключам [15], [16]. Число мелких млекопитающих, отловленных на 100 давилко-сутках, использовали как показатель относительного обилия животных [17].

Биотопическая приуроченность (F_{ij}) указывает на предпочтение видом определенного местообитания по отношению ко всему его многовидовому обилию. Значения F_{ij} находятся в пределах от -1 (избегание) до +1 (явное предпочтение, обитает только в данном биотопе). Для анализа степени относительной биотопической приуроченности вида использовался индекс F_{ij} [18].

Результаты исследования и их обсуждение

Численность и биотопическая приуроченность. В наших исследованиях желтогорлая мышь традиционно занимала второе место по численности в общих отловах микромаммалий. Суммарная доля вида в общем числе отловленных зверьков (таблица 1) значительно менялась по годам – от 3,47 (2005 год) до 28,49 (2004 год). Четкое предпочтение определенной формации для желтогорлой мыши в наших исследованиях выделить не удалось: в зависимости от года максимальное доленое участие было свойственно разным лесным формациям. Так, доленое максимум был зафиксирован в 2004 году для формации черноольховых лесов – 45,50%, в этом же году отмечен наибольший процент исследуемого вида в дубовых лесах – 34,78. В формациях сосновых лесов наибольшее доленое участие желтогорлой мыши отмечено в 2006 году – 31,30%. В целом для желтогорлой мыши характерно предпочтение биотопов с хорошо развитой лесной подстилкой, густым подлеском и хорошим травяным ярусом.

Таблица 1 – Численность и доленое участие желтогорлой мыши в летних сборах 2004–2009 гг. лесных формаций Гомельского лесхоза

Год	Формация сосновых лесов	Формация черноольховых лесов	Формация дубовых лесов	Всего
2004	$\frac{0,29}{3,45}$	$\frac{2,21}{45,59}$	$\frac{2,29}{34,78}$	$\frac{1,75}{28,49}$
2005	$\frac{0,21}{5,88}$	Не выявлен	$\frac{0,29}{3,39}$	$\frac{0,18}{3,47}$
2006	$\frac{3,42}{31,30}$	$\frac{1}{18,75}$	$\frac{1,83}{18,33}$	$\frac{2,13}{25,1}$
2007	$\frac{2,0}{28,92}$	$\frac{1,58}{24,05}$	$\frac{1,83}{31,43}$	$\frac{1,8}{27,41}$
2008	$\frac{0,62}{9,43}$	$\frac{0,92}{14,29}$	$\frac{0,66}{9,64}$	$\frac{0,71}{10,66}$
2009	$\frac{2,17}{14,1}$	Затоплен	Затоплен	$\frac{2,17}{14,1}$

Примечание: над чертой – число особей на 100 ловушко-суток;
под чертой – доля вида в общем числе добытых зверьков.

При анализе относительной численности желтогорлой мыши (таблица 1, рисунок 1) заметны некоторые колебания в зависимости от биотопа и года исследования. Так, пик относительной численности отмечен в формации сосновых лесов в 2006 году – 3,42 особи на 100 л/с, в этих же биотопах зафиксировано и наименьшее значение численности – 0,21 особи на 100 ловушко-суток. Общая относительная численность исследуемого вида в летнее время в формациях Гомельского лесхоза была минимальной в 2005 году – 0,18 особи на 100 ловушко-суток. Для 2009 года характерен пик общей относительной численности – 2,17 особи на 100 л/с.

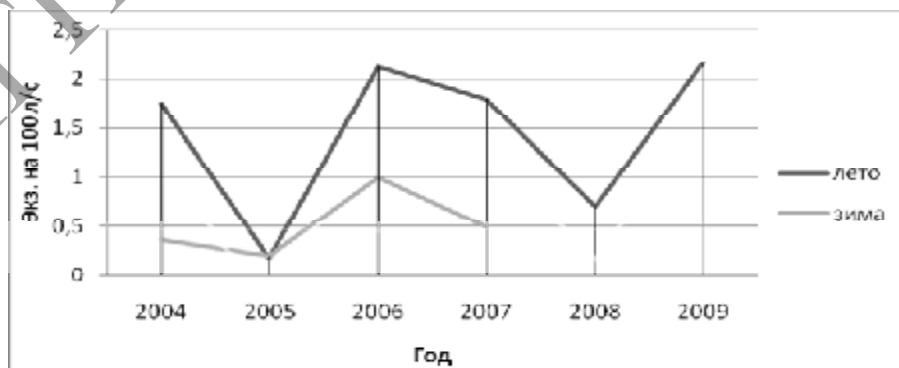

Рисунок 1 – Средняя многолетняя динамика численности желтогорлой мыши (из расчета на 100 ловушко-суток) лесных массивов рекреационных зон Гомельской агломерации (Гомельский лесхоз, Ченковское лесничество)

В зимний период максимальная относительная численность исследуемого вида была не более 1 особи на 100 л/с. Заметное сокращение относительной численности популяции в зимний период обусловлено гибелью старых особей, смертностью в результате обеднения кормовой базы, ухудшения климатических условий обитания. В то же время зимняя выживаемость популяции закладывает последующую весенне-летнюю численность мелких млекопитающих. Так, на рисунке 1 заметно повторение летних колебаний относительной численности с зимними данными.

При изучении численности желтогорлой мыши в лесных формациях Комаринского лесхоза (территория периодического радиационного контроля с ограниченным хозяйственным использованием) отмечено резкое увеличение индекса относительного обилия зверьков по сравнению с аналогичными формациями Гомельского лесхоза вне зависимости от сезона года. Данные летних учетов 2009 года показывают превышение относительного обилия исследуемого вида более чем в 3 раза по сравнению с аналогичными показателями в Гомельском лесхозе.

В исследованных биотопах Комаринского лесхоза долевая представленность и относительное обилие желтогорлой мыши значительно отличаются в зависимости от типа леса. Так, в формации дубовых лесов (рисунок 2) относительная численность желтогорлой мыши в 1,5–2 раза выше, чем в сосновых формациях. Однако при проведении учетных ловов в декабре 2009 года более высокая численность и долевая представленность характерны для формации сосновых лесов.

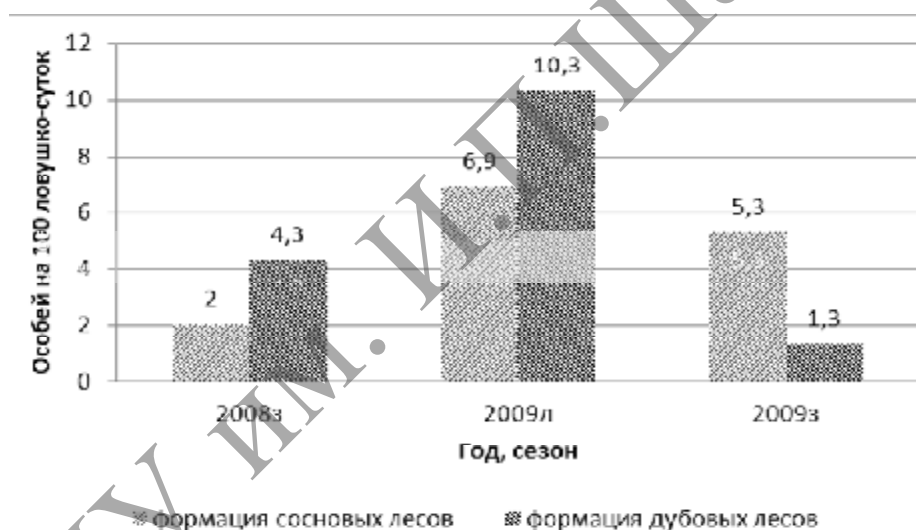

Рисунок 2 – Численность желтогорлой мыши (из расчета на 100 ловушко-суток) лесных массивов с периодическим радиационным контролем ограниченного хозяйственного использования (Брагинский район, Комаринский лесхоз)

Таблица 2 – Степень относительной биотопической приуроченности желтогорлой мыши в исследованных лесных формациях Гомельского Полесья

Место исследований	Формация сосновых лесов	Формация черноольховых лесов	Формация дубовых лесов
1	-0,08	0,14	-0,06
2	-0,21		0,30

Примечание: 1 – лесные массивы рекреационных зон Гомельской агломерации;
2 – лесные массивы зон с периодическим радиационным контролем.

Анализ степени биотопической приуроченности желтогорлой мыши (таблица 2) показал некоторые отличия в исследуемых лесных формациях в зависимости от района исследования. Так, в лесных массивах Гомельского лесхоза незначительное предпочтение исследуемый вид отдает формации черноольховых лесов ($F_{ij} = 0,14$). Для формаций Брагинского района (Комаринский лесхоз) свойственен более широкий диапазон значений: предпочтение желтогорлая мышь отдает дубравам ($F_{ij} = 0,30$), а незначительное избегание видом характерно для сосновых формаций.

Репродуктивные характеристики популяций. Помимо морфофизиологических особенностей, благополучие популяции в основном определяется такими демографическими процессами, как смертность и воспроизводство, поэтому комплексный анализ репродуктивных характеристик и адаптивных изменений репродуктивной системы мелких млекопитающих является актуальным для оценки состояния природных территорий в районах с высокой антропогенной нагрузкой.

На территории Белорусского Полесья общий период размножения желтогорлой мыши составляет около 6 месяцев (с апреля по сентябрь). В годы с более мягкими погодными условиями и наличием богатой кормовой базы период размножения может продолжиться до середины октября. Самки приносят 2–4 помета по 4–8 (в среднем 6) детенышей [19]. Половой зрелости самки достигают в возрасте 50–60 дней [20].

Проведенные нами исследования репродуктивных процессов внутри популяций желтогорлой мыши на территориях двух районов юго-востока Белорусского Полесья (таблица 3) позволили отметить некоторые отличия. В популяциях исследуемых местообитаний преобладают самцы (более 60%). Известно, что в случае смещения соотношения полов в сторону самцов условия среды характеризуются как неблагоприятные [21], [22], однако незначительное преобладание самцов в половом составе [9] отмечается в популяциях юго-западного и центрального регионов Беларуси. В целом небольшое преобладание самцов в популяциях желтогорлой мыши является нормой.

Таблица 3 – Репродуктивные показатели особей желтогорлой мыши, обитающих в лесных массивах Гомельского Полесья, подверженных различной степени антропогенной трансформации (в %)

Исследуемый параметр репродуктивных процессов	Гомельский район	Брагинский район
% самцов в популяции	60,4	60,5
% половозрелых самцов	72,4	82,7
% половозрелых самок	63,7	67,6
% беременных и кормящих самок	5,3	26,5
Число эмбрионов / 1 берем. самку (шт.)	5,0	4,9

Максимальная доля половозрелых особей обоих полов (самцы – 82,7%, самки – 67,6%) была отмечена в лесных массивах зон с периодическим радиационным контролем ограниченного хозяйственного использования (Брагинский район), что говорит о более активном участии в размножении зверьков из данной популяции. С этими показателями напрямую связана интенсивность размножения мелких млекопитающих. Так, на территориях с ограниченным хозяйственным использованием доля беременных и кормящих самок в популяциях в 5 раз превышает аналогичный показатель у популяций рекреационных зон Гомельской агломерации (26,5% против 5,3%). На интенсивность размножения мелких млекопитающих оказывает влияние совокупность таких факторов, как погодные и кормовые условия, половозрастная структура и плотность населения популяции, инвазированность особей гельминтами и паразитами, степень антропогенной нагрузки на экосистему.

Число эмбрионов, приходящихся на 1 беременную самку, у исследованных популяций желтогорлой мыши в среднем равна 5,0 (4,9 для Брагинского района). Средняя величина выводка в популяциях мелких млекопитающих возрастает при оптимальных кормовых условиях, а также в годы с высокой урожайностью экосистемы. Существует ряд факторов, имеющих второстепенное значение для величины выводка популяции. К таким факторам можно отнести стресс, испытываемый животными при перенаселении территории, конкурентную борьбу за убежища, нехватку пищевых ресурсов.

Выводы

Зимняя численность зверьков во многом обусловлена микроклиматическими факторами, формирующимися в исследованных формациях. Так, среднесуточные температуры, количество осадков, величина снежного покрова влияют на жизнедеятельность популяции. Теплые, мягкие зимы с хорошим снежным покровом и без резких перепадов температур создают благоприятные условия для зимовки грызунов; выживаемость зверьков благодаря относительно благоприятным абиотическим факторам увеличивается, что отражается на последующем увеличении численности популяции.

Факторы беспокойства, испытываемого грызунами в лесах рекреационных зон Гомельской агломерации (санитарные рубки, ведение натурального хозяйства, выпас скота, активное посещение леса человеком), неблагоприятно сказываются на численности и репродуктивных процессах популяции. Лесные формации Комаринского лесничества (Брагинский район) ввиду загрязненности территории радионуклидами, напротив, отличаются относительным «антропогенным покоем»: лесохозяйственная деятельность ограничена, присутствие человека носит эпизодический характер. Это создает экологически комфортные условия обитания для мелких млекопитающих, численность и способность к воспроизводству у популяции увеличиваются.

Литература

1. Рождественская, А. С. Изменчивость населения мышевидных грызунов в лесах Белоруссии / А. С. Рождественская // Млекопитающие СССР ; III съезд Всес. териол. о-ва, Москва, 1–5 февр. 1982 г. : тез. докл. / редкол.: П. А. Пантелеев (отв. ред.) [и др.]. – Т. 1. – 1982. – С. 282–283.
2. Терехович, В. Ф. Закономерности распространения мышевидных грызунов в лесах Белоруссии / В. Ф. Терехович // Клещевой энцефалит. – Минск : Беларусь, 1965. – С. 284–290.
3. Терехович, В. Ф. Экология европейской рыжей полевки и желтогорлой мыши : автореф. ... дис. канд. биол. наук : 03.00.08 / В. Ф. Терехович ; БГУ. – Минск, 1966. – 22 с.
4. Терехович, В. Ф. Размножение лесной рыжей полевки и желтогорлой мыши в Белоруссии / В. Ф. Терехович // Экология позвоночных животных Белоруссии. – Минск : Наука и техника, 1965. – С. 76–85.
5. Пивоварова, Е. П. Распределение по биотопам, питание и лесохозяйственное значение мышевидных грызунов Беловежской пуши / Е. П. Пивоварова // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та имени В. П. Потёмкина. – Т. 61 : Каф. зоологии. – Вып. 4–5. – 1956. – С. 305–383.
6. Саблина, Т. Б. Экология желтогорлой мыши в заповеднике «Беловежская пуша» / Т. Б. Саблина // Тр. Ин-та морфологии животных имени А. Н. Северцова. – Вып. 9. – М. : АН СССР, 1952. – С. 231–249.
7. Міхалап, В. М. Экалагічны асаблівасці і дынаміка колькасці мышавідных грызуноў Беларускага Палесся / В. М. Міхалап // Весці АН БССР. Сер. біял. навук. – № 3. – 1961. – С. 96–103.
8. Михолап, О. Н. Грызуны Полесской низменности и их хозяйственное значение : автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Минск, 1954. – 11 с.
9. Блоцкая, Е. С. Популяционная экология мелких млекопитающих юго-западной и центральной Беларуси / Е. С. Блоцкая, В. Е. Гайдук. – Брест : изд-во БрГУ, 2004. – 187 с.
10. Блоцкая, Е. С. Морфологическая изменчивость фоновых видов мелких млекопитающих Беларуси / Е. С. Блоцкая, В. Е. Гайдук – Брест : изд-во БрГУ, 2007. – 169 с.
11. Baumler, W. Uber einen Zusammenbruch der Gelbhalsmaus population in National park Bayerscher Wald / W. Baumler // Anz. Schadlingsk. Pflanz. – und Ummeltschuts. – 1973. – Bd. 46. – № 11. – S. 162–168.
12. Montgomery, W. J. Seasonal variation in numbers of *Apodemus sylvaticus*, *A. flavicollis* and *Clethrionomys glareolus* / W. J. Montgomery // J. Zool. – 1979. – Vol. 188. – № 2. – P. 283–286.

13. Новиков, Г. А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных / Г. А. Новиков. – М. : Сов. наука, 1949. – 602 с.
14. Карасева, Е. В. Методы изучения грызунов в полевых условиях: Учет численности и мечение / Е. В. Карасева, А. Ю. Телицына. – М. : Наука, 1998. – 227 с.
15. Сержанин, И. Н. Определитель млекопитающих Белоруссии / И. Н. Сержанин, Ю. И. Сержанин, В. В. Слесаревич. – Минск : Наука и техника, 1955. – 312 с.
16. Бобринский, Н. А. Определитель млекопитающих / Н. А. Бобринский, Б. А. Кузнецов, А. П. Кузякин. – М. : Просвещение, 1965. – 382 с.
17. Гашев, С. Н. Млекопитающие в системе экологического мониторинга (на примере Тюменской области) / С. Н. Гашев. – Тюмень : изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. – 220 с.
18. Песенко, Ю. А. Принципы и методы количественного анализа в фаунистических исследованиях / Ю. А. Песенко. – М. : Наука, 1982. – 287 с.
19. Савицкий, Б. П. Млекопитающие Беларуси / Б. П. Савицкий, С. В. Кучмель, Л. Д. Бурко. – Минск : изд. центр БГУ, 2005. – 319 с.
20. Башенина, Н. В. Пути адаптаций мышевидных грызунов / Н. В. Башенина. – М. : Наука, 1977. – 355 с.
21. Сазонова, Н. А. Фауна и экология мелких млекопитающих залежных сельскохозяйственных земель юга Тюменской области : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.16 / Н. А. Сазонова. – Тюмень, 2004.
22. Synurbization process in population of *Apodemus agrarius*. I. Characteristics of populations in urbanization gradient / R. Andrzejewski [etc.] // Acta Theriol. – V. 23. – P. 341–358.

Summary

This paper contains description of the ecological research on the quantity, on the biotopical affiliation and reproductive indices of the second largest species – the *Apodemus flavicollis*. Four hundred sixty-three specimens of the *Apodemus flavicollis* were captured during the investigation. On the whole the research took 28,000 trap-days. The results of the observations reflect the dynamics of the population quantity in the time span equal to six years; moreover the percentage of the species in the main forest structures of Gomel plesye. Extended studies performed during the research showed the population growth and increase in the number of adult specimens of the pregnant and lactating females at the areas remote from the anthropology impact.

Поступила в редакцию 07.04.10.

594.3(28)(476.2)

*М. Ф. Грицанок***ФАУНИСТИЧЕСКИЙ СОСТАВ СООБЩЕСТВ БРЮХОНОГИХ МОЛЛЮСКОВ
РАЗНОТИПНЫХ ВОДОЁМОВ г. МОЗЫРЯ**

В статье рассмотрен фаунистический состав брюхоногих моллюсков разнотипных водоёмов города Мозыря. Дана краткая экологическая характеристика выявленных видов. Определен коэффициент общности Серенсена видового состава малакофаун различных биотопов.

Введение

В сообществах зообентоса большинства водоёмов Белорусского Полесья доминируют моллюски, где их доля в численности и биомассе может достигать до 90–95%. Поэтому им принадлежит ключевая роль в процессах трансформации вещества и энергии в водных экосистемах, биологической очистке воды, рационе многочисленных видов водных и околоводных животных. Брюхоногие моллюски являются промежуточными хозяевами многочисленных видов трематод, вызывающих серьёзные заболевания домашних животных и человека.

Моллюски обитают в прибрежных биотопах водоёмов, где в наибольшей степени концентрируются все загрязнители, поступающие в водоёмы, которые они способны концентрировать в своих раковинах и мягких тканях. Поэтому моллюски являются важными видами-индикаторами состояния пресных водоёмов. Как биоиндикаторы, моллюски обладают рядом преимуществ по сравнению с другими группами макрозообентоса, прежде всего из-за богатства таксономического состава, относительной простоты взятия проб и видовой идентификации и малоподвижного образа жизни [1].

Изучение малакофауны водоёмов Беларуси началось ещё в 1950-е годы. Ряд авторов, в их числе Я. И. Старобогатов (1959), С. И. Гаврилов (1973), И. И. Десятник (1979), С. И. Шалапенко и О. А. Макаревич (2007), выполнили обобщающие исследования малакофауны отдельных регионов Беларуси. Однако большинство обобщающих работ касается малакофауны Белорусского Поозерья, в первую очередь Нарочанских и Браславских озёр. Аналогичные исследования в других регионах, в первую очередь Белорусского Полесья, единичны. Среди них можно выделить исследования пресноводной малакофауны Национального парка «Припятский» и Полесского государственного радиационно-экологического заповедника [2]–[3].

Тем не менее малакофауна большинства регионов Белорусского Полесья исследована недостаточно. Наряду с сокращением численности многих аборигенных видов в силу усиления разных форм антропогенного пресса на водные экосистемы в последние два десятилетия в водоёмы Белорусского Полесья проник целый ряд чужеродных видов моллюсков [3]. Таким образом, имеющиеся данные по видовому составу малакофауны данного региона нуждаются в серьёзной ревизии, что необходимо для решения целого ряда теоретических и прикладных задач.

Негативное воздействие антропогенных факторов на биологическое разнообразие природных экосистем наиболее очевидно проявляется в урбанизированных ландшафтах. Нами исследован видовой состав сообществ брюхоногих моллюсков в водоёмах, находящихся в пределах крупного (свыше 120 тыс. жителей) промышленного центра Белорусского Полесья – города Мозыря и его ближайших окрестностей.

Методы исследования. Материалом для работы послужили собственные сборы брюхоногих моллюсков за период 2007–2009 гг. в следующих водоёмах г. Мозыря и его ближайших окрестностей:

1. Главное русло реки Припять в черте города.
2. Затока реки Припять Мерлявица.
3. Река Неначь, от впадения в Припять вверх по течению на протяжении 1,5 км.

4. Река Закованка, от впадения в Припять вверх по течению на протяжении 1,5 км.
 5. Озеро Гудшие на окраине города вблизи железнодорожной станции Пхов. Данное озеро не связано с поймой реки.

6. Временные водоёмы в затопляемой пойме на низком правом берегу реки Припять. Сборы моллюсков производили в весенне-летний период в прибрежных биотопах водоемов с помощью ручного гидробиологического сачка. Видовая принадлежность ряда легко дифференцируемых видов определялась без их изъятия из водоема. Виды из семейства *Lymnaeidae*, определение которых было затруднено, фиксировались в 70-процентном спирте; их определение производили в лаборатории под микроскопом по строению репродуктивной системы [4], [5].

Многие виды брюхоногих моллюсков отличаются высокой степенью эврибионтности. Их существование в широком диапазоне изменений факторов среды обуславливает значительную изменчивость размеров и пропорций их раковин, что затрудняет идентификацию. Поэтому для видовой идентификации моллюсков использовали определители, принятые в Польше и в других странах Западной Европы (Piechocki, Dyduch-Falniowska, 1993; Glöer, Meier-Brook, 1998). В их основу положен политипический подход, поэтому во многих родах брюхоногих моллюсков выделено существенно меньшее число видов, чем в соответствующих определителях, используемых специалистами России и большинства стран СНГ.

Результаты исследования и их обсуждение

В бассейне Припяти, главной водной артерии Белорусского Полесья, выше Мозыря находится ряд городов с развитой обрабатывающей (Пинск, Лунинец, Житковичи) и добывающей (Микашевичи) промышленностью. Наряду с этим Полесская низменность является одним из важнейших сельскохозяйственных районов Беларуси. Это обуславливает достаточно высокий уровень загрязнения водоемов бассейна Припяти промышленными и бытовыми стоками, а также минеральными удобрениями и ядохимикатами. На участке от Пинска до створа 45 км ниже Мозыря состояние вод Припяти по совокупности гидрохимических показателей оценивается III классом загрязнения (умеренно загрязненные). Ниже Мозыря до трансграничного створа у деревни Довляды (зона ЧАЭС) экологическое состояние реки ухудшается. Здесь зафиксирован III–IV класс (умеренно загрязненные – загрязненные) загрязнения воды [6].

В исследованных водоёмах при изучении видового состава брюхоногих моллюсков водоемов г. Мозыря обнаружено 14 видов, принадлежащих к 7 семействам (таблица 1).

Таблица 1 – Видовой состав и распределение брюхоногих моллюсков по водоёмам г. Мозыря.

№	Названия таксонов и видов	Водоёмы*					
		1	2	3	4	5	6
1	2	3	4	5	6	7	8
Класс Gastropoda							
Подкласс Pulmonata							
Отряд Basommatophora							
Семейство Lymnaeidae							
1	<i>Lymnaea stagnalis</i> (Linnaeus, 1758)	+	+	+	+	+	+
2	<i>Stagnicola palustris</i> (O. F. Müller, 1774)	+	+	+	+		+
3	<i>Stagnicola corvus</i> (Gmelin, 1791)	+	+	+		+	
4	<i>Radix ovata</i> (Draparnaud, 1805)	+	+	+	+	+	+
5	<i>Radix peregra</i> (O. F. Müller, 1774)	+	+			+	
Семейство Physidae							
6	<i>Physa fontinalis</i> (Linnaeus, 1758)		+	+			
Семейство Planorbidae							
7	<i>Planorbis planorbis</i> (Linnaeus, 1758)		+	+	+	+	+
8	<i>Planorbarius corneus</i> (Linnaeus, 1758)	+	+	+	+	+	

Продолжение таблицы 1							
1	2	3	4	5	6	7	8
Подкласс Prosobrancia							
Отряд Mesogastropoda							
Семейство Neritidae							
9	<i>Theodoxus fluviatilis</i> (Linnaeus, 1758)		+				
Семейство Viviparidae							
10	<i>Viviparus contectus</i> (Millet, 1813)		+	+	+		+
11	<i>Viviparus viviparus</i> (Linnaeus, 1758)	+				+	
Семейство Bithynidae							
12	<i>Bithynia leachi troscheli</i> (Paasch, 1842)			+			+
13	<i>Bithynia tentaculata</i> (Linnaeus, 1758)	+	+	+	+		
Семейство Valvatidae							
14	<i>Valvata cristata</i> (O. F. Müller, 1774)		+	+	+		
Общее число видов		8	12	11	8	7	6

* 1. Река Припять в черте города Мозыря; 2. Затока реки Припять Мерлявица; 3. Река Неначь; 4. Река Закованка; 5. Озера Гудшие; 6. Временные водоёмы.

Разницу в видовом составе брюхоногих моллюсков исследованных водоемов можно оценить по ряду показателей. В зоогеографии широко используется коэффициент Серенсена:

$$K_S = 2C/(A + B),$$

где C – число видов, встречающихся в обоих биоценозах, A – число видов, обитающих в первом биоценозе, B – число видов, обитающих во втором биоценозе. Значения K_S могут изменяться от 0 (в исследуемых биоценозах нет общих видов) до 1 (все виды являются общими для обоих биоценозов) [7].

По имеющимся данным нами был определен коэффициент общности Серенсена видового состава малакофаун рассматриваемых водоемов (таблица 2).

Таблица 2 – Коэффициент общности Серенсена видового состава малакофаун водоемов г. Мозыря

	р. Припять	Затока Мерлявица	р. Неначь	р. Закованка	оз. Гудшие
Затока Мерлявица	0,7				
р. Неначь	0,63	0,87			
р. Закованка	0,625	0,8	0,84		
оз. Гудшие	0,615	0,63	0,55	0,53	
Временные водоёмы	0,43	0,56	0,7	0,71	0,46

Сравнение коэффициентов сходства Серенсена показало, что наиболее сходны по видовому составу брюхоногих моллюсков между собой река Неначь, затока Мерлявица и река Закованка. Это обусловлено схожими экологическими характеристиками данных водоёмов (скорость течения, глубина, температурный режим, богатая водная растительность). Наименьшее сходство имеют временные водоёмы с рекой Припять, хотя в целом уровень совпадения флористических списков достаточно высок. Это связано, главным образом, с взаимопроникновением моллюсков в разные регионы по гидрологической сети, в частности во время весеннего половодья.

Ниже приводится краткая зоогеографическая и экологическая характеристика найденных видов [4], [8]–[13].

Lymnaea stagnalis

Распространение: вся Европа, Передняя Азия и Сибирь.

Экология: повсеместное распространение, преимущественно в прибрежной полосе стоячих или медленно текущих водоемов, на илисто-песчаных грунтах и в зарослях полупогруженной растительности. Вид очень адаптивен. Может являться промежуточным хозяином наибольшего количества видов трематод (17 видов).

Stagnicola palustris

Распространение: Европа, Западная Сибирь, Передняя Азия.

Экология: встречается во временных заболоченных водоемах, а также на топких участках берегов реки Припять и реки Неначь с богатой растительностью. Может является промежуточным хозяином до 10 видов трематод.

Stagnicola corvus

Распространение: бассейн Балтийского моря. Реликтовый участок ареала – бассейн правых притоков Припяти.

Экология: обитает в богатых растительностью илистых водоемах, в большинстве случаев в мелких устойчивых водоемах (озерах и прудах). Являться промежуточным хозяином 3 видов трематод.

Radix ovata

Распространение: Европа, Сибирь.

Экология: встречается повсеместно в прибрежной растительности в стоячих и слабопроточных водоемах в зоне зарослей и иногда на камнях. Переносит нехватку кислорода. Вид очень адаптивен к условиям окружающей среды. Может является промежуточным хозяином до 9 видов трематод.

Radix peregra

Распространение: Европа, Сибирь.

Экология: обитает во временных и полупостоянных мелких водоемах. Встречается по топким берегам реки Припять. Морфологически вид довольно изменчив. Является промежуточным хозяином 4 видов трематод.

Physa fontinalis

Распространение: Западная Европа, бассейн Балтийского моря.

Экология: этот вид широко распространен на растительности и на погруженных в воду предметах в небольших, медленно текущих реках, в озерах, прудах. Предпочитает чистые спокойные водоемы с богатой растительностью. Питается, в основном, высшими растениями. Является промежуточным хозяином 1 вида трематод.

Planorbarius corneus

Распространение: вся Европа и Западная Сибирь до руслу Оби.

Экология: вид широко распространен на растительности в водоемах разных типов, отдаёт предпочтение постоянным стоячим и проточным водоёмам. Держится большей частью у дна, где легче найти мягкую пищу – ил, отмершие растения, трупы животных. Принимает участие в жизненном цикле личиночных форм 6 видов трематод.

Planorbis planorbis

Распространение: вся Европа и юг Западной Сибири.

Экология: обитает в мелких медленно текущих постоянных и временных водоемах и в прибрежных частях более крупных водоёмов. Может скапливаться в больших количествах в небольших углублениях (0,1–0,4 м), где сохраняются остатки воды. Прозрачность воды в местах поселения моллюсков – от 10 см до полной. Хорошо переносит длительное пересыхание водоёмов летом. Выживает вне воды до трех месяцев. Фитофил использует растения не только как субстрат, но и как корм. Промежуточный хозяин 14 видов трематод.

Viviparus contectus

Распространение: бассейны рек Балтийского и Северного морей, средняя часть бассейна Дуная.

Экология: предпочитает заросшие стоячие водоемы. В озерах может быть обнаружен на участках с обильной растительностью и остатками отмерших растений. Вид устойчив к низкой температуре – переносит вмерзание в лед. Предпочитает держаться на дне водоёма, где питается илом и содержащимися в нем живыми организмами. Живет дольше других брюхоногих моллюсков – до 10 лет. Является промежуточным хозяином 4 видов трематод.

Viviparus viviparus

Распространение: Европа, кроме крайних северных и южных регионов.

Экология: обитает в озерах и реках в зоне зарослей, реже встречается на участках с песчаным либо слабозаиленным грунтом. Обычен в прибрежной части крупных рек. Является промежуточным хозяином 9 видов трематод.

Bithynia leachi troscheli

Распространение: вся Европа и Западная Сибирь.

Экология: обитает в прибрежных зарослях озер и рек с небольшим течением, часто в зоне обмеления. Битинии играют важную роль в распространении глистного заболевания человека – описторхоза. Помимо этого, является промежуточным хозяином еще 5 видов трематод.

Bithynia tentaculata

Распространение: вся Европа, кроме крайнего северо-востока.

Экология: обычны и часто многочисленны в проточных, замкнутых и даже стоячих водоёмах на водной растительности. Встречаются на прибрежных камнях, в пазухах листьев макрофитов, в зарослях водорослей. Поедает зеленый налет водорослей на подводных предметах. Является промежуточным хозяином 10 видов трематод.

Valvata cristata

Распространение: вся Европа и Западная Сибирь.

Экология: многочисленны на илистом грунте озер, прудов и рек, преимущественно на подводных частях растений, предпочитают проточные водоёмы. Питаются падалью и мелкими беспозвоночными. Выдерживают нехватку кислорода.

Theodoxus fluviatilis

Распространение: Азово-Черноморский и Балтийский бассейн.

Экология: держится у поверхности воды на прибрежных камнях, крупных растениях, корягах и даже на раковинах других, более крупных видов брюхоногих моллюсков. Часто поднимается выше уреза воды даже в жаркое время суток.

В целом водоёмы городской черты г. Мозыря, несмотря на сравнительно низкий уровень загрязнения, характеризуются невысоким видовым разнообразием фауны брюхоногих моллюсков. К настоящему времени здесь отмечено лишь 14 их видов. Основу малакофауны составляют обычные и широко распространенные виды – *Lymnaea stagnalis*, *Stagnicola palustris*, *Radix ovata*, *Planorbis planorbis*, *Planorbarius corneus*. Редкие, высокоспециализированные, а также инвазийные виды не найдены.

Приведенный выше (таблица 1) список видов, очевидно, не является окончательным. При углубленных исследованиях здесь можно ожидать нахождение ряда других аборигенных видов брюхоногих моллюсков, а также ряда недавних вселенцев, например *Ferrisia fragilis* (Tryon, 1863) [3].

Для сравнения укажем, что во всех типах водоёмов Белорусского Полесья к настоящему времени зарегистрировано 37 видов брюхоногих моллюсков [2]–[3]. Следовательно, даже сравнительно невысокий уровень антропогенной трансформации естественных водоёмов Мозыря и его окрестностей привел к значительному снижению видового разнообразия фауны моллюсков.

Выводы

В водоёмах Мозыря и его ближайших окрестностей отмечено 14 видов брюхоногих моллюсков из 7 семейств. По таксономическому разнообразию преобладают легочные семейства *Lymnaeidae* (5 видов).

Количество видов брюхоногих моллюсков в различных типах водоёмов г. Мозыря и его окрестностей:

1. Главное русло реки Припять – 8 видов.
2. Затока реки Припять Мерлявица – 12 видов.
3. Река Неначь – 11 видов.
4. Река Закованка – 8 видов.
5. Озера Гудшие – 7 видов.
6. Временные водоёмы – 6 видов.

Значения K_S достаточно высокие, что обусловлено, главным образом, взаимопроникновением моллюсков в разные регионы по гидрологической сети, в частности во время весеннего половодья.

Наиболее значимы для распространения гельминтозных заболеваний домашних, диких животных и человека моллюски *L. stagnalis*, которые являются промежуточными хозяевами для 17 видов трематод, *P. planorbis* – для 14 видов, *B. tentaculata* – для 10 видов, *L. ovata* – для 9 видов, *L. palustris* – для 10 видов, *V. viviparus* – для 9 видов. Остальные моллюски имеют меньшее значение в распространении трематодофауны.

Перечень принятых сокращений

K_S – коэффициент общности Серенсена.

Индекс применяется для сравнения фаунистических комплексов, обитающих в биотопах, границы которых либо соприкасаются, либо возможно взаимное проникновение фаун.

$$K_S = 2C / (A + B),$$

где C – число видов, встречающихся в обоих биоценозах, A – число видов, обитающих в первом биоценозе, B – число видов, обитающих во втором биоценозе.

Литература

1. Жадин, В. И. Моллюски пресных и солоноватых вод СССР. Определители по фауне СССР / В. И. Жадин ; АН СССР. – М. : Наука, 1952. – 376 с.
2. Лаенко, Т. М. Моллюски временных водоёмов Национального парка «Припятский» / Т. М. Лаенко // Биологическое разнообразие Национального парка «Припятский» : сб. науч. тр. / Нац. парк «Припятский». – Туров – Мозырь : Белый ветер, 1999. – 240 с.
3. Лаенко, Т. М. Новые для Беларуси находки редких и охраняемых видов моллюсков / Т. М. Лаенко // Озерные экосистемы: биологические процессы, антропогенная трансформация, качество воды. – Минск–Нарочь : БГУ, 2007. – С. 227.
4. Определитель пресноводных беспозвоночных России и сопредельных территорий : в 6 т. / С. Я. Цалолыхина. – СПб. : Наука, 2004. – Т. 6 : Моллюски, Полихеты, Немертины. – 528 с.
5. Жадин, В. И. Методы гидробиологического исследования / В. И. Жадин. – М. : Высш. шк., 1960. – 191 с.
6. Состояние природной среды Беларуси : экол. бюл. 2008 г. / под ред. В. Ф. Логинова. – Минск : изд. центр БГУ, 2009. – 406 с.
7. Фомин, С. В. Математические проблемы в биологии / С. В. Фомин, М. Б. Беркинблит. – М. : Наука, 1973. – 197 с.
8. Шалапенок, Е. С. Краткий определитель водных беспозвоночных животных : учеб. пособие для вузов / Е. С. Шалапенок, Ж. Е. Мелешко. – Минск : БГУ, 2005. – 243 с.
9. Старобогатов, Я. И. Класс брюхоногие моллюски Gastropoda / Я. И. Старобогатов ; В кн. : Определитель пресноводных беспозвоночных Европейской части СССР. – Л. : Гидрометеиздат, 1977. – С. 152–174.
10. Лопатин, И. К. Зоогеография / И. К. Лопатин. – Минск : Выш. шк., 1989. – 318 с.
11. Жукова, Т. В. Распространение очагов церкариоза в озерах Национального парка «Нарочанский» / Т. В. Жукова, В. С. Люштык // Проблема церкариоза в Нарочанском регионе : материалы семинара, Минск, 1–2 нояб. 2006 г. / ГПУ «Национальный парк “Нарочанский” ; под ред. Т. В. Жуковой [и др.]. – Минск, 2007. – С. 104–121.
12. Игнаткин, Д. С. Видовое разнообразие малакофауны и ее роль в формировании трематодной инвазии на территории Ульяновской области : автореф. дис. ... канд. биол. наук : 03.00.16. / Д. С. Игнаткин. – Ульяновск, 2007. – 17 с.
13. Грицанок, М. Ф. Оценка зараженности водоёмов церкариями трематод в черте города Мозыря / М. Ф. Грицанок, В. Г. Сикорский // Вестн. Мордов. ун-та. – № 1. – 2009. – С. 80–81.

Summary

In Mozyr water reservoirs 14 species Gastropods belonging to 7 families have been found. The authors provide the data concerning the spread of each species within the region. Ecological peculiarities of species are characterized.

Поступила в редакцию 06.05.10.

УДК 591.463.11

*Е. Ю. Гуминская, С. С. Бабаева***МЕТОДЫ ОЦЕНКИ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛНОЦЕННОСТИ СПЕРМАТОЗОИДОВ БЫКОВ-ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ**

Приведены результаты изучения динамики патологических форм сперматозоидов и число сперматозоидов с поврежденной акросомой, а также взаимосвязь показателей лабораторной оценки с выживаемостью in vivo и оплодотворяющей способностью. Установлено, что в свежесполученной сперме содержание патологических форм сперматозоидов в среднем составило $8,7 \pm 0,7\%$, сперматозоидов с поврежденной акросомой – $3,6 \pm 0,4\%$. После разбавления спермы, замораживания и оттаивания количество таких клеток увеличилось до $12,0 \pm 0,8\%$ и $7,2 \pm 0,4\%$ соответственно. Оплодотворяемость после осеменения оцененной спермой составила 75,4%.

Введение

Искусственное осеменение сельскохозяйственных животных является могучим двигателем прогресса в животноводстве. Благодаря фундаментальным исследованиям выдающихся биологов России В. К. Милованова и И. И. Соколовской оно нашло широкое применение во всем мире. В молочном скотоводстве, как ни в одной другой отрасли животноводства, искусственное осеменение является неременным условием быстрого улучшения племенных и продуктивных качеств животных. Благодаря искусственному осеменению во многих странах прогрессивно увеличивается генетический потенциал животных, и продуктивность их превышает 7–9 тыс. килограммов молока за лактации. Достижение высоких показателей продуктивности стало возможным при использовании высокоценных быков-производителей и качественной оценке полученных эякулятов. В настоящее время 5 госплемпредприятий Республики Беларусь укомплектованы высококлассными племенными быками. Кроме оценки племенной ценности быков-производителей, особое внимание уделяют лабораторной оценке полученных эякулятов. Цель оценки – определить биологическую полноценность сперматозоидов, т. е. способность вызвать оплодотворение и дать начало здоровому потомству. Проводят макроскопическое исследование (объем, внешний вид, запах) и микроскопическое (концентрация, подвижность). В своей работе мы дополнительно определяли патологические формы сперматозоидов, количество сперматозоидов с поврежденной акросомой (в свежей сперме и после замораживания), выживаемость сперматозоидов in vivo (в половых путях самки) и оплодотворяющую способность спермы.

Цель исследований: выявить закономерность между количеством патологических форм сперматозоидов, сперматозоидов с поврежденной акросомой и их выживаемостью in vivo и оплодотворяющей способностью.

Методика проведения исследований. Были исследованы дуплетные эякуляты 33 быков-производителей. Исследования проводились в Могилевском и Барановичском госплемпредприятиях, в лаборатории кафедры природопользования и охраны природы УО МГПУ имени И. П. Шамякина.

Содержание в эякуляте патологических форм сперматозоидов изучали при просмотре под микроскопом специально приготовленных для этой цели мазков по методике, описанной G. W. Saliabury and N. L. Van Demark [1], [2]. Отобранные с помощью дозатора пипеточного образцы спермы быка разбавляли 2,9% раствором натрия цитрата (1 мл). Температуры предметных стекол, наконечника дозатора, разбавителя и спермы перед смешиванием были одинаковыми (37–38° С). Затем небольшую каплю разбавленной спермы наносили на предметное стекло, а другим стеклом осторожно размазывали ее. Высушенные мазки в течение 2 минут окрашивали анилиновым генцианвиолетом, затем быстро промывали водой из-под крана и дистиллированной водой. После высушивания дополнительно окрашивали карболовым фуксином Циля в течение 10–15 секунд. Классифицировали ненормальности сперматозоидов как первичные (главные),

вторичные и третичные. Первичные относятся к головке или акросоме клетки (головки могут быть двойными, конусообразными, грушевидными, круглыми, сморщенными, большими, узкими и разорванными), вторичные связаны с наличием цитоплазматической капельки в средней части хвоста и третичные – с другими дефектами тела и хвоста (двойные, сломанные, изогнутые, закрученные, срезанные, извитые) [3], [4].

Частоту морфологических повреждений акросомы сперматозоидов определяли акроскопическим способом по методике, разработанной под руководством И. И. Соколовской [5]–[7]. Определение произведено при помощи микроскопа БИОЛАМ, оснащенного окулярами $\times 15$ и объективом $\times 40$, конденсором светлого и темного поля марки ОИ-19. Просмотр образцов спермы осуществляли в стерильном 10-процентном водном растворе желатина (рН = 7,0). Нативную, или оттаянную, сперму быка разбавляли раствором желатины в соотношении 1:1 для снижения интенсивности движения сперматозоидов. Затем каплю разбавленной таким образом спермы наносили на предметное стекло пастеровской пипеткой и накрывали покровным стеклом. Излишний раствор удаляли при помощи фильтровальной бумаги. Приготовленные мазки немедленно микроскопировали [8].

Процедуру извлечения сперматозоидов выполняли при помощи инструмента для извлечения зародышей. Во всех случаях для промывания матки использовали фосфатно-солевой буфер (среду Дюльбекко) в объеме 10 мл. После промывания измеряли объем полученной жидкости и определяли в ней путем подсчета в счетной камере концентрацию сперматозоидов в одном мл. Затем делали перерасчет числа клеток на 10 мл среды. Общепринятым методом определяли под микроскопом наличие подвижных клеток.

Половую охоту выявляли путем регулярного наблюдения за животными. Учитывали характер их поведенческих реакций, изменения в состоянии половых органов, а в начале эксперимента – результаты осмотра преддверия влагалища и ректального исследования матки и яичников.

Принимали во внимание, что для начала охоты более характерно беспокойство животного, усиление двигательной активности, попытки контакта с другими животными, садка на них или позволение другим животным садки на себя (проявление рефлекса неподвижности). Из половой щели можно было заметить выделение прозрачной, с голубоватым оттенком жидкой слизи, эластичность которой по мере нарастания признаков охоты возрастала. Нередко отмечалось наличие слизи на вульве, корне хвоста, седалищных буграх. Хорошо выражена отечность и гиперемия наружных половых органов.

По истечении 12–18 часов к концу охоты двигательная активность снижалась, животное успокаивалось, неохотно допускало на себя садку другого животного, уменьшалась частота прыжков на других животных. Из половой щели в момент исследования можно было видеть выделение густой мутноватой слизи.

После определения состояния охоты животное осеменяли ректо-цервикальным способом. Сперму вводили в тело матки. Извлекали сперматозоиды из верхушки рога матки в различные сроки после осеменения.

Результаты исследования и их обсуждение

В эксперименте эякулят каждого быка-производителя, кроме общепринятых методов, дополнительно подсчитывали патологические формы сперматозоидов и число сперматозоидов с поврежденной акросомой. Оценку проводили как в нативной сперме, так и после разбавления. Только после соответствия вышеперечисленных показателей оценке «хорошо» и «отлично» использовали сперму для дальнейшей оценки на выживаемость *in vivo* и оплодотворяющую способность. Разбавляли сперму стандартной лактозо-желточно-глицериновой средой.

Для разбавления использовали сперму с начальной активностью 8,0 баллов, концентрацией сперматозоидов в сперме от 1,3 до 1,5 млн/мл. Процент патологических сперматозоидов не превышал $8,7 \pm 0,7\%$. Причем количество с первичными дефектами было незначительным – в среднем $0,6 \pm 0,1\%$, число клеток с вторичными повреждениями – $2,6 \pm 0,3\%$, с третичными – $5,4 \pm 0,4\%$. Сперматозоидов с повреждениями акросомы было $3,6 \pm 0,4\%$.

После замораживания и оттаивания начальная активность спермы оценивалась 4 баллами. Процент дефектных клеток увеличился до $12,0 \pm 0,8\%$, наибольшее увеличение сперматозоидов было с третичными повреждениями (двойное тело, сломанные, изогнутые, закрученные хвосты) – $7,1 \pm 0,6\%$. Число клеток с первичными повреждениями увеличилось почти в два раза – $1,5 \pm 0,2\%$. Сперматозоидов с вторичными повреждениями увеличилось незначительно – на $0,9\%$. Количество сперматозоидов с поврежденной акросомой увеличилось до $7,2 \pm 0,4\%$ (таблица 1).

Таблица 1 – Показатели качества спермы свежеполученной и после разбавления

Показатели	Свежеполученная сперма	Замороженная сперма
n = 33	$\bar{x} \pm m_{\bar{x}}$	$\bar{x} \pm m_{\bar{x}}$
Патологические формы сперматозоидов (%), всего	$8,7 \pm 0,7$	$12,0 \pm 0,8$
в т. ч. первичные	$0,6 \pm 0,1$	$1,5 \pm 0,2$
вторичные	$2,6 \pm 0,3$	$3,5 \pm 0,3$
третичные	$5,4 \pm 0,4$	$7,1 \pm 0,6$
Сперматозоидов с поврежденной акросомой, %	$3,6 \pm 0,4$	$7,2 \pm 0,4$

Оцененную сперму проверяли на выживаемость *in vivo*. Для осеменения использовалась сперма, разбавленная так, чтобы в одной дозе находилось 37–38 млн сперматозоидов, и после оттаивания (при активности 4 балла) было около 15 млн подвижных клеток. Вся доза спермы вводилась в тело матки и, очевидно, распределялась в двух рогах матки. Если распределение было относительно равномерным, то в каждый рог должно было попасть около 19 млн сперматозоидов. Извлечение проводилось только из верхушки того рога матки, на стороне которого в яичнике созрел фолликул.

Из 60 процедур промывания матки коров и телок через 18 часов или 24 часа после осеменения только в 8 случаях не были обнаружены сперматозоиды в извлеченной жидкости. При осеменении коров и телок и вымывании через 18 часов число извлеченных сперматозоидов у коров составило – $31,6 \pm 5,4$ тыс., у телок – $38,0 \pm 6,2$ тыс. (таблица 2). Причем извлеченные сперматозоиды у телок сохраняли подвижность. Количество извлеченных сперматозоидов через 24 часа как у коров, так и у телок снизилось на $22,1 \pm 3,4$ тыс. и $21,0 \pm 3,0$ тыс. соответственно. Осеменение в конце охоты с последующим вымыванием через 18 часов число извлеченных сперматозоидов было больше – $37,5 \pm 4,0$ тыс., но при осеменении в начале охоты извлекали подвижные сперматозоиды. Извлечение через 24 часа привело к таким же результатам, но подвижность сперматозоиды сохранили только при осеменении в конце охоты. Следовательно, как у коров, так и у телок количество сперматозоидов в верхушках рогов матки с течением времени уменьшалось. Вполне вероятно, что это уменьшение связано с продолжением процесса перераспределения сперматозоидов по мере приближения овуляции, после чего они инициируются вышедшей из фолликула яйцеклеткой и перемещаются к месту оплодотворения, т.е. в яйцевод. При естественном осеменении сперматозоиды сначала попадают во влагалище и на шейку матки, затем в шейку матки и после этого в тело и рога матки, где в течение охоты постоянно изменяется состав среды. Происходят последовательно и изменения в сперматозоидах. При слишком раннем осеменении, по-видимому, нарушалась последовательность происходящих в сперматозоидах в процессе капацитации изменений, и это сказалось отрицательно на их распределении и выживаемости, а также на характере морфологических изменений.

Таблица 2 – Накопление и выживаемость сперматозоидов в матке коров и телок

Животные и сроки осеменения в течение охоты	Число извлеченных сперматозоидов, тыс.	Выживаемость сперматозоидов, %*
Извлечение сперматозоидов через 18 ч		
Коровы	31,6 ± 5,4	56,6
Телки	38 ± 6,2*	72,9*
Извлечение сперматозоидов через 24 ч		
Коровы	22,1 ± 3,4	41,6
Телки	21,0 ± 3,0	37,8
Извлечение сперматозоидов через 18 ч		
В начале	20,6 ± 4,5*	25,0
В конце	37,5 ± 4,0	85,9
Извлечение сперматозоидов через 24 ч		
В начале	18,0 ± 2,4	16,7
В конце	24,5 ± 3,5	55,5*

*% – процент животных, у которых сперматозоиды сохранили подвижность.

В обоих случаях после извлечения большинство сперматозоидов было деформировано, головки оторваны от тела в области шейки, передняя часть головок разбухшая.

Если осеменение проводилось в конце охоты, то извлеченные сперматозоиды в большинстве случаев оставались целостными, иногда с деформированными, набухшими головками (особенно в передней части) и закрученными хвостиками, но нередко с сохраненной подвижностью.

Оцененной спермой осеменено 114 животных, в т. ч. 84 коровы и 30 телок (таблица 3). Из них осеменено первый раз 111 животных и еще 3 животных после проявления повторных охот. При отсутствии оплодотворения осеменение проводили повторно такой же спермой, а при необходимости осеменяли животных и третий раз. Результаты осеменения учтены после ректального исследования подопытных животных. Оплодотворяемость после первого осеменения как у коров, так и у телок была достаточно высокая – 76,8% и 72,4% соответственно. Повторное осеменение проводилось у 2 животных (1 корова и 1 телка). Одно животное осталось неоплодотворенным – корову осеменяли третий раз. В среднем по группе оплодотворяемость составила 75,4%.

Таблица 3 – Результаты осеменения коров и телок

Показатели	Всего	В том числе	
		коров	телок
Первое осеменение, всего	111	82	29
в т. ч. плодотворно	84	63	21
%	75,6	76,8	72,4
Повторное осеменение, всего	2	1	1
в т. ч. плодотворное	1	–	1
%	50,0	–	100,0
Оплодотворилось в среднем	75,2	5,9	73,3
Третье осеменение, всего	1	1	–
в т. ч. плодотворное	1	1	–
Всего проведено осеменений	114	84	30
в т. ч. плодотворных	86	64	22
%	75,4	76,1	73,3

Выводы

1. Процент патологических форм сперматозоидов в нативной сперме не превышал $8,7 \pm 0,7\%$. Сперматозоидов с повреждениями акросомы было $3,6 \pm 0,4\%$. После замораживания и оттаивания количество дефектных клеток увеличилось до $12,0 \pm 0,8\%$. Количество сперматозоидов с поврежденной акросомой увеличилось до $7,2 \pm 0,4\%$.

2. Исследование выживаемости сперматозоидов в матке коров подтвердили общепринятое мнение: осеменять животных лучше в конце охоты перед овуляцией. Хотя количество вымытых сперматозоидов через 24 часа после осеменения в конце охоты было небольшим ($24,5 \pm 3,5$ тыс.), но они сохраняли подвижность. Достоверной разницы между количеством извлеченных сперматозоидов у коров и у телок не выявлено.

3. Оплодотворяемость оцененной спермы в среднем составила $75,4\%$. Применяемые методы исследования спермы и лактозо-желточно-глицериновая среда для ее разбавления не обеспечивают необходимого качества сперматозоидов. Оплодотворяемость по сельскохозяйственным предприятиям в среднем по республике не превышает 50% .

Литература

1. Salisbury, G. W. Physiology of Reproduction and Artificial Insemination of Cattle / G. W. Salisbury, N. L. Van Demark. – San Francisco : Freeman & Company 1st ed, 1961. – 639 p.
2. Валюшкин, К. Д. Акушерство, гинекология и биотехника размножения животных : учеб. для высш. учеб. заведений / К. Д. Валюшкин, Г. Ф. Медведев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Ураджай, 2001. – 869 с., ил.
3. The artificial insemination and Embryo transfer of dairy and beef cattle (including information pertaining to goats, sheep, horses, swine, and other animals). A handbook and laboratory manual. Herman / Mitchell / Doak. Interstate publishers, INC, 1994. – 352 p.
4. Турчанов, С. О. Оценка и отбор быков-производителей по воспроизводительной способности : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.02.01 / С. О. Турчанов. – Жодино, 2000. – 82 с.
5. Лебедев, Н. А. Устойчивость к замораживанию и оплодотворяющая способность спермы быков в зависимости от условий ее получения и разбавления : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.02.01 / Н. А. Лебедев. – Горки, 2000. – 82 с.
6. Показатель биологической полноценности оттаянной спермы быков и влияние его на оплодотворяемость коров / Г. Ф. Медведев [и др.] // Международный аграрный журнал. – 2000. – № 1. – С. 35–37.
7. Антитела к семенной плазме кроликов и их влияние на результативность осеменения / И. И. Соколовская [и др.] // Вестн. с.-х. науки. – 1988. – № 7. – С. 45–52.
8. Мордань, Г. Г. Метод оценки качества свежезятой спермы быков-производителей / Г. Г. Мордань // Исследования молодых учёных в решении проблем животноводства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных и преподавателей с.-х. учеб. заведений и науч.-исслед. учреждений. – Витебск, 2002. – С. 184.

Summary

We have presented the results of studying of the dynamics of pathological spermatozoa forms and a number of spermatozoa with damaged acrosome as well as interrelation of indicators of a laboratory estimation with survival rate in vivo and impregnating ability. We have established that the content of pathological forms of spermatozoa in freshly obtained sperm has on the average made $8,7 \pm 0,7\%$, spermatozoa with damaged acrosome – $3,6 \pm 0,4\%$. After sperm dilution, freezing and thawing the quantity of such cells has increased to $12,0 \pm 0,8\%$ and $7,2 \pm 0,4\%$ accordingly. Fertilization after insemination by the estimated sperm has made $75,4\%$.

Поступила в редакцию 07.04.10.

УДК 614.876(476.2)

*Е. И. Дегтярева, С. А. Коваленко***РАДИОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА
НА ТЕРРИТОРИИ НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА ШЕРСТИН ВЕТКОВСКОГО РАЙОНА**

Данная работа посвящается оценке радиационной обстановки на территории населенного пункта Шерстин Ветковского района, а также анализу формирования дозы внутреннего облучения населения, проживающего на данной территории.

Введение

Авария на ЧАЭС по своим масштабам и нанесенному ущербу признана крупнейшей экологической катастрофой в истории человечества: загрязнено искусственными радионуклидами более 100 тыс. км² территории, на которой проживает около 4,5 млн. человек. Она является уникальной по своим масштабам и характеристикам. В Беларуси основные массивы загрязненных пахотных и луговых угодий сосредоточены в Гомельской (58%) и Могилевской (27%) областях. Площадь территории, загрязненной ¹³⁷Cs свыше 37 кБк/м², составила более 100 тыс. км², в том числе на сельскохозяйственные угодья приходится 1 623,5 тыс. га. Радиоактивное загрязнение территории создало условия, при которых в течение многих лет невозможна обычная эксплуатация расположенных на ней агроценозов. Поэтому хозяйства, где заведомо нельзя получить нормативно «чистую» сельскохозяйственную продукцию и где проживание людей являлось опасным для их здоровья, ликвидированы.

В ряде хозяйств Гомельской области, пострадавших от аварии на ЧАЭС, сложилась сложная ситуация с развитием скотоводства. Остро встал вопрос о получении нормативно «чистой» животноводческой продукции молока. Отъезд трудоспособной части населения, изменение структуры посевных площадей, экономические факторы привели к сокращению поголовья, уменьшению продукции животноводства. В настоящее время в этом экологически неблагоприятном регионе в общественном секторе производство молока, в котором превышены допустимые нормативы по содержанию ¹³⁷Cs, сведено к нулю. В личных подсобных хозяйствах в стойловый период содержания животных эта цифра в таких районах, как Брагинский, Ветковский, Хойникский, может достигать 80%. Это обуславливается тем, что производство молока в личных подсобных хозяйствах имеет ряд особенностей по сравнению с коллективными хозяйствами, в частности выпас скота на некультурных пастбищах, сеной тип рациона в стойловый период и др.

Сложившаяся после аварии на Чернобыльской АЭС радиационная обстановка на Гомельщине обусловлена не только существенными уровнями загрязнения территории, но и специфическими природными условиями Белорусского Полесья, определяющими высокую степень перехода ¹³⁷Cs из почвы в растения. На загрязненной территории повышенная миграция радионуклидов связана с расположением биотопов на торфяно-болотных и дерново-глебовых, сильно увлажненных почвах. Эти типы почв, характеризующиеся низким содержанием в них глинистых минералов, вследствие чего они слабо фиксируют радионуклиды. В результате этого коэффициент перехода радионуклидов из почвы в растительность достаточно высок [1].

В настоящее время доза внутреннего облучения населения практически полностью определяется продуктами питания. Потребление продуктов животноводства, в основном молока, произведенного на загрязненной радионуклидами территории, является основным источником облучения населения, за счет него формируется до 60% дозы внутреннего облучения. Поэтому на данный момент решения проблемы снижения перехода радионуклидов в биоэкологических цепочках, ведущих к человеку, имеет большое практическое значение для обеспечения безопасного проживания населения в экологически неблагоприятных регионах.

В настоящее время усилиями научных и практических работников разработан комплекс мероприятий, направленных на получение продукции растениеводства и животноводства, отвечающей нормативным требованиям. Он включает в себя такие мероприятия, как изменение землепользования (перепрофилирование), применение мелиорантов и удобрений для снижения перехода радионуклидов из почвы в растения, мероприятия в животноводстве (снабжение животных чистыми кормами, выращивание фуражных культур с пониженной способностью накапливать радионуклиды, использование загрязненных угодий для немолочного скотоводства или для откорма животных, не подлежащих немедленному убою, перевод продуктов животноводства из разряда продовольствия

на корм скоту), введение обязательного применения химических веществ (сорбентов) и т. д. Благодаря системе агрохимических мероприятий, в колхозах и совхозах появилась возможность получения «чистых» кормов и, как следствие, нормативно «чистого» молока и мяса. Однако в силу неоднородности загрязнения территорий, на которых расположены хозяйства, заготовка кормов, отвечающих нормативным требованиям, остается одной из трудных задач [2].

Наиболее распространенным долгоживущим радиоактивным элементом после аварии является цезий-137 (период полураспада 30,17 лет).

Проблема обеспечения жизнедеятельности населения, проживающего на загрязненных радионуклидами территориях, является сейчас наиболее актуальной. Принятая в 1991 году концепция проживания населения в районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, определила среднюю годовую эффективную дозу основным показателем оценки территорий и проведения защитных мероприятий. Вслед за концепцией проживания дозовый принцип был положен в основу законов Республики Беларусь «О социальной защите граждан, пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС» и «О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению...», которые определяют и регламентируют основные мероприятия по радиационной защите и социальные программы.

В данной работе приведены сведения о радиационной обстановке на территории населенного пункта Шерстин Ветковского района, а также результаты формирования дозы внутреннего облучения населения северо-востока Гомельской области за счет потребления продуктов питания. В отдаленный период после аварии доза внутреннего облучения населения формируется в основном за счет внутреннего облучения, так как внешним облучением можно пренебречь.

Исследуемый район является экологически неблагоприятным в силу места расположения сельскохозяйственных угодий (поймы рек, болотистая местность), вследствие этого наблюдается слабая фиксация радионуклидов в почве и большой коэффициент их перехода в выращиваемую продукцию.

Исследования по данной теме проводились с 1997 по 2006 гг. включительно.

Методы отбора проб. Отбор проб молока проводился специальным пробоотборником на фермах, молочных пунктах, молокозаводе. Объем средних проб составлял 0,5–1,0 л и зависел от величины всей партии. Перед забором молоко в емкостях перемешивалось. Пробы молока консервировались 5% раствором формалина.

Отбор проб мяса проводился на мясокомбинате. Пробы мяса от туш отбирали кусками по 30–50 г в области 4–5 шейных позвонков, лопатки, бедра, толстых частей спинных мышц. Общая масса пробы должна составлять 0,2–0,3 кг.

Масса проб сырых грибов и ягод составляла 0,3 кг.

Пробы корнеплодов (картофель) отбирались с поверхности бурта на глубине 20–30 см. Клубни брали в трех точках подряд, без выбора, вручную. Каждая точечная проба была массой 1,0–1,5 кг.

Отбор проб смешанных почвенных образцов производился по элементарным участкам тростевым буром на глубине гумусового горизонта. Из 5–50 уколов формировалась объединенная проба массой 1,6 кг. Отбор почвенного образца производили, отступив 10–15 м от края элементарного участка, но не ближе 15 м от дорог, каналов, построек, мест складирования органических и минеральных удобрений, а также участков посевов, резко отличающихся по состоянию от общего массива.

Гамма-спектрометрию проб проводили на комплексах TENNELEC и CANBERA с полупроводниковыми коаксиальными диффузионно-дрейфовыми детекторами из сверхчистого германия.

Статистическая обработка результатов исследований проводилась с использованием пакета статистических программ «Statistica» версии 5.0.

В качестве методической основы оценки годовых доз облучения жителей районов в июле 1991 года разработаны методические указания (МУ) «Определение годовых суммарных эффективных эквивалентных доз облучения населения для контролируемых районов, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате аварии на ЧАЭС». Согласно указаниям, оценка годовой эффективной эквивалентной дозы (ГЭЭД) проводится для наиболее облучаемой группы жителей конкретного населенного пункта, так называемой критической группы населения. Следует отметить, что для разных источников формирования дозы критической группой оказываются разные профессионально-возрастные группы населения. В частности, для внешнего гамма-облучения и внутреннего облучения за счет радиоцезия критической группой является взрослое население, а для внутреннего облучения за счет стронция и трансураниевых элементов – дети 1986 года рождения. Такой выбор критических групп населения обуславливает достаточно консервативную оценку возможных значений годовых доз облучения. Консервативная оценка в 2,0–2,5 раза выше средней фактической дозы облучения жителей населенного пункта.

Результаты исследования и их обсуждение

Ветковский район расположен на юго-востоке Республики Беларусь, севернее г. Гомеля, граничит с Добрушским, Гомельским, Буда-Кошелевским и Чечерским административными районами. Восточная часть района отделена государственной границей от Красногорского и Новозыбковского районов Брянской области России.

Земли района разделены рекой Сож и ее притоками, из которых наиболее значительна река Беседь. Район расположен в пределах Приднепровской низменности (Предполесье и Гомельское Полесье). Из полезных ископаемых местного значения располагает мелом, мергелем, торфом и глиной.

Лесные и лесопокрытые территории составляют почти 33% земель района, под болотами находится 2%, под водой – 1,5% территории в административных границах.

Населенный пункт Шерстин – центр одноименного сельского совета, объединяющего 8 деревень с общим числом жителей 1 743 человека. Шерстин является центральной усадьбой колхоза «Октябрь», расположен в 20 км к северо-западу от районного центра Ветка и в 34 км от г. Гомеля. Населенный пункт удачно расположен в ландшафтном и транспортном отношении. Транспортное сообщение с районным и областным центром регулярное.

Населенный пункт Шерстин Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 19.02.95 г. № 106 был внесен в список населенных пунктов, подлежащих последующему отселению.

Основные демографические показатели по н. п. Шерстин представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Численность и социально-возрастной состав населения (данные Гомельского ОПИСХ)

Год	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Численность населения	490	490	460	402	390	390	406	430	430	434
Количество работающих	200	200	180	138	134	134	150	160	160	164
Количество детей	70	72	56	44	40	40	43	58	62	64
Количество пенсионеров	220	218	224	220	216	216	213	212	208	207

Из таблицы 1 видно, что в период с 1997 по 2006 гг. все демографические показатели существенно не изменились, преобладающей группой населения являются пенсионеры. Следует отметить, что показатели рождаемости и смертности достаточно стабильны, причем смертность в течение 10 лет находится на низком уровне. В целом демографическую ситуацию можно охарактеризовать как благополучную.

Результаты радиологического обследования территории н. п. Шерстин, входящего в состав колхоза «Октябрь», показали, что среднее загрязнение населенного пункта за исследуемый период составляет 25,4 Ки/км² (таблица 2), уровень загрязнения пашни – 8,1, а кормовых угодий – 15,4 Ки/км² (таблица 3).

Таблица 2 – Уровни загрязнения н. п. Шерстин ¹³⁷Cs

Уровни загрязнения Ки/км ²		
¹³⁷ Cs минимальное	¹³⁷ Cs максимальное	¹³⁷ Cs среднее
0,96	60,0	25,4

Таблица 3 – Уровни загрязнения ¹³⁷Cs сельскохозяйственных угодий колхоза «Октябрь»

Вид с/х угодий	Уровни загрязнения Ки/км ²	
	¹³⁷ Cs	
	Среднее значение	Стандартное отклонение (σ)
Пашня	8,1	0,42
Кормовые угодья	15,4	0,33

В период с 1998 по 2006 год было проведено агрохимическое обследование кормовых угодий и пашни, расположенных на территории колхоза «Октябрь». Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Агрохимические показатели почв сельскохозяйственных угодий

Код угодья	Площадь, га	Код почвы	Мощность гумус слоя, см	pH в КСІ	Гумус в %	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	MgO	S	Zn	Cu
110	1652	2	21,5	6,34	2,35	152,2	231,6	574,3	138,5	7,87	2,31	2,30
120	32,6	2	18	6,18	2,31	274,7	170,4	659,2	128,1	8,6	4,04	2,02
155	305	0	16	6,8	3,1	547	142	379,1	349,3	12,5	11,85	7,79
145	1028	2	17	4,81	3,1	130,5	124	473	153	8,54	7,34	1,59

Примечание:

код почвы: 1 – тяжелый суглинок
2 – рыхлая супесь
3 – связанная супесь
0 – торфяник

код угодий: 110 – пашни
120 – сад
145 – сенокосы
155 – пастбища.

Из данных агрохимического анализа проб почвы следует, что дерново-подзолистая почва, на которой располагаются пашни, не нуждается в известковании. По содержанию фосфора, магния, серы и калия эти почвы можно отнести к средним. Содержание кальция низкое, цинка и меди фоновое. Дерново-подзолистые почвы, на которых расположены кормовые угодья, нуждаются в известковании. Содержание фосфора повышенное, калия, кальция – низкое, магния и серы – среднее, цинка и меди – фоновое.

Все исследованные угодья естественного происхождения, расположены в пойме реки, поэтому для н. п. Шерстин актуальной является проблема обеспечения молочного стада (380 коров общественного и 98 частного сектора) окультуренными кормовыми угодьями. Динамика численности домашних животных представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Динамика численности животных в частном секторе н. п. Шерстин

Год	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Количество коров в частном секторе, голов	80	71	70	86	86	90	92	98
Количество коров в общественном секторе, голов	300	310	290	240	270	314	350	380

Из результатов, представленных в таблице 5, видно, что численность домашнего и общественного скота с каждым годом увеличивается.

В таблице 6 представлен массив данных СИЧ дозиметрических измерений взрослого населения н. п. Шерстин за период с 2000 по 2006 гг.: видно достоверное увеличение среднего значения дозы внутреннего облучения в 2005 и 2006 гг.

При значениях удельной активности молока частного сектора 160–280 Бк/л доза внутреннего облучения при стандартном годовом потреблении должна составлять 0,7–1,4 мЗв/год (регистрируемое значение 0,3–0,5 мЗв/год) [4].

По 1997 год в н. п. Шерстин был организован сбор частного молока, поэтому такая организационная мера давала ощутимый эффект.

С 1999 года рост молочного поголовья, недостаток чистых кормовых угодий и нарушение процесса сбора молока привели к увеличению потребления молока и соответственно к увеличению дозы.

Расчетные оценки годовых индивидуальных доз внутреннего облучения жителей н. п. Шерстин на 2006 год показывают, что около 80% дозы обеспечивается молоком.

Таблица 6 – Динамика индивидуальной годовой дозы внутреннего облучения жителей н. п. Шерстин (СИЧ – измерения) мЗв/год

Год	Взрослое население		
	Число измеренных лиц	Стандартное отклонение	Среднее значение
2000	147	0,271	0,258
2001	140	0,227	0,309
2002	201	0,336	0,339
2003	117	0,597	0,505
2004	168	0,360	0,360
2005	272	1,244	1,388
2006	340	0,923	0,717

Выводы

1. Радиологическое обследование территории н. п. Шерстин показало, что в среднем ее загрязнение составляет 25,4 Ки/км².

2. В период с 2000 по 2006 гг. формирование доз внутреннего облучения населения, проживающего на территории Ветковского района, происходило в основном за счет употребления молока.

3. Комплексные исследования подобного рода были проведены в данном регионе впервые, что позволило выявить дозобразующий продукт питания в рационе населения, проживающего на данной территории.

Литература

1. Крышев, И. И. Радиологические последствия чернобыльской аварии / И. И. Крышев, Р. М. Алексахин, И. Н. Рябов. – М. : Агропромиздат, 1989. – 172 с.
2. Корнеев, Н. А. Снижение радиоактивности в растениях и продуктах животноводства / Н. А. Корнеев. – М. : Атомиздат, 1977. – 245 с.
3. Анненков, Б. Н. Радиобиология и радиэкология сельскохозяйственных животных / Б. Н. Анненков, И. К. Дибобес. – М. : Атомиздат, 1973. – 224 с.
4. Оценка поглощенной дозы внешнего гамма-излучения для лиц, проживающих на территориях, загрязненных радиоактивными выбросами ЧАЭС / Р. М. Бархударов [и др.]. – М. : Атомиздат, 1991. – С. 38.

Summary

The given work is devoted to the estimation of the radiation situation on populated area of Sherstin, Vetka district, as well as analysis of the dose of the internal irradiation of the population living on the given territory.

The Keywords: dose of the internal irradiation of the population, milk, ¹³⁷Cs, populated point Sherstin, the number of the population.

Поступила в редакцию 24.03.10.

УДК 632.9

С. В. Зеркаль, М. В. Левковская

**ОСНОВНЫЕ ВРЕДИТЕЛИ И БОЛЕЗНИ НЕКОТОРЫХ ДРЕВЕСНЫХ ПОРОД
БРЕСТСКОГО И ИВАЦЕВИЧСКОГО ЛЕСХОЗОВ**

Изучены природно-климатические и лесорастительные условия Брестского и Ивацевичского лесхозов. Установлен видовой состав основных вредителей и болезней лесобразующих пород исследуемых территорий. Проведено сравнение лесопатологического состояния выбранных лесхозов Брестского производственного лесохозяйственного объединения (БПЛХО). Выявлены лесозащитные мероприятия, проводимые на исследуемых территориях.

Введение

Проблема защиты леса от вредителей и болезней является актуальной, т. к. сейчас нельзя назвать ни одной отрасли народного хозяйства, где древесина не имела бы широкого применения [1, 5].

На современном этапе развития лесной фитопатологии большое внимание уделяется изучению факторов иммунитета растений, причин возникновения эпифитотий и их прогнозированию, разработке систем мероприятий по борьбе с наиболее опасными болезнями, внедрению новых способов повышения устойчивости растений к инфекционным болезням [2, 6].

Большинство вредителей имеют кормовую и репродуктивную специализацию на определенные породы деревьев. Некоторые из них могут использовать в качестве кормов многие породы деревьев, но предпочтение отдают одной определенной породе [3, 6].

Цель нашей работы – выявить вредителей и болезни некоторых древесных пород Брестского и Ивацевичского лесхозов. Результаты исследований могут быть использованы для решения научных вопросов фитопатологии, микологии, систематики растений, дендрологии, а также практических в лесоводстве.

Леса государственного лесохозяйственного учреждения (ГЛХУ) «Брестский лесхоз» общей площадью 76 352 га находятся в юго-западной части Брестской области на территории Брестского (69%), Каменецкого (26,3%), Жабинковского (3,6%) и Малоритского (0,2%) административных районов. Лесхоз расположен в зоне хвойно-широколиственных лесов, относится к подзоне грабовых дубрав Бугско-Полесского лесорастительного района и входит в Бугско-Припятский комплекс лесных массивов [4].

Ивацевичский лесхоз БПЛХО общей площадью 84 165 га расположен в центральной части Брестской области на территориях Березовского и Ивацевичского административных районов. Лесхоз относится к подзоне елово-грабовых дубрав Неманско-Предполесского лесорастительного района, Западно-Предполесского комплекса лесных массивов [5].

Границы выбранных ГЛХУ расположены на расстоянии более 120 км друг от друга.

Материал и методы исследования. В качестве объектов исследования были выбраны следующие виды: сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris L.*), дуб черешчатый (*Quercus robur L.*), береза повислая (*Betula pendula Roth.*), липа сердцелистная (*Tilia cordata Mill.*), клен остролистный (*Acer platanoides L.*), тополь дрожащий (*Populus tremula L.*), ольха черная (*Alnus glutinosa L.*) [6].

Материал для исследования был собран с июля 2008 года по ноябрь 2009 на территории Брестского, Высоковского, Домачевского, Страдечского, Чернавчицкого лесничеств Брестского лесхоза, Речицкого и Ивацевичского лесничеств Ивацевичского лесхоза.

Для ловли летающих насекомых использовался сачок. С растений объекты собирали стряхиванием на расстеленную клеенку, а почвенных насекомых – непосредственно из-под камней в ловушки. Сыпучие субстраты (песок, труху) просеивали через колонку почвенных сит, затем на каждом из сит разыскивали попавшие туда экземпляры вредителей. Много специфических видов насекомых было обнаружено в грибах, под корой и в древесине мертвых деревьев [7, 8–9].

Кокконы насекомых-вредителей учитывали в местах их скопления, характерных для каждого вида: в почве, подстилке, на растениях [8]. Кладки яиц и куколки при сборе помещали в отдельные пакеты из бумаги. Составление и хранение коллекции насекомых осуществляли по общепринятым методикам [7, 10–11].

Каждый вид трутовых грибов собирали в достаточном количестве, учитывая при этом их размеры и субстрат, на котором они развиваются. Паразитные и сапрофитные грибы, находящиеся на листьях деревьев, гербаризировали, как и высшие растения. Для более точного определения возбудителя болезни вместе с пораженными частями растения собирали и неповрежденные. Поврежденные участки растений раскладывали между листами бумаги в экскурсионную ботаническую сетку. К каждому собранному образцу прикладывали этикетку, в которой указывали породу дерева,

пораженный участок. На обратной стороне этикетки подробно описывали гниль древесины и плодовое тело в свежесобранном виде. Сучья, куски, срезы стволов, пней и другие части растений с мелкими и плоскими грибами привели в такой вид, чтобы их можно было удобно хранить в гербарии.

При обработке материала чаще применяли комбинированный метод, основанный на определении возбудителя болезни по внешним признакам и только в затруднительных случаях – по микроскопическому строению грибных организмов [9, 34–35].

Во время проведения исследований использовали методы специального (лесопатологического) рекогносцировочного надзора.

Результаты исследования и их обсуждение

Видовой состав вредителей устанавливался при маршрутных и детальных обследованиях насаждений с анализом заселенных деревьев (таблица 1). Биофенологию наиболее массовых вредителей уточняли непосредственным наблюдением в очагах их распространения. Латинские названия даны по В. И. Гусеву (1984), Б. М. Мамаеву (1976) [7], [10].

Таблица 1 – Вредители основных древесных пород Брестского и Ивацевичского лесхозов

Виды насекомых	Брестский лесхоз	Ивацевичский лесхоз	Повреждаемые древесные породы	Тип повреждения
1	2	3	4	5
Семейство Волнянки – <i>Orgyidae</i>				
Златогузка – <i>Euproctis chrysorrhoea</i> L.	+	+	Дуб черешчатый	Объедание листьев
Монашенка – <i>Ocneria monacha</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Объедание хвои
Непарный шелкопряд – <i>Ocneria dispar</i> L.	+	+	Береза повислая Дуб черешчатый Липа сердцелистная Осина	Выедание листьев
Семейство Галлицы – <i>Cecidomyiidae</i>				
Галлица Гартига – <i>Physetocercis hartigi</i> Liebel.	+	–	Липа сердцелистная	Листовые галлы
Ольховая галлица – <i>Dasyneura alni</i> Loew.	+	–	Ольха черная	Листовые галлы
Осиновая красная галлица – <i>Harmandia loewi</i> Rubs.	+	+	Осина	Листовые галлы
Осиновая шаровидная галлица – <i>Harmandia globuli</i> Rubs.	+	–	Осина	Листовые галлы
Семейство Долгоносики – <i>Curculionidae</i>				
Дубовый узкоминирующий долгоносик – <i>Rhynchaenus subfasciatus</i> Gyll.	+	–	Дуб черешчатый	Мины на листьях
Яйцевидный орешниковый долгоносик – <i>Strophosomus coryli</i> F.	+	+	Береза повислая	Выедание листьев
Семейство Коконопряды – <i>Lasiocampidae</i>				
Сосновый шелкопряд – <i>Dendrolimus pini</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Объедание хвои
Семейство Короеды – <i>Ipididae</i>				
Березовый заболонник – <i>Scolytus ratzeburgi</i> Jans.	+	+	Береза повислая	Вентиляционные отверстия в коре
Большой сосновый лубоед – <i>Blastophagus piniperda</i> L.	+	–	Сосна обыкновенная	Ходы
Вершинный короед – <i>Ips acuminatus</i> Eichh.	+	–	Сосна обыкновенная	Ходы
Гравер (халькограф) – <i>Pityogenes chalcographus</i> L.	+	–	Сосна обыкновенная	Ходы

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
Короед типограф – <i>Ips typographus</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Ходы
Малый сосновый лубоед – <i>Blastophagus minor</i> Hart.	+	+	Сосна обыкновенная	Ходы
Шестизубый короед, стенограф – <i>Ips sexdentatus</i> Boern.	+	–	Сосна обыкновенная	Ходы
Семейство Листовертки – <i>Tortricidae</i>				
Дубовая зеленая листовертка – <i>Tortrix viridana</i> L.	+	+	Дуб черешчатый	Скелетирование и объедание листьев
Семейство Листоеды – <i>Chrysomelidae</i>				
Березовый синий блошак – <i>Haltica engstroemi</i> Sahlb.	+	+	Береза повислая	Скелетирование листьев
Дубовый блошак – <i>Haltica quercetorum</i> Foudr.	+	+	Дуб черешчатый	Скелетирование листьев
Козявка ольховая – <i>p. Galeruca</i>	+	–	Ольха черная	Выедание листьев
Козявка осиновая – <i>p. Galeruca</i>	+	–	Осина	Выедание листьев
Ольховый фиолетовый листоед – <i>Agelastica alni</i> L.	+	+	Ольха черная	Скелетирование листьев
Осиновый листоед синий – <i>Melasoma tremulae</i> F.	+	+	Осина	Выедание листьев
Топольный листоед – <i>Melasoma populi</i> L.	+	+	Осина	Выедание, скелетирование листьев
Семейство Минирующие мушки – <i>Agromyzidae</i>				
Березовая минирующая мушка – <i>Agromyza alnibetulae</i> Hend.	–	+	Береза повислая	Мины на листьях
Осиновая минирующая мушка – <i>Phytagromyza tridentata</i> Loew.	+	–	Осина	Лентовидные мины на листьях
Семейство Моли-малютки – <i>Stigmellidae</i>				
Дубовая моль-малютка – <i>Stigmella atricapitella</i> Haw.	+	–	Дуб черешчатый	Мины на листьях
Орешниковая змеевидная моль-малютка – <i>Stigmella carpinella</i> Hein.	+	–	Ольха черная	Мины на листьях
Осиновая черешковая моль-малютка – <i>Stigmella atricapitella</i> Haw.	+	–	Осина	Мины на листьях
Семейство Моли-пестрянки – <i>Gracilariidae</i>				
Дубовая широкоминирующая моль – <i>Coriscium brongniardellum</i> F.	+	+	Дуб черешчатый	Мины на листьях
Липовая кривоусая моль – <i>Bucculatrix thoracella</i> Thunbg.	+	+	Липа сердцелистная	Выедание листьев гусеницами
Топольная моль-пестрянка – <i>Lithocolletis comparella</i> Z.	+	–	Осина	Мины на листьях
Семейство Настоящие пилильщики – <i>Tenthredinidae</i>				
Липовый слизистый пилильщик – <i>Caliroa annulipes</i> Kl.	+	+	Липа сердцелистная	Скелетирование листьев
Обыкновенный сосновый пилильщик – <i>Diprion pini</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Объедание хвои
Ольховый точечный пилильщик – <i>Pristiphora alnivora</i> Hart.	+	+	Осина	Выедание листьев
род Ольховый пилильщик – <i>Nematus</i> sp.	+	+	Ольха черная	Скелетирование, выедание листьев
Рыжий сосновый пилильщик – <i>Neodiprion sertifer</i> Geoffr.	+	+	Сосна обыкновенная	Объедание хвои
Топольный черный пилильщик – <i>Lygaonematus compressicornis</i> Ol.	+	+	Осина	Выедание листьев

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5
Семейство Одноцветные моли-минеры – <i>Tischeridae</i>				
Дубовая отпадающая моль – <i>Tischeria decidua</i> Wck.	+	+	Дуб черешчатый	Мины на листьях
Семейство Пластинчатоусые – <i>Scarabaeidae</i>				
Березовый листовой хрущик – <i>Homalopia ruficollis</i> Fabr.	–	+	Береза повислая	Выедание листьев
Хрущ западный майский – <i>Melolontha melolontha</i> L.	+	+	Древесные породы	Объедание листьев и корней
Семейство Побеговьюны – <i>Evetria</i>				
Зимующий побеговьюн – <i>Evetria buolianana</i> Schiff.	+	+	Сосна обыкновенная	Деформация побегов, объедание хвои гусеницами
Побеговьюн-смолевщик – <i>Evetria resinella</i> L.	+	–	Сосна обыкновенная	Ложные галлы
Семейство Пяденицы – <i>Geometridae</i>				
Зимняя пяденица – <i>Operophtera brumata</i> L.	+	+	Береза повислая Дуб черешчатый Клен остролистный	Выедание листьев
Пяденица кленовая – <i>Alsophila aceraria</i> Schiff.	+	–	Клен остролистный	Выедание листьев
Пяденица-обдирало – <i>Erannis defoliaria</i> Ci.	+	+	Береза повислая Дуб черешчатый Липа сердцелистная	Выедание листьев
Сосновая пяденица – <i>Bupalus piniarius</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Объедание хвои
Семейство Растительные клещи – <i>Eriophyidae</i>				
Липовый галловый клещик – <i>Eriophyes tiliae</i> Nal.	+	–	Липа сердцелистная	Листовые галлы
Ольховый галловый клещик – <i>Eriophyes laevis</i> Nal.	+	–	Ольха черная	Листовые галлы
Семейство Совки – <i>Noctuidae</i>				
Совка лишайница – <i>Daseochaeta alpinum</i> Osbeck.	+	+	Дуб черешчатый	Скелетирование листьев гусеницами
Семейство Точильщики – <i>Anobiidae</i>				
Пестрый точильщик – <i>Xestobium rufovillosum</i> Deg.	+	+	Дуб черешчатый	Летные отверстия в коре
Семейство Усачи – <i>Cerambycidae</i>				
Усач серый сосновый длинноусый – <i>Acanthocinus aedilis</i> L.	+	+	Сосна обыкновенная	Летные отверстия в коре
Семейство Хохлатки – <i>Notodontidae</i>				
Лунка серебристая – <i>Phalera vicephala</i> L.	+	+	Дуб черешчатый	Объедание листьев гусеницами
Семейство Чернотелки – <i>Tenebrionidae</i>				
Вонючка березовая – <i>Diaperis boleti</i> L.	+	–	Береза повислая	Обгрызание корней, коры
Семейство Щелкуны – <i>Elateridae</i>				
Щелкун красный – <i>Elater cinnabarinus</i> Eschz.	+	–	Древесные породы	Обгрызание корней
Семейство Щитники – <i>Pentamomidae</i>				
Клоп ягодный – <i>Dolycorus baccarum</i> L.	+	–	Лиственные породы	Выедание листьев
Щитник зеленый – <i>Palemona prasina</i> L.	+	–	Лиственные породы	Выедание листьев

Наибольшее распространение в лесах ГЛХУ «Брестский лесхоз», «Ивацевичский лесхоз» имеют следующие насекомые-вредители: майский хрущ, сосновый шелкопряд, непарный шелкопряд, обыкновенный и рыжий сосновые пилильщики (ОСП, РСП), сосновая пяденица, зимняя пяденица, представители семейства Короеды.

Самой распространенной болезнью в БПЛХО является корневая губка *Heterobasidion annosum* Bref. На втором месте по встречаемости – очаги болезней дуба черешчатого (стволовые гнили, раковые заболевания) и очаги бактериальной водянки хвойных пород. В ГЛХУ «Ивацевичский лесхоз» выявлены очаги соснового вертуна. Наиболее часто основные древесные породы поражаются различными стволовыми и корневыми гнилями (таблица 2).

Таблица 2 – Болезни основных древесных пород Брестского и Ивацевичского лесхозов

Название болезни, возбудитель заболевания	Брестский лесхоз	Ивацевичский лесхоз	Повреждаемые древесные породы
1	2	3	4
Болезни листьев			
Бурая пятнистость березы <i>Marssonina betulae</i> P. Magn.	+	+	Береза повислая
Бурая пятнистость дуба <i>Phyllosticta quercus</i> Sacc. et Speg.	+	–	Дуб черешчатый
Коричневая пятнистость березы <i>Phyllosticta betulae</i> Oud.	+	+	Береза повислая
Красно-коричневая пятнистость листьев клена <i>Phyllosticta acerina</i> All.	+	–	Клен остролистный
Кремевая пятнистость липы <i>Gloeosporium tiliae</i> Oud. var. <i>maculicolum</i> All.	+	+	Липа сердцелистная
Мучнистая роса дуба <i>Microsphaera alphitoides</i> Griff. et Maubl.	+	+	Дуб черешчатый
Парша осины и тополя <i>Polaccia elegans</i> Serv.	+	+	Осина
Серая пятнистость осины <i>Gloeosporium tremulae</i> Pass.	+	+	Осина
Темная пятнистость липы <i>Helminthosporium tiliae</i> West.	+	–	Липа сердцелистная
Темно-бурая пятнистость липы <i>Cercospora microspora</i> sacc.	+	+	Липа сердцелистная
Черная пятнистость березы <i>Dothidella betulina</i> Winter	+	+	Береза повислая
Черная пятнистость листьев клена <i>Rhytisma acerinum</i> Fr.	+	+	Клен остролистный
Стволовые гнили			
Гиршиопорус пергаментный <i>Hirschioporus pergamentus</i> (Fr.) Bond. et Sing	+	–	Береза повислая
Дедалеопсис бугристый <i>Daedaleopsis confragosa</i> (Fr.) <i>Schroet. f. rubescens</i> Donk	+	–	Береза повислая Ольха черная
Дальдиния концентрическая <i>Daldinia concentrica</i> De Not.	–	+	Береза повислая
Дубовая губка <i>Daedalea quercina</i> Fr.	+	–	Дуб черешчатый
Дубовый трутовик <i>Inonotus dryophilus</i> (Berk.) Murr.	+	+	Дуб черешчатый
Кориолус зональный <i>Coriolus zonatus</i> (Fr.) Quel.	+	+	Береза повислая Ольха черная Осина
Кориолус многоцветный <i>Coriolus versicolor</i> Quel.	+	+	Береза повислая Дуб черешчатый Сосна обыкновенная

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Лензитес березовый <i>Lenzites betulina</i> Fr.	+	+	Береза повислая
Ложный трутовик <i>Phellinus igniarius</i> (L. ex Fr.) Quel	+	+	Береза повислая Клен остролистный Ольха черная
Оксиפורус тополевый <i>Oxyporus populinus</i> (Fr.) Donk	+	-	Осина Клен остролистный
Пиптопорус березовый <i>Piptoporus betulinus</i> (Bull.) Karst	+	+	Береза повислая
Пликатура белоснежная <i>Plicatura nivea</i> (Fr.) Karst	+	-	Лиственные породы
Сосновая губка <i>Phellinus pini</i> (Thore ex Fr.) Pilat.	-	+	Сосна обыкновенная
Трутовик настоящий <i>Fomes fomentarius</i> L. Gill	+	+	Береза повислая Дуб черешчатый Ольха черная
Трутовик окаймленный <i>Fomitopsis pinicola</i> (Sw. ex Fr.) Karst	+	+	Береза повислая Сосна обыкновенная
Корневые гнили			
Корневая губка <i>Heterobasidion annosum</i> Bref.	+	+	Сосна обыкновенная
Плоский трутовик <i>Ganoderma applanatum</i> Pat	+	+	Береза повислая
Стволовые полупаразиты			
Омела обыкновенная <i>Viscum album</i> L.	+	-	Береза повислая
Раковые болезни			
Бактериальная водянка хвойных пород <i>Ervinia multivora</i> Sch.-Parf. sp.	+	+	Сосна обыкновенная
Поперечный рак дуба – бактерия <i>Pseudomonas quercina</i> Schem.	+	+	Дуб черешчатый
Смоляной рак (серянка) <i>Cronartium flaccidum</i> Wint и <i>Peridermium pini</i> (Willd.) Kleb.	+	+	Сосна обыкновенная
Болезни побегов			
Ведьмина метла <i>p. Taphrina</i>	+	-	Сосна обыкновенная
Ржавчина побегов сосны (сосновый вертун) <i>Melampsora pinitorqua</i> Rostr.	+	-	Сосна обыкновенная Осина

Латинские названия даны по И. И. Журавлеву [9]. Для учета вредителей и болезней леса и борьбы с ними в Брестском, Ивацевичском лесхозах проводятся следующие мероприятия:

- текущее лесопатологическое обследование;
- закладывание проб в лесной подстилке;
- накладывание клеевых колец для установления численности бабочек-самок зимней пяденицы;
 - выкладка ловчих и выборка свежеселенных деревьев;
 - сплошные санитарные рубки;
 - выборочные санитарные рубки;
 - биологические методы борьбы: изготовление гнездовий;
 - феромонный энтомониторинг с использованием феромонных ловушек (по непарному шелкопряду, шелкопряду-монашенке, короеду типографу, сосновому шелкопряду, ОСП, РСП);
 - химобработка древесины.

Выводы

1. Нами было обнаружено более 60 видов насекомых-вредителей. Наибольшее распространение имели представители следующих семейств: Листоеды, Галлицы, Листовертки, Долгоносики, Пяденицы, Настоящие пилильщики, Совки, Побеговьюны, Короеды.

2. Из всех болезней наибольшую встречаемость имеет корневая губка *Heterobasidion annosum* Bref., поражающая сосну обыкновенную. Выявлены очаги болезней дуба черешчатого (стволовые гнили, поперечный рак дуба), очаги бактериальной водянки и соснового вертуна хвойных пород.

3. Древесные породы часто поражаются различными стволовыми гнилями, которые вызваны следующими возбудителями: дубовый трутовик, род Кориолус, ложный трутовик, пиптопорус березовый, сосновая губка, трутовик настоящий, трутовик окаймленный.

4. Деятельность ассимиляционного аппарата исследованных пород часто нарушается болезнями, такими как мучнистая роса дуба, пятнистости грибного происхождения, парша, деформация листьев.

Как показали наши исследования, видовой состав вредителей и болезней основных лесообразующих пород сходен, несмотря на довольно большое расстояние. В связи с этим профилактические мероприятия в борьбе с теми или иными поражениями целесообразно проводить одновременно во всех лесхозах области. Материальные затраты впоследствии могут быть намного больше.

Литература

1. Ванин, С. И. Древесиноведение : учеб. для лесотехнич. вузов / С. И. Ванин. – 3-е изд. – М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1949. – 472 с.
2. Семенкова, И. Г. Фитопатология : учеб. для студ. вузов / И. Г. Семенкова, Э. С. Соколова. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 480 с.
3. Нуортева, М. Вредители лесов / М. Нуортева ; пер. с финского. – М. : Лесн. пром-сть, 1985. – 104 с.
4. Проект организации и ведения лесного хозяйства гос. лесохозяйствен. учреждения «Брестский лесхоз» Брестского производственного лесохозяйственного объединения на 2005–2014 / Белгослес. – Минск, 2005. – 275 с.
5. Проект организации и ведения лесного хозяйства гос. лесохозяйствен. учреждения «Ивацевичский лесхоз» Брестского производственного лесохозяйственного объединения / Белгослес. – Минск, 2004. – 280 с.
6. Определитель высших растений Беларуси / под ред. В. И. Парфенова. – Минск : Дизайн-ПРО, 1999. – 472 с.
7. Мамаев, Б. М. Определитель насекомых европейской части СССР : учеб. пособие для студ. биол. специальностей пед. ин-тов / Б. М. Мамаев. – М. : Просвещение, 1976. – 304 с.
8. Панкевич, Т. П. Пилильщики – вредители сельского и лесного хозяйства Белоруссии : эколого-фаунистическая характеристика основных комплексов вредителей / Т. П. Панкевич. – Минск : Наука и техника, 1981. – 152 с.
9. Журавлев, И. И. Определитель грибных болезней деревьев и кустарников : справ. / И. И. Журавлев, Т. Н. Селиванова, Н. А. Черемисинов. – М. : Лесн. пром-сть, 1979. – 247 с.
10. Гусев, В. И. Определитель поврежденных лесных, декоративных и плодовых деревьев и кустарников / В. И. Гусев. – М. : Лесн. пром-сть, 1984. – 472 с.

Summary

The article deals with the study of the specific composition of vermins and diseases of some particular wood species. The wood species having commercial value in Brest and Ivacevichi foresteries are pine, oak, birch, maple, linden, and poplar. In our research we can use the following methods: selective inspection (route, ground), reconnaissance supervision, and more detailed inspection – on the more affected areas. The authors have revealed forest protection actions spent in investigated territories.

Поступила в редакцию 03.05.10.

УДК 630*164.8:165.51

Т. С. Маркевич

СРАВНЕНИЕ ПОДВИДОВ *PICEA ABIES* (L.) KARST. ПО МАССЕ СЕМЯН

В статье приводится анализ одного из показателей качества семян (абсолютной массы) различных подвидов *Picea abies* (L.) Karst. – subsp. *europaea* и subsp. *acuminata*. Сбор семенного материала проводился в произрастающих в виде изолированных островов ельников-черничников на территориях Малоритского и Любанского лесхозов, Национального парка «Припятский». Проведенные исследования показали, что представители subsp. *europaea* и subsp. *acuminata*, произрастающие на одной территории, достоверно не отличаются между собой по массе 1 000 семян. В то же время выявлено, что существуют территориальные различия по абсолютной массе семян и наблюдается взаимосвязь изучаемого признака с морфологическими особенностями деревьев.

Введение

Одной из важнейших задач лесного хозяйства является выращивание высокопродуктивных лесных насаждений, ценность которых, в первую очередь, определяется происхождением, а также наследственными и посевными качествами семенного материала, используемого для их создания [1], [2]. Именно улучшенные семена позволяют повысить продуктивность насаждений в среднем на 10–20% [1].

Определение у семенного материала таких показателей, как чистота (засоренность семян разными примесями), масса 1 000 семян, энергия их прорастания, всхожесть, доброкачественность позволяет оценить качество семенного материала. Следует отметить, что из вышеперечисленных признаков особое место отводится абсолютной массе семян [3]. Это связано с тем, что дальнейшее развитие сеянцев в значительной мере зависит от массы семян, из которых они развиваются [4]–[7]. Установлено, что крупные семена дают более жизнеспособные всходы [6], [7], и это влияние индивидуальных особенностей материнских деревьев [8], по одним данным, у *Picea abies* продолжается первые 1–2 года [8], а по другим – 2–4 года [7].

Степень селекционного улучшения выращиваемого посадочного материала во многом зависит и от того, насколько возможно по фенотипу материнского дерева отличить высокоценные наследственные качества от малоценных [7]. Для выявления интересующих особенностей семенного поколения используют морфологические маркеры дерева, от которого получают семенной материал. Таковыми для определения хозяйственно-ценных свойств *Picea abies* могут также являться особенности генеративных органов (строение шишки и тип семенной чешуи) [9], так как проявление изменчивости данных фенотипических признаков не связано ни с факторами среды, ни с условиями произрастания этой древесной породы [10]. Указанные особенности генеративных органов *Picea abies* положены в основу ее внутривидовой систематики. Так, выделены *Picea abies* subsp. *europaea* и *Picea abies* subsp. *acuminata* [11]. В то же время данные таксоны имеют различное географическое происхождение (*Picea abies* subsp. *europaea* – северо-запад России, *Picea abies* subsp. *acuminata* – Средняя Европа), что также может находить свое отражение не только в строении генеративных органов, но и в иных признаках, свойственных только каждому из подвидов [10].

Изучение особенностей показателя качества семян subsp. *europaea* и subsp. *acuminata* позволит определить возможность использования строения шишки и тип семенной чешуи в качестве одного из критериев дифференциации семенного материала во время его заготовки.

Методы исследования. Сбор семенного материала проведен в ельниках черничного типа леса в южном ареале произрастания *Picea abies* на территориях Национального парка «Припятский», Малоритского и Любанского лесхозов. Причем Национальный парк «Припятский» и Малоритский лесхоз относятся к геоботанической подзоне грабовых дубрав, а Любанский лесхоз – к геоботанической подзоне елово-грабовых дубрав.

Определение подвидов *Picea abies*, отличающихся строением шишек и типом семенной чешуи, устанавливали в соответствии с методикой В. И. Парфенова [11]. Определение массы 1 000 штук семян проведено в соответствии с ГОСТ [12].

При обработке материала использованы методы статистического анализа. Для изучаемого признака вычислены: предельные значения (min, max), среднее арифметическое (M), стандартное квадратическое отклонение (a), ошибка среднего (m_x).

Для оценки степени варьирования массы 1 000 штук семян проведено вычисление коэффициентов вариации (C_v), на основании которых в соответствии со шкалой, предложенной С. А. Мамаевым [13], установлены уровни изменчивости признаков.

Результаты исследования и их обсуждение

Масса 1 000 штук семян *Picea abies* по различным литературным источникам несколько варьируется: от 3,15 до 12,0 г (в среднем 6 г) [14]; от 4,0 до 10,0 г [15]; от 4,9 до 6,3 г [2]; от 3,0 до 9,0 г [16]; от 4,0 до 8,3 г [17]. Значение среднего показателя в одном случае равно 5,8 г [18], в другом – 6,8 г [7]. Кроме того, в статье М. А. Голубца указано, что наблюдается отличие в массе 1 000 штук семян между тупочешуйчатой и осточешуйчатой елью [19]. Этот факт отмечен и в других работах [3], [10].

Проанализировав полученные нами результаты по изучению абсолютной массы семян, можно говорить о том, что размах изменчивости данного показателя шире в пределах subsp. *acuminata*, нежели subsp. *europaea* (таблица). Наибольшая установленная разница между максимальным и минимальным значениями изучаемого показателя в пределах одного насаждения для subsp. *acuminata* равняется 4,3 г (Любанский лесхоз), наименьшая – 3,2 г (Национальный парк «Припятский»). Для subsp. *europaea* наибольшая отмеченная разница составляет 2,9 г (Малоритский лесхоз), наименьшая – 2,1 г (Любанский лесхоз). Однако для subsp. *europaea* по каждой из исследованных территорий отмечено наибольшее среднее значение массы 1 000 семян. Это противоречие полученных значений можно объяснить влиянием индивидуальных особенностей материнских деревьев [8].

Таблица – Статистические показатели массы 1 000 семян *Picea abies*

Место сбора	Подвид	Пределы (min, max), г	Среднее значение (M ± m_x), г	Кэфф. измеч. C_v , %
Малоритский лесхоз	subsp. <i>europaea</i>	3,5–6,4	5,0 ± 0,17	16
	subsp. <i>acuminata</i>	3,1–6,6	4,7 ± 0,28	23
	В общем	3,1–6,6	4,9 ± 0,15	19
Национальный парк «Припятский»	subsp. <i>europaea</i>	2,6–5,4	4,0 ± 0,27	23
	subsp. <i>acuminata</i>	2,5–5,7	3,7 ± 0,29	26
	В общем	2,5–5,7	3,9 ± 0,19	24
Любанский лесхоз	subsp. <i>europaea</i>	4,4–6,5	5,5 ± 0,29	16
	subsp. <i>acuminata</i>	2,3–6,6	4,6 ± 0,50	29
	В общем	2,3–6,6	5,1 ± 0,29	23
В целом	subsp. <i>europaea</i>	2,6–6,5	4,8 ± 0,15	20
	subsp. <i>acuminata</i>	2,3–6,6	4,4 ± 0,20	27
	В общем	2,3–6,6	4,6 ± 0,13	24

Что касается среднего значения абсолютной массы семян между subsp. *europaea* и subsp. *acuminata* в каждом из насаждений, то достоверных различий между подвидами не установлено, хотя наблюдается определенная тенденция у одного подвида по отношению к другому: несколько выше отмечены значения абсолютной массы семян у subsp. *europaea* по сравнению с subsp. *acuminata*.

Наибольшая средняя масса 1 000 семян отмечена для subsp. *europaea* – 5,5 г (Любанский лесхоз), наименьшая – 4,0 г (Национальный парк «Припятский»); для subsp. *acuminata* максимальное среднее значение равняется 4,7 г (Малоритский лесхоз), а минимальное – 3,7 г (Национальный парк «Припятский»).

По абсолютной массе семян в соответствии со шкалой С. А. Мамаева для subsp. *europaea* установлены средний (Малоритский и Любанский лесхозы) и повышенный уровни изменчивости (Национальный парк «Припятский»), а для subsp. *acuminata* во всех случаях повышенный. В целом для данного признака выявлен повышенный уровень изменчивости ($C_v = 24\%$).

Следует отметить, что по абсолютной массе семян выявлены статистически достоверные различия между деревьями, произрастающими в различных насаждениях. Однако эти межпопуляционные различия не коррелируют ни с географическим расстоянием между насаждениями, ни с произрастанием их в различных геоботанических подзонах.

Так, наибольшие достоверные различия выявлены между насаждениями *Picea abies* Малоритского лесхоза и Национального парка «Припятский», несмотря на то что они расположены в пределах одной геоботанической подзоны (коэффициент Стьюдента при 5% уровне значимости равен 4,04, т. е. больше 1,96). Достоверные различия также установлены между насаждениями *Picea abies* Национального парка «Припятский» и Любанского лесхоза, находящихся в различных геоботанических подзонах (значение коэффициента Стьюдента равняется 3,71, т. е. оно больше 1,96).

Географическое расстояние между насаждениями Любанского и Малоритского лесхозов больше, чем между Национальным парком «Припятский» и Любанским лесхозом, и меньше, чем между Национальным парком «Припятский» и Малоритским лесхозом. Тем не менее средние значения массы семян насаждений Любанского и Малоритского лесхозов между собой статистической достоверностью не отличаются (коэффициент равняется 0,83, т. е. меньше 1,96).

Если сравнить только представителей *subsp. europaea* из различных насаждений, то наблюдаются те же самые различия, которые отмечены при сравнении насаждений в целом: между Любанским лесхозом и Национальным парком «Припятский» (коэффициент Стьюдента равен 3,71, т. е. больше 1,96), а также между Малоритским лесхозом и парком «Припятский» (коэффициент Стьюдента равен 3,15, т. е. больше 1,96). В случае представителей *subsp. acuminata* различия статистически достоверны между Малоритским лесхозом и национальным парком (коэффициент равен 2,42, т. е. больше 1,96).

Исходя из полученных нами данных, видим, что минимальное значение абсолютной массы семян *Picea abies* составляет 2,3 г, а максимальное – 6,6 г. Среднее значение данного показателя качества семян равняется 4,6 г. Следует отметить, что установленные нами значения меньше указанных в литературных источниках, а это, прежде всего, зависит, как отмечают некоторые ученые, от условий произрастания, климата и наследственных свойств дерева [5], [8].

Многими исследователями отмечено, что абсолютная масса семян имеет некоторую взаимосвязь с морфометрическими признаками генеративных органов, например с их длиной и массой [20], [21]. В то же время С. А. Мамаев утверждает их несколько преувеличенную взаимосвязь [13]. В литературе отмечается также, что биолого-морфологические особенности семян не зависят от урожайности деревьев [22]. Однако изучение нами взаимосвязи между абсолютной массой семян и урожаем (количеством шишек) *Picea abies* показало отрицательную корреляционную связь между этими признаками (-0,23), т. е. с увеличением урожая шишек масса семян уменьшается.

В научной работе С. А. Мамаева приводятся также сведения о взаимосвязи массы семян деревьев с их высотой (у более высоких деревьев семена в большинстве случаев оказываются мельче) [13]. Отмечено также, что не установлена зависимость между массой 1 000 семян и хозяйственной категорией сравниваемых деревьев [21]. Нами определена достоверная отрицательная корреляция между абсолютной массой семян и высотой дерева (-0,40), а также между массой семян и диаметром дерева на высоте 1,3 м (-0,30). Как видим, с увеличением размеров дерева происходит уменьшение значений изучаемого показателя.

Выводы

1. Выявлено, что наибольший размах изменчивости массы 1 000 семян шире в пределах *Picea abies subsp. acuminata*, нежели *Picea abies subsp. europaea*. Однако наибольшее среднее значение массы 1 000 семян, полученных с островных ельников, характерно для *Picea abies subsp. europaea*.

2. Установлено отсутствие достоверных различий между абсолютной массой семян *Picea abies subsp. europaea* и *Picea abies subsp. acuminata*, полученных с деревьев, произрастающих на одной и той же территории.

3. Отмечено, что между насаждениями по абсолютной массе семян не наблюдается корреляции ни с географическим расстоянием, ни с произрастанием их в различных геоботанических подзонах.

4. Установлена отрицательная корреляция между массой 1 000 семян и морфологическими признаками *Picea abies* (количеством шишек, высотой дерева, диаметром дерева на высоте груди (1,3 м)).

Літаратура

1. Любавская, А. Я. Лесная селекция и генетика : учеб. для вузов / А. Я. Любавская. – М. : Лесн. пром-сть, 1982. – 288 с.
2. Повышение продуктивности лесов на селекционно-генетической основе / А. И. Савченко [и др.]. – Минск : Ураджай, 1981. – 199 с.
3. Крук, Н. К. Искусственное восстановление и улучшение генофонда *Pinus sylvestris* L. и *Picea abies* (L.) Karst. на базе селекционного семеноводства в условиях Белорусского Поозерья : дис. ... канд. с.-х. наук : 06.03.01 / Н. К. Крук. – Гомель, 2002. – 149 л.
4. Исследовать формовую структуру природных популяций основных лесобразующих пород : отчет о НИР (промежуточный) / БЕЛНИИЛХ ; рук. темы Е. Г. Орленко. – Гомель, 1973. – 53 с. – № 8 – 0.53.028-1-2.
5. Минин, Д. Д. Сбор и хранение семян древесных и кустарниковых пород / Д. Д. Минин. – М., 1949. – 70 с.
6. Попов, П. П. Изменчивость ели и ее лесоводственное значение / П. П. Попов // Лесное х-во. – 2000. – № 4. – С. 29–31.
7. Ромедер, Э. Генетика и селекция лесных пород / Э. Ромедер, Г. Шенбах. – М. : Сельхозиздат, 1962. – 268 с.
8. Муканова, А. А. Прорастание семян ели сибирской из преждевременно опавших шишек [Электронный ресурс] / А. А. Муканова, П. П. Попов. – Режим доступа : <http://www.ipdn.ru/rics/doc/DT/3-muk.htm>. – Дата доступа : 21.10.2007.
9. Орленко, Е. Г. Оценка генетических свойств плюсовых деревьев ели обыкновенной по их семенному потомству / Е. Г. Орленко // Новое в лесоводстве. – 1969. – № 19. – С. 92–96.
10. Юркевич, И. Д. Типы и ассоциации еловых лесов (по исследованиям в БССР) / И. Д. Юркевич, Д. С. Голод, В. И. Парфенов. – Минск : Наука и техника, 1971. – 350 с.
11. Парфенов, В. И. О внутривидовой систематике *Picea abies* (L.) Karst / В. И. Парфенов // Новости систематики высших растений. – 1971. – Т. 8. – С. 4–11.
12. Методы определения массы 1 000 семян : ГОСТ 1305.4-67. – Введ. 01.07.67. – М. : Гос. комитет СССР по стандартам, 1998. – 8 с.
13. Мамаев, С. А. Формы внутривидовой изменчивости древесных растений / С. А. Мамаев. – М. : Наука, 1973. – 284 с.
14. Справочник по лесосеменному делу / редкол.: А. И. Новосельцева [и др.]. – М. : Лесн. пром-сть, 1978. – 336 с.
15. Лісове насінництво / Ю. М. Дебринюк [і інш.]. – Львів : Світ, 1998. – 432 с.
16. Казимиров, Н. И. Ель / Н. И. Казимиров. – М. : Лесн. пром-сть, 1983. – 80 с.
17. Шутяев, А. М. Изменчивость хвойных видов в испытательных культурах Центрального Черноземья / А. М. Шутяев. – М., 2007. – 296 с.
18. Справочник лесничего / редкол.: А. Н. Филипчук [и др.]. – 7-е изд. – М. : ВНИИЛМ, 2003. – 640 с.
19. Голубец, М. А. Два подвида *Picea excelsa* Link. и вопрос об их ареалах / М. А. Голубец // Бот. журн. – 1960. – Т. 45. – № 5. – С. 684–694.
20. Ефимов, Ю. П. Изменчивость шишек и семян сосны обыкновенной на семенных плантациях / Ю. П. Ефимов, В. М. Белобородов // Генетика, селекция, семеноводство и интродукция лесных пород : сб. науч. тр. – Воронеж, 1977. – С. 38–42.
21. Руденкова, О. Ф. Проверка генетических свойств плюсовых деревьев сосны обыкновенной / О. Ф. Руденкова // Новое в лесоводстве. – Вып. 19. – 1969. – С. 97–100.
22. Поджарова, З. С. Влияние размера шишек на качество семян и рост сеянцев сосны обыкновенной / З. С. Поджарова // Новое в лесоводстве. – Вып. 19. – 1969. – С. 101–104.

Summary

The analysis of one of the seed quality indices (absolute mass) of different subspecies of *Picea abies* (L.) Karst., namely, subsp. *europaea* and subsp. *acuminata* is given in the paper. Seed material was collected from trees in isolated whortleberry spruce forests occurring in Malorita and Liuban administrative forestry enterprises and National Park «Pripiatskiy». The investigation revealed that the tree individuals of subsp. *europaea* and subsp. *acuminata* occurring in the same area do not significantly differ from one another in mass of 1 000 seeds. At the same time territorial differences as to absolute seed mass were revealed and interrelation between the test trait and morphological features of the trees was observed. There is no correlation between the absolute seed mass and the geographical distances and between the absolute seed mass and the sites of the stands in different geobotanical subzones. There are geographical differences on the absolute seed mass and correlation of the studying sign with morphological peculiarities of trees is revealed.

Поступила в редакцию 06.05.10.

ПЕДАГОГІЧНІ НАВУКІ

УДК 378.147:37.037.1(043.3)

Д. В. Анисимов

**УСИЛЕНИЕ ПРИКЛАДНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
ЗАНЯТИЙ ПО «ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ»
С БУДУЩИМИ УЧИТЕЛЯМИ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ**

В статье представлены результаты педагогического эксперимента, проводимого в ходе исследования по теме «Комплексное решение общих и прикладных задач физического воспитания студентов – будущих учителей начальных классов».

Цель исследования – повысить эффективность подготовки будущих учителей начальных классов к преподаванию физической культуры в школе на основе комплексного решения общих и прикладных задач физического воспитания студентов.

Сбор эмпирического материала и экспериментальная проверка гипотезы осуществлялись на основе таких экспериментальных методов, как анкетный опрос, педагогическое тестирование, педагогический эксперимент, статистическая обработка, анализ и обобщение полученных результатов.

Введение

Один из важнейших социальных принципов физического воспитания – принцип прикладности, или принцип связи физического воспитания с трудовой и оборонной практикой общества [1, 132–133]. Под «прикладностью» физической культуры подразумевается отражение практики избирательно направленного использования ее определенных факторов, пригодных в процессе специальной подготовки к избранной профессиональной деятельности [2, 43]. Этот принцип основывается на закономерностях «переноса» тренировочного эффекта с учебных видов деятельности на профессиональные. Общефизическая подготовка, полученная в студенческие годы, затем помогает выпускникам в их труде, создает благоприятные предпосылки для сохранения здоровья, поддержания работоспособности.

Результаты исследования и их обсуждение

Отдельные группы профессий наряду с *общеприкладной* требуют и *специальноприкладной* физической подготовки (термины Л. П. Матвеева) [1, 133]. Среди них, к примеру, выделяются профессии, которые так или иначе связаны с экстремальными условиями работы, повышенными физическими нагрузками и т. д. [3], [4]. Нет сомнения, что своей спецификой обладает и прикладная физическая подготовка тех выпускников педагогических вузов, в круг профессиональных обязанностей которых непосредственно входит физическое воспитание детей, подростков и юношей. Нас в данном случае интересует характер проведения занятий по «Физической культуре» со студентами факультета ДиНО. Насколько реализуется педагогический потенциал этой дисциплины в плане подготовки начинающих специалистов этого профиля к физкультурно-оздоровительной работе в начальной школе? В какой мере эта дисциплина способствует развитию качеств и способностей, необходимых для того, чтобы обращать средства физической культуры не только на самого себя, но и на своих будущих подопечных?

Результаты диагностики свидетельствуют, что учителя начальных классов, проводящие занятия по предмету «Физическая культура и здоровье», недостаточно подготовлены к этому виду профессиональной деятельности. Так, после окончания учебного заведения достаточно подготовленными к ней считают себя чуть более половины из них (53,5%), а на момент опроса в разряд недостаточно подготовленных продолжают зачислять себя 28,2% [5, 47, 50]. Традиционная ориентация студентов «преимущественно на достижение нормативного уровня физических кондиций» по существу превращает занятия по «Физической культуре» в обычные «уроки физической подготовки» [6, 3], [7, 66].

Все это, в конечном счете, негативно сказывается на физическом развитии школьников. В соответствии с данными официальной статистики количество учащихся с отклонениями здоровья за время обучения в школе увеличивается более чем в пять раз. Двум третям

молодых людей, получивших аттестаты зрелости, это мешает нормальному вхождению во взрослую жизнь [8, 4].

В поисках причин сложившегося положения дел обращает на себя внимание то, что занятия по дисциплине «Физическая культура», включенной в учебные планы факультета ДиНО УО МГПУ с первого курса по четвертый, проводятся по программе, которая является *общей* для студентов *всех* факультетов педвуза (за исключением физкультурного). Это обстоятельство, на наш взгляд, и не позволяет в полной мере реализовать потенциал данной дисциплины в плане подготовки будущих учителей начальных классов к преподаванию такого предмета, как «Физическая культура и здоровье».

При разработке комплекса способов профилирования занятий по «Физической культуре» на факультете ДиНО (а это являлось главной целью проведенного исследования) мы исходили из того, что на системной основе эту проблему целесообразно решать на старших (третьем–четвертом) курсах, т. е. тогда, когда общефизическая подготовка, которую студенты получают на двух предыдущих курсах, позволит им укрепить своё собственное здоровье и тем самым создаст определенный фундамент для направленных занятий ППФП. В задачи исследования входило обоснование, разработка и реализация модели профилированных занятий по интересующей нас дисциплине.

Концептуальную базу исследования составила система теоретико-методологических положений разноуровневого порядка:

- *общенаучное* – положение диалектики о всеобщей связи процессов и явлений и основанная на нём концепция системно-деятельностного подхода: решать профессионально-прикладные задачи физического воспитания студентов факультета ДиНО необходимо в комплексе с задачами общефизической подготовки посредством специально организованной для этого практико-ориентированной деятельности (В. Г. Афанасьев, В. В. Краевский, Б. Г. Юдин и др.);

- *общепедагогическое* – требования контекстного, культурологического и компетентностного подходов к современной организации образования: проведение занятий по «Физической культуре» должно ориентироваться на интегративные образовательные результаты – единство знаний, умений, потребностно-мотивационных ориентаций и опыта практической деятельности по самооздоровлению и укреплению здоровья учащихся (П. Ф. Каптерев, Н. В. Кузьмина, В. А. Сластенин и др.);

- *частнонаучное* – общие и специфические принципы и формы физического воспитания и вытекающие из них правила его системного построения: оптимальным способом повышению эффективности занятий по «Физической культуре», позволяющих связать в единую динамическую систему приобретение, применение и контроль профессионально-прикладных знаний и видов деятельности, может служить компактно-блоковое структурирование осваиваемого студентами учебного материала (Л. П. Матвеев, А. А. Гужаловский, Л. И. Лубышева и др.).

Помимо доводов теоретического порядка, необходимость усиления профессионально-прикладной направленности физической подготовки на факультете ДиНО обуславливалась также результатами анкетного опроса учителей начальных классов и студентов [4, 55].

Исходя из этих предпосылочных оснований, разработанную модель профилирования дисциплины «Физическая культура» отличали следующие структурные особенности.

Во-первых, *последовательное включение в содержание занятий элементов школьной программы* (из разделов «Обучение двигательным умениям и навыкам» и «Обучение знаниям и формирование представлений»). По сравнению с типовой программой, доля специальных педагогических воздействий, непосредственно направленных на овладение методами и средствами физического воспитания младших школьников, существенно увеличивалась (на каждом занятии этому отводилось до 25 мин учебного времени). Тем самым оба вида профессиональной подготовки будущих педагогов – общеприкладная (общефизическая) и специальноприкладная (методическая) – получали определенную сбалансированность.

Во-вторых, *компактно-блоковое распределение содержания школьной программы между четырьмя-пятью циклами учебных занятий* (в зависимости от количества учебного времени в семестре), *предусматривающее «погружение» в изучаемую тему*. Каждый цикл состоял из пяти занятий. На первых четырех занятиях последовательно осваивался учебный материал школьной учебной программы, предназначенный для первого, второго, третьего и четвертого классов начальной школы. На пятом проводился зачет по изученному материалу (до 50 мин). В отличие от первого этапа эксперимента (5-й семестр), когда студентами осваивались лишь *отдельные* прикладные знания и умения, на втором этапе (6-й семестр) общефизическая подготовка студентов экспериментальной группы сочеталась с совершенствованием методики самостоятельного планирования и проведения *целостных фрагментов урока*.

В-третьих, *гибкая структура учебного занятия, учитывающая специфику комплексного решения общих и прикладных задач физического воспитания, в том числе и на разных этапах экспериментального обучения.* В начале занятия изучались техника и методика обучения упражнениям школьной программы (до 25 мин), а затем решались задачи развития общефизической подготовки в соответствии с вузовской программой. Последние 8–10 минут основной части занятия отводились либо микролекциям по разделу школьной программы «Обучение знаниям и формирование представлений» (на первом этапе эксперимента), либо разбору ошибок, допущенных студентами в ходе занятия (на втором этапе эксперимента).

В-четвертых, *дифференциация средств профессионально-прикладной физической подготовки в зависимости от индивидуальных результатов обучения* (в заключительной части занятия при подведении его итогов студентам давались соответствующие индивидуально-дифференцированные домашние задания как теоретического, так и практического характера).

В-пятых, *тестирование физической подготовленности студентов, приближенное по своей структуре к тестированию школьников* (челночный бег 4 по 9 м, поднимание и опускание туловища из положения лежа (д), подтягивание (м), прыжок в длину с места, наклоны вперед из положения сидя на полу, 6-минутный бег).

В-шестых, *применение системы видов предварительного* (начало пятого семестра), *текущего* (на каждом занятии), *этапного* (в конце пятого и шестого семестров) и *итогового* (в седьмом семестре) *контроля, включая педагогическую практику.* Критериями эффективности экспериментального обучения служили: а) результаты изучения динамики показателей физической подготовленности в ЭГ и КГ; б) данные изучения уровня теоретико-методических знаний; а также в) результаты оценки отдельных показателей профессиональной подготовленности студентов в период прохождения педагогической практики. С помощью карты экспресс-анализа и оценки урока практиканта устанавливался уровень индивидуальной подготовленности студентов по пяти показателям: предурочная подготовка, организационные умения и навыки, методические умения и техническая подготовленность, навыки воспитательной работы, планирование и учет самостоятельной работы учеников. Результаты предварительного и текущего контроля учитывались при подведении итогов работы студента за семестр и весь период экспериментального обучения. Зачет выставлялся за удовлетворительный комплексный результат освоения материала как школьной, так и вузовской программы [5, 72].

В результате реализации этой модели проведения занятий на факультете ДиНО была зафиксирована положительная динамика по всем измеряемым показателям. Значительные сдвиги (45% в пользу ЭГ при среднем уровне правильных ответов 83,5%) происходят на уровне профессионально-прикладных знаний. Если перед проведением эксперимента уровень подготовленности к преподаванию физической культуры в начальной школе у студентов ЭГ и КГ групп оказывался приблизительно одинаковым, то к концу разница результатов в пользу ЭГ достигает почти 50% (57,5% и 8% соответственно; см. рисунок) [5, 94].

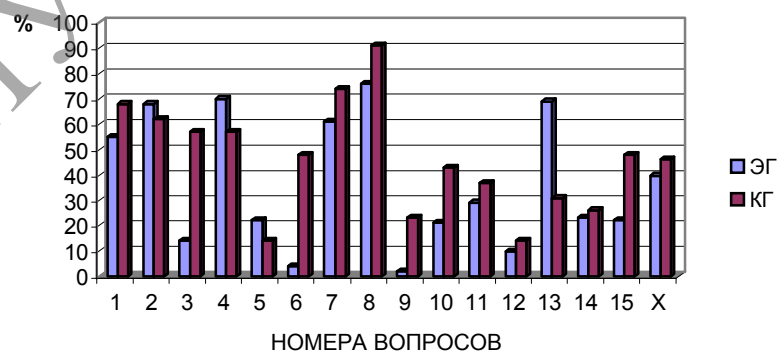

Рисунок – Процент правильных ответов в ЭГ и КГ в начале первого этапа эксперимента

Что касается показателей физической подготовленности, то в конце эксперимента в ЭГ во всех семи случаях сравнения установлены статистически достоверные приросты. В КГ снижение прироста показателей физической подготовленности в конце 6-го семестра привело к тому, что все приросты за пятый и шестой семестры оказались статистически недостоверными [5, 101].

В конце эксперимента по сравнению с его началом студенты ЭГ дали более высокую оценку значениям всех тринадцати показателей профессиональной подготовленности. В то же время в КГ эта оценка существенно снизилась (на 31,7%). Возросли у студентов ЭГ и оценки подготовленности к работе в школе. Они оказались более высокими на 57,5% и менее вариативным, чем в КГ.

Выводы

Таким образом, необходимость усиления прикладной направленности занятий по «Физической культуре» с будущими учителями начальных классов обуславливается как теоретическими, так и практическими предпосылками. Увеличить этот потенциал можно за счет, во-первых, последовательного включения в содержание учебных занятий по «Физической культуре» материала школьной программы; во-вторых, его циклического распределения, предусматривающего «погружение» в изучаемую тему; в-третьих, за счёт применения гибкой структуры учебного занятия, учитывающей содержание учебного материала; в-четвертых, дифференциации средств профессионально-прикладной физической подготовки в зависимости от индивидуальных результатов обучения; в-пятых, введения новых, по сравнению с традиционными, тестов физической подготовленности студентов; в-шестых, применения системы видов предварительного, текущего, этапного и итогового контроля, включая педагогическую практику. Соблюдение вышеохарактеризованных педагогических условий позволяет существенно повысить качество профессиональной подготовки студентов факультета ДиНО к работе в школе. И при этом не за счет введения в учебные планы новых учебных дисциплин или увеличения учебных часов на освоение старых, а за счет интенсификации учебного процесса в существующих временных рамках.

Литература

1. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры: Введение в предмет : учеб. для высш. спец. физкультурных учеб. заведений / Л. П. Матвеев. – 4-е изд., стер. – СПб. : Лань ; М. : ООО Изд-во «Омега-Л», 2004. – 160 с.
2. Матвеев, Л. П. Прикладность физической культуры: понятийные основы и их конкретизация в современных условиях / Л. П. Матвеев, В. П. Полянский // Теория и практика физической культуры. – 1996. – № 7. – С. 42–47.
3. Рожновский, А. Ф. Профессионально-прикладная физическая подготовка в инженерно-морских вузах : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. Ф. Рожновский ; Всесоюз. науч.-исслед. ин-т физ. культуры. – М., 1988. – 25 с.
4. Слепнев, А. Я. Педагогические основы профессионально-прикладной физической подготовки курсантов специальных средних школ милиции МВД России : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / А. Я. Слепнев. – Минск, 1989. – 197 л.
5. Анисимов, Д. В. Методика решения прикладных задач физического воспитания студентов – будущих учителей начальных классов : моногр. / Д. В. Анисимов. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 159 с.
6. Манжелей, И. В. Актуализация педагогического потенциала физкультурно-образовательной среды : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / И. В. Манжелей ; Тюменский госуниверситет. – Тюмень, 2005. – 45 с.
7. Филиппов, Н. Н. Отношение студенческой молодежи к занятиям физической культурой в новых социально-экономических условиях / Н. Н. Филиппов // Адукацыя і выхаванне. – 2001. – № 8. – С. 66–68.
8. Лебедева, Н. Т. Профилактическая физическая культура для детей : пособие для педагогов и воспитателей / Н. Т. Лебедева. – Минск : Выш. шк., 2004. – 190 с.

Summary

The article contains a characteristic of pedagogical experiment methods used during the research on the topic «The complex solving of general and applied tasks of students – future primary school teachers' physical education».

Research aim: to raise the efficiency of future primary school teachers' preparing for teaching physical culture at school on the basis of complex solving of physical education general and applied tasks.

The collection of empirical material and experimental testing of the hypothesis were carried out on the basis of experimental methods, such as questionnaire, pedagogical tests, pedagogical experiment, statistical treatment, analysis and generalization of the received results.

Поступила в редакцию 26.05.10.

УДК 372.016:004.415.53

*Л. А. Воробей, М. А. Грибовская, И. А. Кузменкова***ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ
НА ЗАОЧНОМ ОТДЕЛЕНИИ**

В данной работе дан анализ опыта применения компьютерного тестирования как промежуточной формы контроля знаний студентов заочного отделения, описана методика организации и проведения компьютерного тестирования, дан пример варианта тестового задания, отмечены положительные и отрицательные стороны данной формы контроля знаний.

Введение

Образовательный процесс в современных условиях направлен, в первую очередь, на формирование активной и профессионально востребованной личности, обладающей аналитическим мышлением, способной критически оценивать ситуацию, быстро адаптироваться и свободно ориентироваться в конкретных экономических условиях, умеющей анализировать и прогнозировать экономические системы, самостоятельно и творчески принимать решения. Важная роль в формировании такой личности принадлежит общенаучным дисциплинам (в частности, высшей математике), овладение которыми обеспечивает получение стандартных фундаментальных знаний в свете современных представлений, помогает создать целостную картину мира в его естественнонаучном понимании, приобщает к системному мышлению, помогает овладеть методами анализа, учета, формулировать экономические задачи на языке точных наук. Такой подход диктует необходимость поиска новых эффективных форм, методик и технологий обучения, направленных на вовлечение студента в атмосферу научного поиска, творчества, способности воплощать научные идеи в успешные инновационные проекты. Задача крайне сложная, ведь учебный процесс в вузе сам по себе представляет собой сложный объект управления, включающий организацию обучения, содержание дисциплин, методы, формы, средства обучения и, наконец, контроль результатов обучения. Инновационная модель развития образования, являющаяся частью государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы, утвержденной Указом Президента № 136 от 26 марта 2007 г. [1], в системе контроля знаний выделяет три составляющих:

- 1) компьютерное тестирование, позволяющее оценить объем знаний;
- 2) оценка практических навыков и умений в виде зачетов и экзаменов;
- 3) устное собеседование, которое позволяет оценить, как мыслит студент, насколько развита его речь.

Именно в области контроля знаний компьютерные технологии продвинулись максимально далеко, и ведущую роль здесь занимает компьютерное тестирование.

Результаты исследования и их обсуждение

В Белорусском торгово-экономическом университете компьютерное тестирование практикуется более пяти лет. Оно представляет собой промежуточный этап контроля знаний студентов заочного отделения. Тестирование направлено на проверку минимально допустимого уровня знаний студентов. Анализ опыта тестирования показывает явные преимущества тестового контроля на этапе допуска студента к экзамену (зачету).

Компьютерным тестированием были заменены традиционные контрольные работы на заочном отделении, большая часть которых, как правило, выполнялась самостоятельно. Кроме того, работы представлялись на рецензию в последние дни перед экзаменом. В результате даже если студенты допускались к экзамену, уровень их знаний был крайне низок. Необходимость же получения допуска к экзамену (зачету) посредством компьютерного тестирования обязывает студентов усвоить основные определения, понятия, формулы, алгоритмы решения задач.

Любое новшество, внедряемое в педагогический процесс, должно проходить три этапа: подготовительный, основной, заключительный.

На подготовительном этапе должны решаться задачи целеполагания, диагностики, прогнозирования и планирования развития педагогического процесса [2]. На данном этапе перед коллективом кафедры была сформулирована цель: создать базы тестовых заданий по каждой

из изучаемых дисциплин: «Высшая математика», «Теория вероятностей и математическая статистика», «Математическое программирование», «Эконометрика». При этом необходимо было придерживаться следующих требований к составлению тестовых заданий:

- задания тестов должны охватывать все темы типовой программы;
- формулировки тестовых заданий должны быть краткими, синтаксически простыми, не содержать двусмысленностей и быть понятными студентам, проходящим тестирование;
- ответы должны быть одинаково привлекательными и не содержать подсказок, должны быть сформулированы четко и кратко;
- нахождение ответов не должно требовать больших затрат времени.

Основной этап включает реализацию поставленных целей и задач. В результате по каждой дисциплине курс был разбит на десять секций. Программа тестирования из каждой секции случайным образом выбирает по одному заданию. Таким образом, студенту в общей сложности предлагается ответить на десять вопросов. В каждом из тестовых заданий дается пять вариантов ответов. Специфика тестов по высшей математике предполагает использование таких тестовых заданий, в которых нужно из нескольких ответов выбрать только один правильный. При проведении компьютерного тестирования не допускается использование студентами учебников, учебно-методических пособий, а также других вспомогательных материалов. На выполнение тестовых заданий отводится двадцать минут. Ограничение во времени предполагает, что студент должен четко знать теоретический материал и обладать навыками решения типовых примеров, при этом исключается возможность списывания и подсказок. Студент сдает тест, если верно отвечает не менее чем на шесть вопросов. Максимальное число попыток тестирования – три. В случае неудачных трех попыток тестирования по дисциплине студент имеет право на дополнительное компьютерное тестирование на платной основе, но не более одной платной попытки в день.

В качестве примера приведем тест, разработанный по курсу «Теория вероятностей и математическая статистика».

Секция 1. Основные понятия теории вероятностей.

Студент должен сдать два экзамена. Событие A – «студент сдал первый экзамен», событие B – «студент сдал второй экзамен», событие C – «студент сдал оба экзамена». Тогда событие C равно:

$$1) C = A \cdot B; \quad 2) C = A + B; \quad 3) C = A / B; \quad 4) C = A; \quad 5) C = \overline{A \cdot B} + \overline{A \cdot B}.$$

Секция 2. Классическое определение вероятности.

В урне 12 шаров, ничем, кроме цвета, не отличающихся. Среди этих шаров 4 красных. Вероятность вытащить шар другого цвета равна:

$$1) \frac{1}{12}; \quad 2) \frac{4}{12}; \quad 3) \frac{8}{12}; \quad 4) \frac{1}{4}; \quad 5) \frac{1}{8}.$$

Секция 3. Основные теоремы теории вероятностей.

В каждом из двух ящиков находится по 20 деталей. В первом ящике содержится 5, а во втором 10 бракованных деталей. Из каждого ящика вынимают по одной детали. Вероятность того, что обе вынутые детали окажутся бракованными, равна:

$$1) \frac{5+10}{40}; \quad 2) \frac{5}{20} + \frac{10}{20}; \quad 3) \frac{1}{5} + \frac{1}{10}; \quad 4) \frac{1}{5} \cdot \frac{1}{10}; \quad 5) \frac{5}{20} \cdot \frac{10}{20}.$$

Секция 4. Повторные независимые испытания.

Вероятность выигрыша по лотерейному билету равна 0,4. Тогда вероятность того, что среди купленных 7 билетов окажутся 4 выигрышных, рассчитанная по формуле Бернулли, равна:

$$1) P_7(4) = C_7^4 \cdot (0,4)^4 (0,6)^{7-4};$$

$$2) P_4(7) = C_4^7 \cdot (0,4)^7 (0,6)^{7-4};$$

$$3) P_7(4) = C_7^4 \cdot (0,4)^4 (0,6)^4;$$

$$4) P_4(7) = C_7^4 \cdot (0,6)^7 (0,4)^{7-4};$$

$$5) P_7(4) = C_7^4 \cdot (0,4)^4 (0,6)^7.$$

Секція 5. Случайные величины.

Закон распределения дискретной случайной величины X задан следующей таблицей:

X	0	1	2	3
P	0,4	0,2	0,3	0,1

Значение функции распределения этой случайной величины на интервале $1 < x \leq 2$ равно:

- 1) 0; 2) 0,3; 3) 0,6; 4) 0,9; 5) 1.

Секція 6. Некоторые законы распределения случайных величин.

Непрерывная случайная величина X распределена по показательному закону

$$f(x) = \begin{cases} 10e^{-10x}, & \text{при } x \geq 0; \\ 0, & \text{при } x < 0. \end{cases}$$

Тогда ее математическое ожидание равно:

- 1) 0; 2) $\frac{1}{10}$; 3) e^{10} ; 4) $\frac{1}{e^{10}}$; 5) 10.

Секція 7. Нормальное распределение.

Дифференциальная функция распределения случайной величины X равна:

$$f(x) = \frac{1}{2\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{(x-1)^2}{8}}.$$

Тогда математическое ожидание случайной величины X равно:

- 1) 0; 2) 2; 3) 1; 4) 8; 5) $\sqrt{2\pi}$.

Секція 8. Выборочный метод.

Для вариационного ряда

x_i	-10	0	1
n_i	2	3	5

выборочное среднее \bar{x}_e равно:

- 1) -5; 2) -1,5; 3) 0; 4) 0,5; 5) 10.

Секція 9. Элементы теории корреляции.

Коэффициент корреляции принимает значения из промежутка:

- 1) [-1; 1]; 2) [0; 1]; 3) (-1; 1); 4) $(-\infty; \infty)$; 5) $[0; +\infty)$.

Секція 10. Непараметрические методы математической статистики.

Критическая область для проверки гипотезы H_0 имеет вид $(-K_{кр}; K_{кр})$. Гипотеза H_0 будет отвергнута, если:

- 1) $K_{набл} < -K_{кр}$;
- 2) $-K_{кр} < K_{набл} < K_{кр}$;
- 3) $K_{набл} > K_{кр}$;
- 4) $|K_{кр}| > K_{набл}$;
- 5) $K_{набл} = K_{кр}$.

Ежегодно тестовая база обновляется и совершенствуется не только с технической, но и с дидактической точки зрения, что позволяет избежать необъективности результатов тестирования, а также исключить уловки студентов при сдаче тестов. Формулировки заданий изменяются таким образом, чтобы при кажущемся сходстве смысл их был различным, поэтому задачи заменяются аналогичными. При этом учитываются типичные ошибки, ведется статистика самых «трудных» вопросов.

На заключительном этапе нововведений изучается степень решения поставленных задач, обобщается опыт, выделяются положительные стороны, выявляются причины недостатков, намечаются пути их устранения [2].

Исходя из пятилетнего опыта работы, можно выделить следующие преимущества тестового контроля знаний на этапе допуска студента к экзамену:

- полнота охвата содержания (возможность проверки знаний по всем основным темам курса);
- объективность оценок тестирования, которые практически никогда не оспариваются студентами;
- возможность одновременного тестирования большого количества студентов;
- возможность быстро выявить уровень знаний и получить статистические данные об успеваемости студентов;
- возможность найти слабые места в подготовке и выявить направления индивидуальной помощи в освоении нового материала;
- компьютерное тестирование носит обучающий характер: при повторном тестировании студент вынужден выучить те вопросы, на которые не знал ответа, при необходимости обратиться за помощью к преподавателю;
- компьютерное тестирование позволяет давать методические рекомендации для дальнейшего построения образовательного процесса;
- компьютерное тестирование побуждает студентов более серьезно относиться к установочной сессии и осознать необходимость самоподготовки в межсессионный период. Важная роль в организации самоподготовки студентов принадлежит преподавателю, его умению грамотно организовать эту работу. Отправным пунктом является традиционная установочная лекция, на которой определяются содержание, цели и пути познавательной деятельности, не только даются рекомендации для самостоятельного изучения курса, но и обращается внимание на методику подготовки к компьютерным тестированиям. При этом в помощь студентам предлагаются вопросы, на которые необходимо уметь отвечать для успешного выполнения теста, примерные тестовые задания по дисциплинам курса, методические пособия, организуются консультации, для желающих проводятся факультативные занятия в качестве платной услуги.

Как положительные стороны можно также отметить «простоту заполнения базы контрольных заданий и внесения в нее изменений» [3] и тот факт, что при правильной организации тестирования как часть процесса обучения будет способствовать развитию системного мышления [4].

Но, несмотря на явные преимущества промежуточного компьютерного контроля знаний, существуют и отрицательные стороны:

- в большинстве случаев студент первоначально пытается сдать тест без подготовки, однако после нескольких неудачных попыток осознает тот факт, что все-таки необходимо сесть и выучить, но время упущено, в результате чего он не допускается к экзамену;
- студент, зная отдельные действия в решении задачи и тем самым успешно сдав тестирование, в ряде случаев может затрудняться в применении полного алгоритма решения;
- отсутствие возможности проверки правильности понимания студентом задания;
- отсутствие учета индивидуальных способностей и психологических особенностей студентов (не каждый обладает способностью вдумчиво читать и быстро воспринимать информацию с экрана компьютера, что создает значительное препятствие для студентов, у которых данная интеллектуальная способность развита слабее);

- тестовый контроль не восполняет в полной мере диалог между преподавателем и студентом;
- в большинстве случаев отсутствует возможность творческого подхода у студента к решению задач.

Несмотря на все это, достоинств у компьютерного тестирования именно как промежуточного контроля знаний больше. Что же касается недостатков, то большую часть из них можно устранить, грамотно организовав учебный процесс, рассматривая его как процесс овладения уровнями обучения. При подготовке к тестированию студент в лучшем случае проходит только два низших уровня научного познания: оперирование представлениями, оперирование логическими связями. Задача преподавателя построить дальнейший процесс обучения (практические занятия, консультации, факультатив) таким образом, чтобы были освоены и более высокие уровни – обобщающего познания и научного предвидения. Наиболее эффективно учебный процесс протекает тогда, когда более высокие уровни сложности опираются на менее сложные, базовые уровни научного знания [5].

В этом случае компьютерное тестирование будет не только выступать эффективным средством контроля знаний, но и иметь обучающий характер. При этом возникает проблема: подготовка качественных тестов не только с технической, но и дидактической точки зрения. Для ее решения должна быть разработана специальная система контроля качества и экспертизы компьютерных тестов. При этом в качестве экспертов, кроме специалистов по данной дисциплине, должны привлекаться специалисты из других областей – психологи, программисты и др.

Выводы

Компьютерное тестирование как промежуточная форма контроля знаний не исключает традиционных форм контроля, а является подтверждением наличия у студента-заочника базы знаний, необходимой для участия в экзаменационной сессии. При этом, в первую очередь, при введении тестирования в образовательный процесс в УО «БТЭУ» руководствовались тем принципом, что целью и средством любого педагогического процесса, а в данном случае процесса тестирования студентов заочного отделения, является самосовершенствование личности, включая и установки на самообразование.

Литература

1. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 26 марта 2007 г., № 136 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 79. – С. 9.
2. Андреев, В. И. Основы педагогики высшей школы : учеб. пособие для вузов / В. И. Андреев. – Минск : РИВШ, 2005. – 194 с.
3. Зуенок, А. Ю. Обучение будущих учителей технологии проведения компьютерного контроля знаний / А. Ю. Зуенок, Т. Н. Круглик // Адукацыя і выхаванне. – 2009. – № 10. – С. 29–33.
4. Абовский, Н. П. Развитие системного мышления при обучении и тестировании / Н. П. Абовский, В. И. Пологушкин // Alma mater. – 2009. – № 2. – С. 32–40.
5. Архангельский, С. И. Лекции по теории обучения в высшей школе / С. И. Архангельский. – М. : Высш. шк., 1974. – С. 384.

Summary

The analyses of experience of computer testing usage as an intermediate form of the knowledge control of the students of correspondence department is presented in the given work. The author describes the technique of organization and carrying out the computer testing, gives an example of the variant of testing task and notes positive and negative sides of the presented form of knowledge control.

Поступила в редакцию 16.03.10.

УДК 371.016:796

В. В. Клинов**ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ
УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ УЧИЛИЩ ОЛИМПЕЙСКОГО РЕЗЕРВА
К ЗДОРОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ**

В статье рассматриваются вопросы здоровья учащихся старших классов училищ олимпийского резерва (УОР). Определена сущность и структура ценностно-смыслового компонента культуры здорового образа жизни (ЗОЖ). Выявлены критерии, показатели и уровни сформированности данного компонента. Разработана технология формирования ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ старшеклассников.

Введение

В последнее время в Республике Беларусь наблюдается значительное омоложение современного спорта и неуклонный рост достижений в сфере спортивной деятельности. Основным звеном в структуре физического образования молодежи являются училища олимпийского резерва (УОР). Высокая плотность построения учебно-тренировочного процесса спортсменов, обучающихся в училищах олимпийского резерва, требует больших умственных и физических усилий от учащихся, что не может не отразиться на их функциональных особенностях и здоровье.

Здоровье – главная составляющая в сфере достижения спортивных результатов. Оно формирует структуру и функции человеческого организма. В ходе длительной физической деятельности спортсмена существует очень тесная связь между уровнем его функциональной подготовленности и достижением высших результатов в конкретном виде спорта и здоровьем [1].

В училищах олимпийского резерва проблема качества здоровья ещё более обострена, так как в них параллельно и одинаково эффективно должны решаться две важные для общества и государства задачи: подготовка из юных спортсменов высокой квалификации членов сборных команд Беларуси и формирование из этой будущей спортивной элиты педагогов по физической культуре и спорту. Поэтому научить спортсменов следить за своим здоровьем и сохранять его – одна из важнейших задач образовательного процесса училища олимпийского резерва.

Одной из центральных задач системы образования является воспитание культурной личности, поэтому особую актуальность и перспективность приобретает проблема формирования культуры здорового образа жизни среди учащихся старших классов УОР.

Важным направлением, определяющим становление личности школьника, владеющего высоким уровнем культуры ЗОЖ, является формирование системы ценностей здорового образа жизни. Поэтому существует острая потребность в приобщении учащихся к ценностям здорового образа жизни как одному из факторов, обеспечивающих успех обучения и воспитания, способствующих самосовершенствованию и гармоническому развитию личности.

Результаты исследования и их обсуждение

Ценность – это то, что люди признают стоящим над всем и к чему следует стремиться, относиться с уважением, признанием, почтением. Ценность является не свойством какой-либо вещи, а сущностью и одновременно условием полноценного бытия субъекта [2].

Ценностные ориентации оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, на общий подход к миру и самому себе, придают смысл и направление общественной позиции личности. В силу своей многоаспектности ценностные ориентации – это компонент не только сознания, но и поведения человека. В этом проявляется их особое значение.

Ориентация старшеклассников на ценности культуры ЗОЖ невозможна без осознания ими ценности жизни, здоровья, без ведения здорового образа жизни. Отношение к здоровью как к ценности обуславливает становление ценностной ориентации на укрепление и совершенствование личного и общественного здоровья, на включение старшеклассников в оздоровительную деятельность.

Обычно выделяют три уровня ценности здоровья: биологический – здоровье как саморегулирующаяся адаптирующаяся система организма; социальный – здоровье как мера социальной активности индивида и психологический – здоровье не как отсутствие болезни, а как стратегия её преодоления [3].

Специфика ценности здоровья как феномена заключается в её латентном характере: большинство людей осознают ценность здоровья только тогда, когда оно находится под угрозой. Подобное отношение человека к своему здоровью свидетельствует о существовании ценности здоровья как объективного явления и как его отражения в сознании субъекта.

На уровне индивидуального сознания здоровье как феномен характеризуется тремя специфическими чертами: 1) тесной взаимосвязью субъективно-объективных характеристик; 2) постоянным наличием данной ценности (наряду с ценностью человеческой жизни); 3) долгосрочностью изменения состояния здоровья [3].

На основании современных теоретико-методологических исследований в области ЗОЖ, сущностных характеристик культурологического подхода и закономерностей оздоровительной деятельности нами было определено содержание ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ старшеклассников. Данный компонент выражается в позитивном и ценностном отношении к своему здоровью, в наличии положительного эмоционального фона, связанного с осознанием своего потенциала здоровья, ориентацией на сохранение и укрепление здоровья, а не только на излечение болезней и преодоление неблагоприятия. Положительный настрой и принятие здоровья как ценности – основа формирования позитивной внутренней картины здоровья.

Содержание ценностно-смыслового компонента предполагает формирование и присвоение ценностей, которые будут выступать в качестве целей жизни старшеклассников и основных средств достижения этих целей. Сформированные у них ценностные ориентации будут определять общую направленность их личности, содержание социальной активности, общий подход к миру и самому себе. Ценностные ориентации как реализуемые жизненные нормы и нормы здоровьесберегающей деятельности выступают в качестве связующего звена между объективной социальной средой и индивидуальным сознанием человека, с одной стороны, а с другой – между его сознанием, деятельностью и поведением.

Можно выделить следующие группы ценностей культуры ЗОЖ:

ценности-цели, раскрывающие значение и смысл целей здоровьесберегающей деятельности старшеклассника;

ценности-средства, отражающие способы достижения целей и представленные совокупностью здоровьесберегающих умений и способов поддержания и укрепления здоровья;

ценности-отношения, включающие систему отношений старшеклассника к своему здоровью, к здоровью других людей, к здоровому образу жизни, к учебной и спортивной деятельности, содействующей здоровью учащихся;

ценности-знания, содержащие знания о способах ведения здорового образа жизни, о ведущих идеях и закономерностях здоровьесберегающего образовательного процесса и различных видах деятельности, направленных на формирование культуры ЗОЖ учащихся;

ценности-качества, отражающие индивидуально-личностные свойства старшеклассника и вбирающие в себя специальные способности, помогающие вести здоровый образ жизни и выполнять деятельность, ориентированную на воспитание здорового человека.

Все группы ценностей (целей, средств, знаний, качеств, отношений), трансформировавшись в сознании старшеклассника в личностную систему ценностных ориентаций, взаимодействуют между собой и регулируют ценностно-смысловую сферу культуры ЗОЖ.

Для определения уровня сформированности ценностно-смыслового компонента культуры здорового образа жизни необходимо использовать специальную критериальную базу. Критерии служат «планом» характеристик уровней сформированности у старшеклассников данного компонента культуры ЗОЖ. Термин «критерий» обозначает признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо [2]. Нами были выделены критерии и показатели, а также четыре основных уровня сформированности ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ (см. таблицу).

Таблица – Структура ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ

Критерии	Показатели	Уровни			
		Низкий	Номинальный	Нормативный	Высокий
Сформированность ценностного отношения к ЗОЖ. Наличие смыслов в области ЗОЖ	– осознание ценности здоровья; – положительное, ответственное отношение к своему здоровью и ведению здорового образа жизни; – осознание ценности ведения ЗОЖ для укрепления и сохранения здоровья; – наличие смысла и значения ведения здорового образа жизни; – понимание смысла в осуществлении культуры ЗОЖ	Не сформированы ценности ЗОЖ	Проявление традиционных ценностей в области ЗОЖ	Наличие нормативных ценностей ЗОЖ	Осознание и развитие ценностей ЗОЖ для укрепления здоровья

Для выяснения уровня сформированности ценностно-смыслового компонента у учащихся старших классов УОР нами было проведено социологическое исследование, в котором принимали участие 80 старшеклассников филиала Гомельского училища олимпийского резерва г. Мозырь. Для получения необходимых сведений была подготовлена специально разработанная анкета, а также стандартизированные методики, позволяющие определить место здоровья и здорового образа жизни в системе ценностных ориентаций старшеклассников.

С целью изучения роли и места ценности здоровья и здорового образа жизни в системе терминальных (жизненных) ценностей учащихся мы использовали модифицированную нами методику «Ценностные ориентации» М. Рокича.

Согласно полученным данным, здоровье как основная жизненная ценность старшеклассников занимает в общей иерархии ценностей одно из ведущих мест – 55%, удачная спортивная карьера на втором месте – 16,25%, счастливая семейная жизнь является главной ценностью для 11,25% респондентов, материальное благополучие выбрали 10% опрошенных. При этом ценность здорового образа жизни важна только для 7,5% учащихся старших классов УОР. Следовательно, у старшеклассников существует понимание первостепенной значимости ценности здоровья. Однако наблюдаются значительные различия в ранжировании ценности здоровья и ценности здорового образа жизни. Это говорит о том, что в целом необходимость быть здоровым осознается, но не связывается с личностной активностью по его поддержанию.

В результате проведенного нами пилотажного исследования, направленного на определение уровня сформированности ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ, было установлено, что данный компонент культуры ЗОЖ у учащихся УОР находится на номинальном (37,5%) и низком (38,75%) уровнях. Только 3,75% респондентов имеют высокий уровень сформированности исследуемого компонента и 20% респондентов находятся на нормативном уровне. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ценностные ориентации учащихся УОР в области культуры ЗОЖ находятся на недостаточном уровне и требуют корректировки.

Таким образом, была подтверждена необходимость специально организованного процесса формирования ценностных ориентаций культуры ЗОЖ, что позволило перейти к формирующему этапу, на котором реализуется технология формирования культуры ЗОЖ старшеклассников УОР.

Цель данного этапа – выработка ценностей культуры ЗОЖ, присвоение её норм и критериев деятельности.

Реализация цели предполагает решение ряда задач:

- 1) сформировать у учащихся ответственное отношение к здоровью;
- 2) подвести старшеклассников к осознанию взаимосвязи между высокой работоспособностью, спортивным долголетием и уровнем культуры ЗОЖ;
- 3) сформировать у учащихся валеологический стиль мышления, в основе которого лежит понимание значимости ЗОЖ для саморазвития, самореализации;
- 4) реорганизовать образовательный процесс на основе формирования ориентации на здоровье и ценности ЗОЖ;
- 5) превратить ценности культуры ЗОЖ в принцип поведения, отношений и деятельности.

Формирование ценностно-смыслового компонента культуры здорового образа жизни – это формирование познавательных структур личности, её системы ценностей здорового образа жизни. При этом развивается и формируется не только само поведение, но и установка, готовность к определенному поведению.

Процесс приобщения старшеклассников к ценностям культуры ЗОЖ осуществляется через возникновение у них ценностных ориентаций. В связи с этим необходимо создать организационно-педагогические условия, обеспечивающие учащимся становление ценностных ориентаций, развитие эмоционально-чувственной сферы и рефлексивных способностей, воплощение ценностей здоровья в творческо-созидательную, здоровьесберегающую деятельность.

Только включённость в деятельность обеспечивает возможность новообразования и совершенствования личностных качеств [4]. Согласно данной теории, внутренняя, психическая, деятельность человека проистекает из внешней, практической, посредством механизма интериоризации. Таким образом, успешность формирования ценностей культуры ЗОЖ старшеклассников зависит от активности вовлечения их в практическую деятельность, преобразующуюся затем во внутреннюю (восприятие ценностей, норм, идеалов культуры ЗОЖ; развитие на этой основе творческого мышления, воображения и др.). Так, с позиции деятельности освоения культуры ЗОЖ присвоение ценностей здоровья представляет собой взаимосвязь противоположно направленных относительно личности процессов: интериоризации – трансформации ценностей культуры ЗОЖ в личностные смыслы и экстериоризации – воплощения ценностного ряда культуры ЗОЖ (обогащенного личностным смыслом и отношением) во внешнюю деятельность субъекта. В свою очередь, активность и направленность усилий человека зависят от степени её актуальности. Следовательно, необходима определённая совмещённость целей педагогической деятельности с желаниями и устремлениями самих школьников.

Используя идею Л. И. Рувинского о поэтапной интериоризации деятельности учащихся, направленной на формирование социально адекватного образа морального поведения, мы рассматриваем процесс усвоения ценностей культуры ЗОЖ и перехода их в личностный план как многоэтапный. На каждом этапе у старшеклассников вырабатываются конкретные представления о существенных ценностях здоровьесберегающей деятельности, практической значимости их для себя и спортивных результатов.

На первом этапе первичного восприятия ценностной идеи она выступает для учащихся в качестве нейтральной (знание-образец). Усвоение идеи культуры ЗОЖ (понятия-ценности) происходит на уровне интеллекта.

Второй этап усвоения идеи-ценности связан с обеспечением понимания учащимся её социальной значимости (знание-ориентир). Знание-ориентир становится основой для сознательного регулирования учащимися своих действий и поведения в области здоровьесбережения. Однако этим не всегда обеспечивается устойчивое следование усвоенной норме в реальных действиях.

Третий этап усвоения идеи-ценности основан на осознании учащимися значения культуры ЗОЖ для собственной жизни (знание-идеал). На данном уровне ценность здоровья не только лично значима для воспитуемого, но и становится образцом самовоспитания.

В построении программы формирования ценностных ориентаций старшеклассников необходимо исходить из положения о том, что главным условием является осознание и осмысление категорий здоровья, ценности вообще и ценности здоровья в частности, поэтому при формировании ценностных ориентаций мы придерживались следующей схемы:

- 1) выявить общественно значимые ценности;
- 2) создать условия, в которых здоровьесберегающие ценности осознаются старшеклассниками как лично значимые. Эти условия предполагают создание ситуаций, где деятельность, в которую включён старшеклассник, способствует самовыражению и самоутверждению личности и сопровождается эмоциональными переживаниями;
- 3) организовать активную деятельность учащихся таким образом, чтобы они субъективно воспринимали свою деятельность через реализацию её оздоровительной направленности.

При активизации ценностных ориентаций учащихся в области сохранения и укрепления здоровья мы использовали следующие методы и приёмы работы:

- ♦ эмоционально-личностное стимулирование;
- ♦ побуждение к рефлексии в учебной деятельности;
- ♦ исследовательские задания – поиск ответов на смысложизненные вопросы: сочинения-размышления по проблемам здоровья населения;
- ♦ критический анализ трактовок природы человека, смысла жизни;
- ♦ создание лично ориентирующих ситуаций эмоционально-нравственного содержания, способствующих осмыслению учащимся своего и чужого отношения к ценностям здоровья;
- ♦ побуждение учащихся к выражению личного отношения к проблемам здоровья и образа жизни;
- ♦ сочинение-самоанализ «Письмо себе – Моё здоровье»;

♦ создание ситуации взаимного обмена мнениями, побуждающей учащихся отстаивать свою позицию, высказывать свою точку зрения по поводу сохранения и укрепления здоровья, требующую теоретического объяснения.

Перечисленные методы и приёмы, успешно используемые нами при формировании ценностей культуры ЗОЖ, позволили сделать ученика активным участником происходящего на уроке, создав тем самым предпосылки для эффективного решения проблемы становления старшеклассников, владеющих ценностями культуры ЗОЖ.

После проведения формирующего этапа было осуществлено повторное анкетирование учащихся с целью определения у них уровня сформированности ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ. Изменения, которые произошли у учащихся за время формирующего этапа в плане формирования ценностей ЗОЖ, представлены на рисунке.

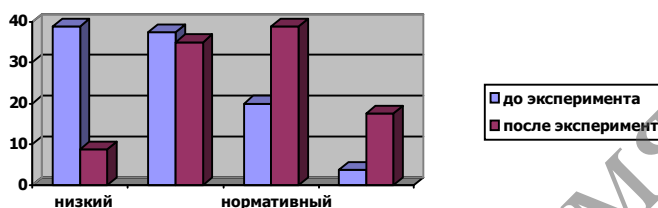

Рисунок – Динамика уровня сформированности ценностно-смыслового компонента культуры здорового образа жизни старшеклассников

Анализ полученных данных свидетельствует, что на протяжении процесса обучения произошли существенные изменения в уровневых характеристиках ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ. У большинства старшеклассников проявляются нормативный уровень (38,75%) и номинальный (35%), количество обучаемых, находящихся на низком уровне, снижается до 8,75%, при этом 17,5% старшеклассников достигают высокого уровня.

Выводы

Проведённые нами анализ научно-методической литературы и социологическое исследование, направленные на выявление уровня ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ, показывают, что без специально организованной педагогической системы в условиях традиционного обучения в УОР ценностные ориентации учащихся в области культуры ЗОЖ находятся на недостаточном уровне и требуют корректировки. Фиксация данного положения обусловила необходимость проведения целенаправленной работы по формированию у учащихся училищ олимпийского резерва ценностных ориентаций в области культур ЗОЖ.

Сравнительный анализ полученных результатов до и после формирующего этапа, направленного на формирование ценностей культуры ЗОЖ, позволил нам определить эффективность предложенной технологии формирования культуры ЗОЖ. В результате проведенной на формирующем этапе работы у большинства старшеклассников повысился уровень сформированности ценностно-смыслового компонента культуры ЗОЖ. У учащихся проявляется осознание и понимание важности культуры здорового образа жизни в своей жизнедеятельности, вырабатывается позитивное и ценностное отношение к своему здоровью.

Литература

1. Медик, В. А. Состояние здоровья, условия и образ жизни современных спортсменов / В. А. Медик. – М. : Медицина, 2001. – 144 с.
2. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – М. : изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
3. Журавлёва, И. В. Отношение к здоровью как социокультурный феномен : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / И. В. Журавлёва. – М., 2006. – 434 л.
4. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. – М. : Политиздат, 1974. – 328 с.

Summary

Questions of pupils' health of the senior classes of an Olympic reserve schools are considered in the article. The essence and structure of a value-semantic component of culture of healthy way of life is defined. Criteria indicators and levels of the given component formation are revealed. The technology of formation of a value-semantic component of culture of healthy way of life of senior pupils is developed.

Поступила в редакцию 27.05.10.

УДК 796(075.8)

А. В. Ключников, М. В. Коныхин, И. М. Масло

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПОДХОДА К ЗАНИМАЮЩИМСЯ В ПРОЦЕССЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ

В результате критического осмысления ряда специальных источников, обобщения полученных теоретических данных с опорой на опыт собственной работы в вузах выявлены закономерности комплексного воспитания двигательных способностей студентов во взаимосвязи с овладением профессиональными навыками и умениями на различных этапах становления их специально-физической и технической подготовленности.

Введение

В последние годы всё чаще отмечается необходимость индивидуального подхода к занимающимся как на отдельном занятии по физическому воспитанию, так и на этапах многолетней подготовки. Однако для реализации такого подхода необходим учет ряда составляющих и особенностей индивидуального развития каждого обучаемого.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ специальной литературы и опыт нашей работы показывает, что в физической культуре выделяют самые различные модели, относящиеся к двум основным группам. В первую из них входят: 1) модели, характеризующие структуру соревновательной деятельности и подготовленности к профессиональной деятельности, необходимой для достижения заданного результата; 2) модели, характеризующие основные стороны подготовленности занимающихся и обеспечивающие эффективную соревновательную и профессиональную деятельность; 3) морфофункциональные модели, отражающие морфологические особенности организма и возможности отдельных функциональных систем и их частей, обеспечивающие соответствующий уровень подготовленности [1]–[3], [5], [8]–[10], [12].

Вторая группа моделей охватывает: 1) модели крупных структурных образований учебно-тренировочного процесса – этапов многолетней подготовки, макроциклов и периодов подготовки; 2) модели учебно-тренировочных этапов, мезо- и микроциклов; 3) модели учебно-тренировочных занятий и их частей; 4) модели отдельных тренировочных упражнений и их комплексов.

Модельные характеристики разработаны и для студенческой молодежи в основном по двум показателям:

1) антропометрические показатели (рост, вес, размах рук, рост в положении сидя, длина рук и ног и т. д.);

2) показатели физической и технической подготовки занимающихся.

Необходимо подчеркнуть, что ряд авторов [8], [9] в качестве модельных характеристик для отдельных сторон физической подготовки приводят «модели», заимствованные из показателей для квалифицированных спортсменов различных специализаций видов спорта.

На современном этапе развитие профессиональной подготовки студентов дальнейший рост уровня специальной подготовленности во многом зависит от индивидуальных методов управления учебно-тренировочным процессом и выбора эффективных средств проведения занятий. С их помощью решаются вопросы повышения уровня необходимых двигательных качеств, совершенствования технического мастерства, а также разработки индивидуальных программ подготовки и их реализации [2], [4].

В основе определения путей индивидуализации многолетней подготовки должны лежать особенности конституции занимающихся и связанные с ней особенности протекания процессов биологического развития, а именно: степень индивидуального полового развития по вторичным половым признакам, уровень развития и темпы прироста двигательных и координационных

способностей, психологической и психофизиологических особенностей высшей нервной деятельности. Особенности строения и функционирования внутренних органов являются важной материальной основой для высокой физической работоспособности занимающихся. Следует отметить, что уровень показателей результатов в контрольной тестовой программе и их надежность в немалой мере зависят от способности организма занимающихся переносить большие и интенсивные нагрузки без выраженных нарушений технических навыков в основных специальных контрольных упражнениях.

Ряд авторов [8], [9] предостерегают от увлечения «усредненным идеалом» и настаивают на том, что каждой отдельной личности необходимо развивать свои способности, свои сильные стороны, сохраняя тем самым свою индивидуальность.

Следует выделить три фактора, которые способствуют оптимальным достижениям – способности, возможности и индивидуальность [4], [8].

1. Способности к острому, живому восприятию, абстрактному и сложному мышлению, речевой, математической или моторной лёгкости, к художественному или спортивному творчеству являются одним из параметров одаренности. Выдающиеся способности одарённого ребёнка должны быть обязательно восприняты и оценены окружающими людьми.

2. Возможности должны включать ранние опыты или пробу физических сил или двигательных способностей, располагающие учеников быть интеллектуально или моторно-активными и заинтересованными, самим решать собственные проблемы, воспринимать всё лучшее в окружающих, гармонизировать соотношение собственных интересов и личных отношений и воспринимать самих себя как людей уверенных и компетентных.

3. Индивидуальность может как способствовать раскрытию двух первых качеств, так и затруднять их развитие. Индивидуальность утверждается в занимающемся с довольно раннего возраста и находит отражение в его характере. Однако характер может претерпевать определенные изменения под воздействием окружающего мира.

Теоретическая концепция индивидуального развития базируется на целом круге понятий и терминов, в сущности своей объясняющих феномен «гетерохронности». Некоторые специалисты [1], [2], [4] объясняют это понятие с позиции «концепции относительного роста» как результат неравномерного роста частей организма. Другие специалисты [8] ещё ранее высказали свое суждение по этому вопросу в виде «теории индивидуальности», где развитие было подчинено закономерности «от целого к частному». Однако наиболее удачное объяснение понятия «гетерохронности» было дано П. К. Анохиным в представленной им теории системогенеза, в которой принципиальная разница между локальными и тотальными формами поведения отсутствует. Она основана на том, какая именно функциональная система необходима организму в первую очередь, на данном этапе онтогенеза, и какая роль принадлежит процессам, регулирующим внешнюю сторону онтогенеза, проявляющуюся в форме гетерохинии. Поставленные вопросы следует рассматривать в единой связи с теоретической концепцией индивидуального развития, предполагающей, в свою очередь, изучение фаз, стадий, этапов, периодов как основной разделительной функции гетерохронности онтогенеза.

В современной научно-методической литературе к вопросу определения физического состояния человека подходят с позиций врачебного, медико-биологического, педагогического, социологического, философского, психологического и других подходов.

Анализ большого количества теоретического материала по вопросу физического состояния человека позволяет выдвинуть следующее определение: физическое состояние является взаимосвязанным комплексом функционирования организма, включая в себя физическое развитие (антропометрические показатели), функциональные возможности организма, психологические свойства личности, состояние здоровья, биохимическое (гормональное) состояние, уровень развития двигательных способностей, состояние нервно-мышечного аппарата [1], [2], [5], [6].

Большинство авторов сходятся во мнении, что люди одной возрастно-половой группы значительно отличаются друг от друга по большому комплексу показателей, характеризующих физическое состояние человека. При этом отмечено, что при совершенствовании физического состояния человека средствами физического воспитания и спорта важнейшим фактором является индивидуальный подход [1], [2], [4], [5].

До сих пор в педагогической и психолого-педагогической литературе постулируется принцип индивидуализации, под которым понимается такое построение учебного процесса (в том числе и процесса физического воспитания), которое учитывает индивидуальные (психологические, физиологические, морфологические) особенности занимающихся для наилучшего их обучения, воспитания и развития. Однако на практике в большинстве случаев принцип индивидуализации, требующий учёта индивидуальности данной личности, педагоги подменяют групповой дифференциацией, т. е. разделением учебной группы на подгруппы по какому-либо признаку.

Метод создания однородных групп, отражающих принцип дифференцированного подхода к учащимся, возник как следствие попытки преодолеть недостатки классного (недифференцированного) обучения ещё в 20-х годах прошлого столетия. Учитывались различия занимающихся в физическом развитии, в уровне двигательных способностей, в свойствах темперамента и т. д. Один из ведущих советских психологов П. П. Блонский отмечал, что только однородные группы с учётом психофизиологических особенностей обучающихся позволяют успешно организовать учебный процесс.

Однако этот метод имеет ряд недостатков, порой непреодолимых организационно. Для того чтобы разделить занимающихся, например, по физической подготовленности, или по реакции сердечно-сосудистой системы на нагрузку, или по свойствам темперамента и т. п., указанные характеристики необходимо определить у всех учащихся. При отсутствии в вузе соответствующей службы сделать это сложно. Но даже это не главное. Главное состоит в том, что показателей, характеризующих физическое состояние, много, и неясно, по какому из этих показателей или комплексу показателей следует делить занимающихся по учебным группам для физического воспитания.

Принцип индивидуализации не противостоит принципу коллективного обучения, так как он отражает не индивидуальную работу с учащимся (она может осуществляться с каждым учеником одинаково, по шаблону), а учет индивидуальных особенностей студентов, который может осуществляться и при групповом методе обучения. Этот принцип выражается наиболее отчетливо в том случае, когда преподаватель применяет индивидуальный подход в воспитании занимающегося, в разработке комплексов упражнений (для занятий с учетом отклонений в состоянии здоровья или для улучшения двигательных способностей), соответствующих характеру и подготовленности учащихся, а также в соответствии общих основ техники выполнения упражнения морфо-функциональным особенностям студентов и т. д. На занятиях по физическому воспитанию индивидуальный подход к занимающимся проявляется в индивидуализации темпа выполнения учебных заданий, что является фактором поддержания высокой активности учащихся.

Здесь можно выделить два самостоятельных аспекта.

Первый состоит в индивидуальном темпе овладения учебным материалом. В зависимости от способностей, уровня подготовленности, типологических особенностей учащиеся овладевают учебным материалом в разные сроки. Выявлено, что у учащихся с высокой степенью лабильности нервных процессов на первых этапах овладение двигательным упражнением проходит успешнее, чем у учащихся с инертностью нервных процессов. Вследствие этого одним студентам предлагаемых преподавателем повторений недостаточно, а другим – много.

Задача индивидуализации темпа овладения учебным материалом успешно решается при использовании программированного обучения: каждый студент работает с учебным материалом самостоятельно и переходит к последующему заданию, как только успешно выполнит предыдущее. В зависимости от успехов за одно и то же время один занимающийся сможет выполнить больше заданий, а другой – меньше. Преимущество в том, что первый не подгоняет второго, а второй не задерживает обучение первого.

Попытки применить программированное обучение в физическом воспитании предпринимались многими авторами, но широкого распространения не получили в основном из-за организационных сложностей.

Второй аспект касается индивидуализации нагрузки на занятиях по физической культуре. Не всегда оправданно требование, чтобы все учащиеся выполняли упражнения одно и то же количество раз: одним нагрузка покажется тяжелой, а другим – недостаточной. В то же время если одних студентов останавливать, то они могут помешать другим продолжать выполнение упражнений. Поэтому преподавателю целесообразно выделять определенное время, а учащимся – выполнять упражнение в темпе, посильном для каждого.

Индивидуализация воздействий преподавателя на учащихся (поощрение или порицание) также влияет на активность студентов на занятиях. Индивидуальный подход к оценке действий студентов состоит в учёте не столько объективно достигаемых результатов, сколько старания учащегося с учетом его возможностей, психологических особенностей, учебной ситуации. Некоторые студенты, например, весьма чувствительны и ранимы ко всему, что затрагивает их самооценку. Такие учащиеся болезненно переносят смех в свой адрес, критику, порицание. Поэтому они склонны к психической изоляции, с трудом вступают в общение с товарищами и преподавателем, соревновательная обстановка является для них стресс-фактором. Эти учащиеся ставят перед собой небольшие цели, не очень надеясь на успех.

Для повышения учебной активности студентов такого психического склада необходимо чаще поощрять, замечая даже их незначительные успехи. Критику же и тем более порицания им следует высказывать в осторожной форме, лучше в отсутствии других учащихся.

В то же время настойчивого и уверенного в себе учащегося, обладающего хорошими данными для занятий физической культурой, если он не проявляет должного старания, можно и критиковать. Критика вызовет у него лишь стремление доказать неправоту преподавателя, приведет к повышению активности на занятиях.

Для реализации индивидуального подхода в системе многолетней подготовки обязательен учет индивидуальных особенностей возрастного развития, определяющих направленность и амплитуду изменчивости признаков. Несомненно, что для современного физического воспитания, особенно на уровне значимых различий физического состояния студентов, необходимо наличие у занимающихся весьма обширного комплекса свойств и качеств, которые предопределяют уровень достижений. К ним относятся, прежде всего, признаки природного происхождения, в первую очередь, морфологические и психофизиологические особенности. В своей совокупности они определяют все многообразные формы адаптации к специфическим и неспецифическим условиям физического воспитания. В основе определения путей индивидуализации многолетней подготовки должны лежать особенности конституции занимающихся, в том числе связанные с ней особенности протекания процессов биологического развития, степень индивидуального полового развития по вторичным половым признакам, уровень развития и темпы прироста двигательных и координационных способностей, психологических и психофизиологических особенностей высшей нервной деятельности. Следует добавить, что особенности строения и функционирования внутренних органов являются важной материальной основой для высокой физической работоспособности студентов [1], [3], [7], [10], [11].

В специальной литературе по вопросам индивидуализации физической подготовки занимающихся с учетом указанных выше индивидуальных особенностей, характерных для всех студентов, отмечается, что одним из основных путей при решении данной задачи является разделение занимающихся на типы или группы по исходному физическому состоянию, исходя из соотношения уровня отдельных сторон подготовленности [2], [8], [9]. Вместе с тем ряд авторов, отвергая такую постановку вопроса, указывает на однородность результатов тестирования студентов, допуская существование определенной структуры модели результатов в физическом состоянии студентов.

Особенно значимо эта проблема выступает в возрасте 19–20 лет, так как к этому времени индивидуальный уровень двигательных способностей достигает естественного максимума; закрепляются навыки владения техникой разнообразных двигательных движений, заканчивается физиологическое формирование организма; решаются вопросы повышения уровня необходимых двигательных способностей, совершенствования технического мастерства, а также разработки индивидуальных программ подготовки и их реализации при строгом учете особенностей контингента занимающихся [2], [4], [9].

Выводы

В результате критического осмысления ряда специальных источников, обобщения полученных теоретических данных с опорой на опыт собственной работы в вузах авторами выявлены закономерности комплексного воспитания двигательных способностей студентов во взаимосвязи с овладением профессиональными навыками и умениями, на различных этапах становления их специально-физической и технической подготовленности.

Авторами рассмотрены вопросы моделирования и индивидуализации управления процессом физического воспитания с учетом исходного уровня психофизической подготовленности, индивидуально-типологических особенностей занимающихся и требований, предъявляемых будущей профессиональной деятельностью.

Літаратура

1. Абрамов, М. С. Морфофункциональные показатели студентов и их зависимость от двигательной активности / М. С. Абрамов, М. М. Жуков // Теория и практика физической культуры. – 1983. – № 2. – С. 32–34.
2. Артемьев, В. П. Физическое воспитание студентов основного отделения в связи с постулатом индивидуализации учебного процесса / В. П. Артемьев, В. Н. Кудрицкий // Проблемы преподавания дисциплины физическое воспитание в вузе (21 июня 2000 года): сб. материалов. – Брест, 2000. – С. 62–64.
3. Бернштейн, Н. А. Предисловие к русскому изданию книги «Моделирование в биологии» / под ред. Н. А. Бернштейн. – М., 1963. – С. 3–5.
4. Желобкович, М. П. Дифференцированный и индивидуальный подходы к построению и организации физического воспитания студенческой молодежи: учеб. пособие / М. П. Желобкович, Т. А. Глазко, Р. И. Купчинов. – Минск, 1997. – 112 с.
5. Купчинов, Р. И. Физическое воспитание: учеб. пособие для студ. подг. учеб.-тренировочных учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Р. И. Купчинов. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 352 с.
6. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры. Введение в предмет: учеб. для высш. специальных заведений / Л. П. Матвеев. – 4-е изд. – М.: Лань. – 160 с.
7. Тер-Ованесян, А. А. Спорт. Обучение, тренировка, воспитание / А. А. Тер-Ованесян. – М.: Физкультура и спорт, 1967. – 208 с.
8. Чернов, К. Л. Теория индивидуального управления процессом спортивной подготовки / К. Л. Чернов, Ю. Ф. Юдин, С. В. Брянский. – Смоленск, 1980. – 129 с.
9. Запорожанов, А. В. Индивидуализация специальной физической подготовки с учетом особенностей развития физических качеств спортсменов в современном пятиборье: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.04 / А. В. Запорожанов // Белорус. гос. ин-т физ. культуры. – Минск, 1989. – 24 с.
10. Коледа, В. А. Психология физического воспитания молодежи / В. А. Коледа. – Минск: Полымя, 1990. – 102 с.
11. Тер-Ованесян, А. А. Педагогические основы физического воспитания / А. А. Тер-Ованесян. – М.: Физкультура и спорт, 1978. – 206 с.
12. Волков, Л. В. Система направленного развития физических способностей учащихся в различные возрастные периоды: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.04 / Л. В. Волков // Гос. центр. ин-т физ. культуры. – М., 1984. – 40 с.

Summary

As a result of interpretation of a number of special sources, summarizing the theoretical data on the basis of working experience certain regularities of complex formation of notional abilities in correlation with mastering of professional skills at different stages of their special physical and technical preparedness are revealed.

Поступила в редакцию 27.05.10.

УДК 37.013.46

*Е. Е. Кошман***ДИНАМИКА ФОРМИРОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ИГРОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ**

В статье рассматривается динамика формирования потребностно-мотивационного, аксиологического, когнитивного, мыследеятельностного и деятельностно-поведенческого компонентов экологической культуры старшеклассников в процессе игрового проектирования.

Введение

Во второй половине XX века экологические проблемы приобрели статус глобальных, современное общество оказалось на грани экологической катастрофы. Выход из кризиса во многом зависит от того, насколько высоким будет уровень экологического сознания, мышления и экологически обоснованной деятельности людей. Это означает, что в решении серьезной, жизненно важной проблемы большое значение отводится системе образования. Не случайно, что сегодня экологическое образование стало одним из приоритетных направлений реформирования отечественной системы образования на всех ее ступенях.

Экологическое воспитание и образование школьников призвано способствовать изменению самого человека, его стиля жизни и отношения к природе, т. е. становлению нового типа культуры у учащихся: не потребительской, а созидательной, главным отличительным признаком которой будет отношение к природе не как к объекту воздействия, а как к субъекту взаимодействия. В связи с этим проблемы экологического образования в последние десятилетия являются приоритетными в отечественной педагогической науке, особенно при разработке и использовании культурологического подхода (С. В. Багоцкий, С. Н. Глазачев, С. С. Кашлев, Г. Н. Каропа, Н. К. Катович, В. А. Кобылянский, С. Н. Северин и др.).

Результаты исследования и их обсуждение

Рассматривая культуру как совокупность ценностей, знаний, норм, образцов, идеалов, способов мышления, следует отметить, что модель экологической культуры личности учащихся старших классов должна быть «сконструирована» таким образом, чтобы были возможны самые различные и сопоставимые измерения, характеризующие степень приближения учащихся к нормативным характеристикам экологической деятельности человека. Культурологический подход к становлению личности в системе образования предполагает рассматривать ее как нормативную систему требований к развитию личности на конкретном социокультурном этапе общественного процесса.

Под экологической культурой старшеклассников мы понимаем часть общей культуры личности, интегративное базисное личностное качество, специфика которого заключается в гармонично развитых потребностно-мотивационной, мыследеятельностной, когнитивной, аксиологической и деятельностно-поведенческой сфер, обеспечивающих экологически обоснованное взаимодействие учащихся с окружающим миром (природной и социальной средой, людьми, самим собой).

На основании современных теоретико-методологических исследований и исходя из культурантропологии и сущности экологической деятельности нами были выделены в экологической культуре старшеклассников следующие компоненты: *потребностно-мотивационный, когнитивный, аксиологический, мыследеятельностный и деятельностно-поведенческий*. Нормативная структура содержания этих компонентов позволит осуществить природосообразную человеческую деятельность. По мнению А. А. Вербицкого [1], А. И. Жука [2], наиболее эффективным средством формирования экологической культуры учащихся являются методы активного обучения, которые отражают активность обучаемого (субъекта) в образовательном процессе, а также условия и способы деятельности, творческого развития и саморазвития субъектов деятельности.

Игровое проектирование в экологическом образовании является имитационным игровым видом занятий, где участники учебного процесса выполняют определенные роли (социокультурные, производственные и игровые) при решении учебных задач и проблем экологического характера. Оно основано на существенных характеристиках проектной деятельности учащихся, «методе проектов» как перспективных средств реализации новой деятельностно-рефлексивной модели образования в области экологии, направленной на исследование окружающего мира через познание самого себя [3], [4]. В интеллектуальном и социокультурном отношении проектирование обозначается как абсолютно универсальный и самостоятельный тип деятельности, который должен быть освоен учащимися и может потенциально использоваться в школьной практике для решения задач учения/обучения, в частности формирования экологической культуры старшеклассников.

Исходя из данных теоретико-методологических оснований мы выделили основные этапы педагогической технологии, которые отражают стратегический план преобразовательной деятельности в учебно-воспитательном процессе. К ним относятся следующие: пропедевтико-диагностический, теоретический, практико-деятельностный, интеграционно-синтезирующий и итогово-результативный. Следует отметить, что каждый этап характеризуется целью, технологическими характеристиками и промежуточным продуктом, что в целом позволяет получить конечный продукт и достигнуть поставленной цели. Разработанная педагогическая технология является реализуемой и воспроизводимой в образовательной практике на старшей школьной ступени при соблюдении ряда условий, обеспечивающих эффективное осуществление спроектированного целенаправленного педагогического процесса. В качестве таких необходимых и достаточных условий выступают следующие: кадровое, организационно-управленческое, научно-методологическое, учебно-методическое, психологическое и материально-техническое обеспечение. Важнейшим элементом ресурсного обеспечения данной технологии выступает учебно-методический комплекс, в который вошли программы и учебники по естественнонаучным дисциплинам на старшей ступени школьного образования (10–11 классы); экологизация естественнонаучных предметов; календарно-тематическое планирование содержания естественнонаучного и экологического образования; учебная программа факультатива «Основы экологической культуры»; методические рекомендации для учителей естественнонаучных дисциплин; учебно-практические пособия по методам активного обучения, игровому проектированию, факультативу в экологическом образовании учащихся; педагогические тесты для контроля за уровнем экологических знаний у учащихся; экологический словарь для старшеклассников; образцы различных экологических проектов; плакаты и электронные носители, содержащие мультимедийные презентации по проблеме экологии и игрового проектирования; раздаточные материалы (для усвоения теоретических экологических знаний, для разработки различных типов экологических проектов, материалы для игровой деятельности); материалы диагностики уровня сформированности экологической культуры старшеклассников.

Для определения эффективности разработанной технологии использовался метод педагогического эксперимента. По своим целям эксперимент был формирующим, по организации – естественным, так как он проходил в обычных условиях стимулирования, организации и управления учебно-познавательной деятельностью старшеклассников в общеобразовательной школе. Педагогический эксперимент проводился на базе СОШ № 12 и СОШ № 52 г. Гомеля в 2007–2008 и 2008–2009 учебных годах с учащимися 10–11 классов. Для определения уровня развития экологической культуры старшеклассников на основе ее теоретической модели были выделены следующие критерии: сформированность экологических потребностей и мотивов; владение экологическими знаниями; сформированность эмоционально-ценностного отношения к природе; развитие экологического мышления и рефлексивной деятельности в области экологии; владение способами экологической деятельности и поведения. Следует отметить, что выделенные критерии экологической культуры, каждый в отдельности, выражают лишь одну из ее сторон. Только при условии рассмотрения их в единстве возможно условно считать, что они составляют основу экологической культуры учащихся. Данные критерии послужили основанием для

разработки и определения системы диагностических средств измерения уровня сформированности экологической культуры старшеклассников. Учитывая степень сформированности каждого компонента, мы выделили три уровня экологической культуры: стихийно-эмпирический, репродуктивный и продуктивный.

Результаты констатирующего эксперимента позволяют зафиксировать следующее: во-первых, установлено, что учащиеся КГ и ЭГ по значимым для нас характеристикам являются однородными, а во-вторых, выявлено несоответствие, разрыв между когнитивным, аксиологическим и мыслительным компонентами, с одной стороны, и деятельностно-поведенческим – с другой. Этот разрыв можно преодолеть посредством участия старшеклассников в игровом проектировании, направленном на формирование экологической культуры, поскольку оно направлено на развитие экологической мыследеятельности учащихся, где происходит «сплав», синтез экологического мышления учащихся с проектированием и осуществлением экологически обоснованной деятельности в социокультурной и природной среде.

Рассмотрим результаты, полученные в ЭГ и КГ после педагогического эксперимента, которые представлены в таблице. Для определения статистической значимости различий между КГ и ЭГ по уровню сформированности экологической культуры учащихся по компонентам и в целом был использован непараметрический статистический U – критерий Уилкоксона (Манна-Уитни).

Таблица – Результаты сформированности компонентов экологической культуры старшеклассников в КГ и ЭГ после педагогического эксперимента (в %)

Компоненты ЭК	Уровни	КГ	ЭГ	P
Потребностно-мотивационный	Стихийно-эмпирический	36,1	7,5	>0,05
	Репродуктивный	46,6	47,6	
	Продуктивный	17,3	44,9	
Когнитивный	Стихийно-эмпирический	31,8	3,4	>0,05
	Репродуктивный	47,6	35,7	
	Продуктивный	20,6	60,9	
Аксиологический	Стихийно-эмпирический	80,7	22,7	>0,05
	Репродуктивный	17,2	43,6	
	Продуктивный	2,1	33,7	
Мыследеятельностный	Стихийно-эмпирический	47,7	13,3	>0,05
	Репродуктивный	29,5	41,0	
	Продуктивный	22,7	46,7	
Деятельностно-поведенческий	Стихийно-эмпирический	41,8	5,3	>0,05
	Репродуктивный	43,2	42,7	
	Продуктивный	15,0	52	

Рассмотрим динамику сформированности экологических потребностей и мотивов у учащихся КГ и ЭГ за период педагогического эксперимента. Формирование мотивов подразумевает наличие осознаваемой или неосознаваемой причины, лежащей в основе направленности поведения, выбора конкретного поведения (действий и поступков) личности.

Как показывает анализ представленных в таблице данных, позитивные изменения в уровне сформированности экологических потребностей и мотивов наблюдаются как в КГ, так и в ЭГ. Следует отметить, что экспериментальный фактор оказал более эффективное влияние на формирование потребностно-мотивационной сферы учащихся (92,5%), по сравнению с традиционной моделью обучения в КГ (63,9%). На стихийно-эмпирическом уровне в КГ после педагогического эксперимента осталось 36,1% учащихся. Расчет коэффициента Манна-Уитни показал, что существуют статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности потребностно-мотивационного компонента экологической культуры старшеклассников в пользу ЭГ. Это позволяет сделать вывод о том, что экспериментальный фактор оказал сильное влияние на формирование у учащихся ЭГ экологических потребностей и мотивов, по сравнению с учащимися КГ, при $p = 0,05$.

Рассматривая динамику процесса формирования экологических знаний у учащихся КГ и ЭГ в ходе педагогического эксперимента, отметим, что авторы, занимающиеся формированием экологической культуры учащихся старших классов, подчёркивают важность и значимость когнитивного компонента в развитии экологической культуры старшеклассников в педагогическом процессе [4] и др. Анализ представленных в таблице данных показывает позитивные изменения в уровне сформированности экологических знаний как в КГ, так и в ЭГ, однако экспериментальный фактор оказал более эффективное влияние на формирование когнитивной сферы учащихся (96,6%) по сравнению с традиционной моделью обучения в КГ (68,2%). Расчет коэффициента Манна-Уитни показал, что существуют статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности когнитивного компонента экологической культуры старшеклассников в пользу ЭГ ($p = 0,05$). Полученные данные опытно-экспериментальной работы убедительно демонстрируют высокую положительную динамику сформированности экологических знаний учащихся в экспериментальной группе, в которой целенаправленно и планомерно осуществлялось формирование системы экологических знаний у учащихся. Отсюда следует, что динамика сформированности экологической культуры личности по когнитивному критерию значительно более выражена в ЭГ, нежели в КГ (при $p = 0,05$). Это объясняется специальной организацией эколого-ориентированной познавательной деятельности среди учащихся экспериментальной группы в рамках изучения экологизированных естественнонаучных учебных дисциплин и факультатива «Основы экологической культуры».

По критерию «сформированность эмоционально-ценностного отношения к природе» в ходе опытно-экспериментальной работы у учащихся были получены следующие результаты. На основе теоретических исследований в области аксиосферы личности школьников было установлено, что экологические ценности являются важнейшим элементом внутренней структуры личности. Они закрепляются жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний и отграничивают значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного.

В ходе эксперимента было выявлено, что позитивные изменения в уровне сформированности экологических ценностей наблюдаются в двух группах (КГ и ЭГ), но экспериментальный фактор оказал более эффективное влияние на формирование аксиологической сферы учащихся в ЭГ (77,3%), по сравнению с традиционной моделью обучения в КГ (29,3%). Расчет коэффициента Манна-Уитни показал, что существуют статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности аксиологического компонента экологической культуры старшеклассников в пользу ЭГ. Результаты формирующего эксперимента свидетельствуют о том, что у участников ЭГ, по сравнению с КГ, происходит осознание и признание экологических ценностей, более глубоко раскрывается их конкретное содержание. Это позволяет сделать вывод о том, что 1) экспериментальный фактор оказал более сильное влияние на формирование у учащихся ЭГ экологических ценностей, по сравнению с учащимися КГ (при $p = 0,05$), и 2) разработанная педагогическая технология игрового проектирования является эффективным педагогическим средством формирования у учащихся аксиологической сферы в области экологии.

В ходе опытно-экспериментальной работы особое внимание уделялось формированию экологического мышления учащихся. На основании полученных данных можно сделать вывод, что позитивные изменения в уровне сформированности экологического мышления наблюдаются и в КГ, и в ЭГ, однако более эффективное влияние на формирование экологического мышления учащихся ЭГ (87,7%) оказал экспериментальный фактор, по сравнению с традиционной моделью обучения в КГ (52,2%). Следует отметить, что существуют статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности мыслительного компонента экологической культуры старшеклассников в пользу ЭГ (при $p = 0,05$).

Кроме этого, результаты опытно-экспериментальной работы позволили наметить некоторые направления в совершенствовании процесса формирования экологического мышления учащихся, требующие дальнейшей научно-практической разработки. К ним относятся следующие направления: изучить механизмы и разработать методику формирования у учащихся

умений устанавливать причинно-следственные связи, делать обобщения и выводы по естественнонаучным теориям и концепциям, что позволяет создать теоретический естественнонаучный фундамент для дальнейшей работы по проектированию и осуществлению экологически обоснованной деятельности; формировать интерес к экологии и системе экологических знаний; повышать уровень понятийно-терминологической системы учащихся в области экологии, особенно в реализации деятельностного подхода в экологической действительности.

Экологически обоснованная деятельность (ЭОД) и поведение человека в социоприродной среде являются основными критериями сформированности экологической культуры индивида. Эта деятельность является особым видом человеческой деятельности и характеризуется осознанностью и обоснованностью предпринимаемых действий, ориентируемых на экологические идеалы и мотивированных экологическими потребностями. Основу ЭОД составляют практические умения и навыки осуществления такого вида деятельности, знание и понимание целостности, системности и процессуальности окружающего мира [4].

В основу разработки различных экологических проектов была положена конкретная экологическая проблема, решение которой предполагало осуществление учащимися экологически обоснованной деятельности в игровом проектировании. Она дает большие возможности в формировании готовности учащихся к ЭОД, позволяет формировать не только умения и навыки практической экологически обоснованной деятельности, но и все ее составляющие: экологическое мировоззрение; экологическое мышление; ответственное отношение; экологическое сознание, основанное на гуманистических идеях, общечеловеческих ценностях и идеалах, гражданской и экологической ответственности; привить учащимся любовь к природе, развить у них способность и умение наблюдать природные явления и процессы, анализировать факторы взаимодействия общества и природы, формировать исследовательские навыки по экологии. Реальная практическая деятельность старшеклассников по решению различных экологических проблем, освоение культурных норм и правил отношения к природе выступает как завершающий этап формирования экологической культуры и как критерий их адекватности современной социоприродной ситуации.

Анализ представленных в таблице данных показывает позитивные изменения в уровне сформированности экологических умений и навыков как в КГ, так и в ЭГ. Следует отметить, что экспериментальный фактор оказал более эффективное влияние на формирование деятельностно-поведенческого компонента экологической культуры учащихся ЭГ (94,7%), по сравнению с традиционной моделью обучения в КГ (58,2%). Расчет коэффициента Манна-Уитни показал, что существуют статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности деятельностно-поведенческого компонента экологической культуры старшеклассников в пользу ЭГ, что позволяет сделать вывод о том, что экспериментальный фактор оказал более сильное влияние на формирование у учащихся ЭГ экологических умений и навыков, по сравнению с учащимися КГ, при $p = 0,05$.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что анализ динамики сформированности всех компонентов экологической культуры старшеклассников в ходе формирующего этапа педагогического эксперимента свидетельствует об эффективности разработанной педагогической технологии. Для целостного представления о динамике сформированности уровня экологической культуры учащихся КГ и ЭГ рассмотрим результаты, полученные после формирующего этапа педагогического эксперимента, которые представлены на диаграмме.

Сравнительный анализ представленных результатов исследования на рисунке показывает, что после педагогического эксперимента в КГ на стихийно-эмпирическом уровне осталось 46,3% учащихся, в то время как в ЭГ их осталось всего лишь 9,1%. На репродуктивном и продуктивном уровнях в КГ находится 51,7% учащихся, в то время как в ЭГ 91,9%. Расчет коэффициента Манна-Уитни показывает, что имеются существенные статистические различия между КГ и ЭГ в уровне сформированности экологической культуры в пользу ЭГ (при $p = 0,05$).

На основании данного положения можно сделать вывод об эффективности разработанной педагогической технологии, направленной на формирование экологической культуры старшеклассников в процессе игрового проектирования при изучении естественнонаучных дисциплин.

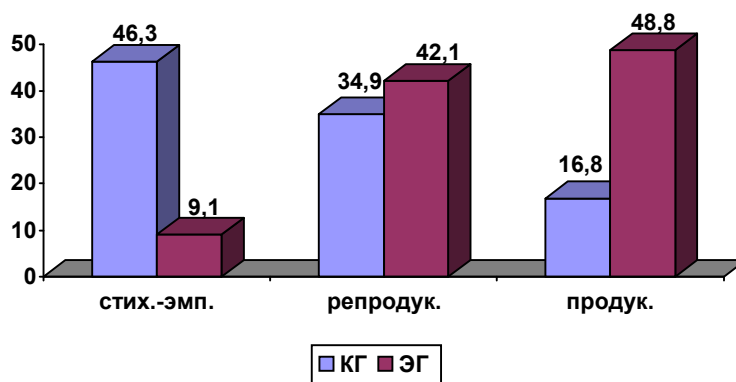

Рисунок – Распределение представителей КГ и ЭГ после педагогического эксперимента в зависимости от уровня сформированности экологической культуры

Исследование отношения старшеклассников к экспериментальной модели обучения показало, что учащиеся ЭГ положительно относятся к игровому проектированию, так как данный метод активного обучения позволяет им в совместной коллективной экологической мыследеятельности приобретать экологические знания, ценности, способы экологического мышления и экологически обоснованной деятельности, а также способствует развитию их творческих способностей при решении различных экологических задач и проблем в процессе игровой деятельности.

Выводы

1. В ходе исследования установлено, что экологическая культура – это интегративное базисное личностное качество, состоящее из потребностно-мотивационного, когнитивного, аксиологического, мыследеятельностного и деятельностно-поведенческого компонентов.

2. Игровое проектирование является одним из методов активного обучения и имеет потенциальные возможности для формирования у старшеклассников основ экологической культуры.

3. Педагогическая технология, направленная на формирование экологической культуры старшеклассников в процессе игрового проектирования, состоит из следующих этапов: пропедевтико-диагностического, теоретического, практико-деятельностного, интеграционно-синтезирующего и итогового-результативного.

4. Математико-статистическая обработка результатов опытно-экспериментальной работы показала эффективность разработанной педагогической технологии, направленной на формирование компонентов экологической культуры старшеклассников, а также на повышение ее уровня в процессе игрового проектирования при изучении естественнонаучных дисциплин и факультатива «Основы экологической культуры».

5. Установлено, что учащиеся ЭГ положительно относятся к игровому проектированию и считают данный метод эффективным средством в школьном экологическом образовании.

Литература

1. Вербицкий, А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М. : Высш. шк., 1991. – 207 с.
2. Жук, А. И. Активные методы обучения в системе повышения квалификации педагогов : учеб.-метод. пособие / А. И. Жук, Н. Н. Кошель. – 2-е изд. – Минск : Аверсэв, 2004. – 336 с.
3. Ротмирова, Е. А. Дидактические особенности освоения учащимися проектной деятельности на уроках технологии : моногр. / Е. А. Ротмирова. – Минск : МГОИПК, 2007. – 257 с.
4. Бояркина, Ю. А. Формирование готовности учащихся старших классов к осуществлению экологически обоснованной деятельности : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Ю. А. Бояркина. – М., 2006. – 216 л.

Summary

In this article the dynamics of senior pupils' ecological culture formation is revealed. It is established that fiction projecting is an effective means of senior pupils' ecological culture forming.

Поступила в редакцию 26.02.10.

УДК 796.15

*В. С. Лемешков***ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРИНЦИПЫ СИСТЕМЫ МНОГОЛЕТНЕЙ СПОРТИВНОЙ ПОДГОТОВКИ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СКОРОХОДОВ**

В статье рассматриваются основные закономерности и принципы системы многолетней спортивной подготовки квалифицированных скороходов. Стратегия многолетней подготовки спортсменов Беларуси должна объективно учитывать огромный потенциал белорусского спорта и предусматривать пропорциональное развитие всех легкоатлетических дисциплин, что в перспективе позволит бороться за общекомандную победу на чемпионатах Европы, мира и Олимпийских играх.

Введение

Основные закономерности, присущие современной системе спортивной подготовки, а также основные принципы воспитания, обучения и тренировки, вытекающие из них, достаточно полно изложены в отечественной спортивно-методической литературе [1]–[6].

Процесс подготовки высококвалифицированных скороходов прежде всего направлен на совершенствование самого человека.

Тренеры, как подлинные педагоги и организаторы спорта, постоянно руководствуются в своей деятельности всеми общими принципами воспитания и обучения, творчески конкретизируя их применительно к контингенту спортсменов, особенностям вида спорта.

На систему многолетней спортивной подготовки распространяются все выработанные отечественной педагогикой общие принципы, так как в них сконцентрированы наиболее важные отправные положения, характерные для любой образовательно-воспитательной деятельности.

Какими бы ни были особенности подготовки скороходов высокой квалификации, они всегда подчиняются фундаментальным педагогическим (дидактическим) принципам: воспитанию требовательности и уважения к личности, воспитанию в коллективе и в труде, учету возрастных индивидуальных различий скороходов, научности, сознательности и активности, наглядности, прочности, систематичности, последовательности и т. д. [3], [9], [11].

Целью исследования являлась разработка принципов спортивной подготовки, которые применимы к практическим нуждам, прежде всего достижению необходимого и наивысшего спортивного результата, т. е. именно они (принципы) должны сделать многолетнюю подготовку системой и управлять этой системой. Выстраивается иерархия, последовательность и взаиморасположение принципов в системе управления подготовкой скороходов.

Каждый последующий принцип должен исходить из предыдущих, конкретизировать их, а следовательно, управлять всем процессом подготовки, направлять его к главной цели – достижению запланированного спортивного результата, а затем наивысшего спортивного результата.

Принципы – это исходный пункт для построения и создания системы подготовки.

Это начало, которое определяет:

- глобальные, перспективные, многолетние цели;
- условия, в которых эти цели должны реализоваться;
- главную цель для построения системы подготовки – формулирует системообразующий фактор;
- меру индивидуальности каждого конкретного скорохода;
- для конкретного скорохода конкретные пути специализации – специальной направленности подготовки;
- пути подготовки (направления, время, пространство, скорость), образующие периодически (по циклам) повторяющийся в разных модификациях, постоянно совершенствуемый процесс подготовки.

В конечном итоге все это образует единый целостный алгоритм подготовки, который затем все более наполняется конкретным содержанием.

Результаты исследования и их обсуждение

Общепедагогические принципы, естественно, не могут полностью раскрыть всю совокупность специфических признаков системы многолетней спортивной подготовки. Поэтому в процессе становления этой системы были сформулированы специфические принципы, отражающие целевые установки, закономерные связи между тренировочными и соревновательными воздействиями и реакциями на них организма спортсмена.

К специфическим принципам системы подготовки скороходов относятся: направленность на высшие достижения, углубленная специализация и индивидуализация, единство общей и специальной подготовки, непрерывность тренировочного процесса, единство постепенности увеличения нагрузки и тенденции к максимальным нагрузкам, волнообразность и вариативность нагрузок, цикличность процесса подготовки, взаимосвязь структуры соревновательной деятельности и структуры подготовленности.

Однако перечисленные принципы не могут отразить все многообразие закономерностей, характерных для системы многолетней подготовки в спортивной ходьбе. Поэтому в процессе изучения передовой спортивной практики, а также в ходе научных исследований, проведенных нами в спортивной ходьбе, был выявлен и обобщен ряд принципов, характерных для современного развития спорта высших достижений.

Принцип направленности на высшие достижения. Закономерности спорта, выраженные в его соревновательном начале, нацеленности спортивной деятельности на достижение победы в соревнованиях, установление рекорда, в острой конкуренции между участниками, выдвигают этот принцип в качестве одного из важнейших.

Направленность на высшие достижения реализуется в использовании наиболее эффективных средств и методов подготовки, постоянном совершенствовании тренировочного процесса и соревновательной деятельности, оптимизации режима жизни, применении специальной системы питания, отдыха и восстановления и т. п. Опыт показывает, что рациональное использование этого принципа может обеспечить достижение результатов современного уровня, успешное выступление в крупнейших соревнованиях.

Именно этот принцип предопределяет и постоянное совершенствование спортивного инвентаря, условий и мест проведения соревнований, совершенствование правил соревнований, т. е. деятельность в направлениях, которые существенным образом влияют на результативность тренировочного и соревновательного процессов.

В то же время принцип направленности на высшие достижения в настоящее время определяется двумя важнейшими положениями: программно-целевым и необходимостью опережающего развития всей системы подготовки или её отдельных компонентов.

При ориентации скороходов на достижение максимальных результатов (в одних случаях это личный рекорд, а в других – абсолютное достижение, превышающее рекорд) важную роль играют выбор, оценка и разработка программ и их вариантов в зависимости от критериев (оптимальности затрат по времени, средствам, нагрузкам, ресурсам и т. д.). Это конкретно выражается в прогнозировании самого спортивного результата и его составляющих, моделировании основных сторон соревновательной деятельности, уровня подготовленности (физической, технической, тактической, психической, теоретической), структуры тренировочного и соревновательного процессов в различных циклах, составлении конкретных программ подготовки на различных этапах и их реализации, внесении коррекций, обеспечивающих достижение конечной целевой установки – победы на определенных соревнованиях, достижении конкретного спортивного результата. Поставленная реальная цель должна разворачиваться в иерархию подцелей и задач, частных мероприятий, составляющих программу подготовки скороходов.

Значительная индивидуализация тренировочного процесса и соревновательного процесса скороходов высшей квалификации связана с различными альтернативными подходами тренеров и спортсменов (риск, тактическое построение, гибкая технология тренировки), состоятельностью идей (при соблюдении общих методических принципов), что также способствует опережающему развитию системы подготовки и направленности ее к высшим достижениям.

Принцип единства общей и специальной подготовки скороходов на современном этапе развития спорта высших достижений приобретает новое содержание. На основе общей базовой подготовки, заложенной на начальных этапах многолетнего цикла в детском и юношеском возрасте, происходит увеличение доли специализированных упражнений в общем объеме тренировочных средств. Это особенно наглядно выражено в циклических видах спорта [4]–[8].

Силовая подготовка, столь необходимая во всех видах спорта, все больше отходит от традиционного использования тяжелоатлетических упражнений. Предпочтение отдается соревновательным упражнениям, выполняемым с отягощением, в затрудненных условиях или на специальных тренажерах. На этапе высшего спортивного мастерства расширяется специализированная подготовка, направленная на создание специализированного фундамента [4], [7], [12], который связан с созданием высокого уровня базовых физических качеств (силы, быстроты, выносливости, гибкости, координации), превышающих уровень их проявления в соревновательной деятельности, что создает необходимый запас прочности, превышающий необходимый арсенал технических и тактических навыков (функциональная и другая избыточность).

Принцип непрерывности процесса подготовки. Закономерности становления различных сторон подготовленности скороходов и связанные с ними закономерности функционального резерва систем организма требуют регулярных тренировочных воздействий на протяжении длительного времени. Данный принцип характеризуется следующими положениями:

- спортивная подготовка строится как многолетний и круглогодичный процесс, все звенья которого взаимосвязаны, взаимообусловлены и подчинены задаче достижения максимальных спортивных результатов;

- воздействие каждого последующего тренировочного занятия, микроцикла, этапа и т. д. как бы наслаивается на результаты предыдущих, закрепляя и развивая их;

- нагрузка, отдых, питание и другие факторы воздействия на организм регламентируются таким образом, чтобы обеспечить оптимальное развитие качеств и способностей, определяющих уровень спортивного мастерства в конкретном виде спорта. Это предполагает, что повторные занятия, макро- и даже мезоциклы могут проводиться как при повышенной (или восстановившейся) работоспособности, так и при различных степенях утомления скороходов.

Эти положения находят различное отражение в практике подготовки скороходов разного возраста и квалификации. Так, в процессе тренировки юных скороходов, демонстрирующих результаты на уровне второго спортивного разряда, это может быть обеспечено ежедневными одноразовыми занятиями при относительно редких занятиях с большими нагрузками (1–2 недельном микроцикле). При подготовке скороходов высокого класса подобный режим в лучшем случае приведет лишь к поддержанию имеющегося уровня тренированности – для них необходимо ежедневное проведение двух-четырех занятий и еженедельно трех-пяти занятий с большими нагрузками.

Принцип единства постепенности увеличения нагрузки и тенденции к максимальным нагрузкам. Закономерности формирования адаптации тренировочного и соревновательного воздействия, морфофункциональная специализация органов и систем предъявляют к организму скороходов повышающиеся требования, близкие к пределу их функциональных возможностей, что имеет решающее значение для эффективного протекания приспособительных процессов. Все это предопределяет важность соблюдения указанного процесса.

Еще не до конца выяснены основные закономерности увеличения тренировочных нагрузок. Существует точка зрения, что нагрузки должны возрастать постепенно из года в год, достигая максимальных для каждого скорохода величин на этапе высших достижений. Допускается также скачкообразное увеличение нагрузок. Однако это делается лишь при обеспечении разносторонней подготовленности к подобному «скачку».

При постепенном нарастании тренировочных нагрузок выделяют следующие направления повышения эффективности тренировочного процесса:

- увеличение суммарного годового объема работы от 100–200 до 1 500–1 660 ч;
- увеличение количества тренировочных занятий в течение недельного микроцикла от 2–3 до 15–20 и более;

- увеличение количества тренировочных занятий в течение одного дня от 1 до 3–4;

- увеличение количества занятий с большими нагрузками в течение недельного микроцикла до 4–5;

- увеличение количества занятий избирательной направленности, вызывающих глубокую мобилизацию соответствующих возможностей организма скороходов;

- увеличение объема напряженности соревновательной деятельности;

- применение дополнительных факторов (физиотерапевтических, психологических и фармакологических средств) с целью повышения работоспособности скороходов и ускорения процессов ее восстановления после работы.

Разумное использование перечисленных возможностей интенсификации тренировочного процесса позволяет обеспечить планомерный прогресс и достижение высоких результатов в оптимальной возрастной зоне. С другой стороны, при подготовке скороходов подросткового и юношеского возраста чрезмерное увлечение большими тренировочными нагрузками, специально-подготовительными упражнениями, средствами интенсификации восстановительных процессов приводит к довольно быстрому истощению физического и психического потенциала их организма.

Принципы волнообразности и вариативности нагрузок. Волнообразная динамика нагрузок характерна для различных структурных единиц тренировочного процесса. При этом наиболее четко волны нагрузок просматриваются в относительно крупных его единицах. В отдельных же микроциклах и даже мезоциклах могут наблюдаться иные варианты динамики нагрузок (например, скачки, постепенное возрастание или убывание). Однако при рассмотрении динамики нагрузок в серии микроциклов или двух-трех мезоциклах уже легко проследить ее закономерные волнообразные колебания.

Волнообразность тренировочных нагрузок позволяет выявить в различных структурных единицах тренировочного процесса зависимость между объемом и интенсивностью работы, зависимость между периодами напряженной тренировки и относительного восстановления между различными по величине и направленности нагрузками отдельных тренировочных занятий.

Строгие временные закономерности колебаний различных волн выделить сложно, так как они определяются многими факторами, в числе которых длительность этапов многолетней и годичной подготовки, индивидуальные особенности скороходов, особенности подготовки к выступлению в конкретном соревновании. Однако в общих чертах они сводятся к следующему. Волны объема тренировочной работы и ее интенсивности, как правило, противоположно направлены в годичных циклах – большие величины объема работы (например, на первом этапе подготовительного периода) сопровождаются умеренной интенсивностью; возрастание интенсивности с увеличением доли средств специальной подготовки неизбежно влечет за собой уменьшение объема работы.

Периоды напряженной работы и больших нагрузок в мезоциклах и микроциклах чередуются с периодами спада нагрузок, в течение которых создаются условия для восстановления и эффективного протекания адаптационных процессов.

Таким образом, волнообразное изменение тренировочных нагрузок позволяет избежать противоречий между видами работы, объемом и интенсивностью тренировочной работы, процессами утомления и восстановления и, таким образом, является инструментом реализации в тренировочном процессе ряда важнейших закономерностей спортивной тренировки.

Вариативность нагрузок обуславливается многообразием задач, стоящих перед спортивной тренировкой, необходимостью управления, работоспособностью скороходов и процессами восстановления в различных структурных образованиях тренировочного процесса. Широкий спектр методов и средств спортивной тренировки, обеспечивающих разнонаправленные воздействия на организм скороходов, применение различных по величине нагрузок в тренировочных занятиях и их частях, а также в более крупных структурных образованиях характеризуют вариативность нагрузок в тренировочном процессе.

Вариативность нагрузок позволяет обеспечить всестороннее развитие качеств, определяемых компонентами. Она способствует повышению работоспособности при выполнении отдельных упражнений, программ занятий и микроциклов, увеличению суммарного объема работы, интенсификации восстановительных процессов и профилактике явлений переутомления и перенапряжения функциональных систем.

Принцип цикличности тренировочного процесса. Цикличность проявляется в систематическом повторении относительно законченных структурных единиц тренировочного процесса – отдельных занятий, микроциклов, этапов, периодов, макроциклов.

Различают микроциклы тренировки продолжительностью от 2–3 до 7–12 дней; мезоциклы – от 3 до 5–6 недель; этапы и периоды – от 2–3 недель до 4–6 месяцев; макроциклы продолжительностью до 12 месяцев и более.

Построение тренировок на основе различных циклов дает возможность систематизировать задачи и средства тренировочного процесса и реализовать другие его принципы: непрерывность, единство общей и специальной подготовки, единство постепенности увеличения нагрузки и тенденции к максимальным нагрузкам, волнообразность динамики нагрузок.

Рациональное построение циклов тренировки имеет особое значение, когда одним из важнейших резервов совершенствования систем тренировки является оптимизация тренировочного процесса при относительной стабилизации количественных параметров тренировочной работы, достигших околопредельных величин.

Основы принципа цикличности четко сформулированы Л. П. Матвеевым, В. Н. Платоновым:

– при построении тренировки следует исходить из необходимости систематического повторения ее элементов и одновременного изменения их содержания в соответствии с закономерностями тренировочного процесса;

– следует рассматривать любой элемент тренировочного процесса в его взаимосвязи с более или менее крупными составляющими структуры тренировочного процесса;

– выбор тренировочных средств, характер и величину нагрузок осуществлять в соответствии с требованиями закономерно чередующихся этапов и периодов тренировки, находя их соответствующее место в структуре тренировочных циклов [3]–[5], [9]–[11].

В то же время для эффективного решения основных задач по повышению всех сторон подготовленности скороходов должны использоваться как сопряженные, так и избирательные методы совершенствования физических качеств и технических навыков на основе учета функциональных сдвигов, долговременной адаптации систем организма и их морфофункциональной специализации.

Принцип единства и взаимосвязи структуры соревновательной деятельности и структуры подготовленности. Рациональное построение процесса тренировки предполагает его строгую направленность на формирование оптимальной структуры соревновательной деятельности, обеспечивающей эффективное ведение соревновательной борьбы. Это возможно лишь при наличии развернутых представлений о факторах, определяющих эффективную соревновательную деятельность, о взаимосвязях между структурой соревновательной деятельности и структурой подготовленности.

Необходимо четко уяснить, что эффективность соревновательной деятельности и её компонентов является интегральной характеристикой подготовленности скорохода; базовые качества и специализированные навыки определяют эффективность действий скорохода при выполнении основных составляющих соревновательной деятельности, например, по отношению к уровню дистанционной скорости такими качествами являются специальная выносливость и скоростно-силовые способности, а в спортивной ходьбе – темп, длина и частота шагов.

При этом нужно отметить, что базовые качества, определяющие эффективность действий скорохода при выполнении основных составляющих соревновательной деятельности, проявляют большую вариабельность, чем основные компоненты соревновательной деятельности, и меньшую, чем основные функциональные параметры и характеристики, определяющие уровень развития этих качеств и их частные характеристики.

Такой подход позволяет упорядочить процесс управления, тесно увязать структуру соревновательной деятельности и соответствующую ей структуру подготовленности с методикой диагностики функциональных возможностей скороходов, характеристиками моделей соответствующих уровней, системой средств и методов, направленных на совершенствование различных компонентов подготовленности и соревновательной деятельности.

В то же время в системе подготовки скороходов этот принцип реализуется следующим образом. Адаптация скороходов к экстремальным условиям спортивной борьбы на главных соревнованиях достигается неоднократным моделированием условий и параметров этой борьбы в тренировочной и соревновательной деятельности. При этом значительно возрастает роль системы соревнований и её регламента (число соревнований, стартов) в повышении уровня подготовленности скороходов и достижении ими запланированных результатов.

Тенденция развития видов спорта, изменение правил соревнований, модернизация инвентаря и оборудования должны обеспечить необходимую динамичность системы подготовки: гибкое планирование, оперативную коррекцию программы подготовки, состав технико-тактических навыков, своевременный перенос акцента на развитие тех качеств, которые в полной мере обеспечат надежность достижения поставленной цели в новых условиях.

Таким образом, на основании результатов проведенных исследований решение основных методических задач подготовки квалифицированных скороходов можно сделать следующие выводы.

Выводы

1. Решение основных методических задач подготовки обеспечивается:
 - повышением базовой подготовленности как в четырехлетнем, так и в годовом циклах, за счет выполнения оптимальных объемов нагрузок, направленных на увеличение аэробных возможностей (скорости на уровне аэробного и анаэробного порога, МПК) и силовых качеств как основы перехода к высокоинтенсивным соревновательным нагрузкам. Объем силовых упражнений не должен приводить к снижению выносливости;
 - постепенной интенсификацией тренировочного процесса, повышением скорости передвижения на предсоревновательных этапах;
 - необходимой продолжительностью индивидуальной соревновательной подготовки, характерной для данного вида спорта: на базовых этапах за счет выступления преимущественно на смежных дистанциях, в соревновательном периоде – в основных дисциплинах;
 - построением годичной подготовки, включающей от одного до трех микроциклов;
 - постепенным достижением высоких общих объемов тренировочных нагрузок.
- При этом объемы нагрузок должны быть индивидуализированы в зависимости от продолжительности соревновательной дистанции.
2. Объемы циклических нагрузок по зонам интенсивности в годовом цикле находятся в большинстве дисциплин в пределах:
 - II аэробной зоны (до уровня анаэробного порога) – 45–60%;
 - III смешанной зоны (выше анаэробного порога) – 10–20%.
3. Соотношение нагрузок, выполняемых в IV (гликолитической), V (алактатной) и I (восстановительной) зонах интенсивности, зависит от длины дистанции и специфики вида спорта.
4. Средства силовой подготовки преимущественно носят специализированный характер, применяются круглогодично и направлены на увеличение и поддержание рабочих усилий.

Литература

1. Лемешков, В. С. Системный подход к тренировочному процессу в подготовке квалифицированных скороходов / В. С. Лемешков // Научное обоснование физического воспитания, спортивной тренировки и подготовки кадров по физической культуре и спорту : материалы IX Междунар. науч. сессии по итогам НИР за 2005 г. / БГУФК ; редкол.: М. Е. Кобринский (председатель) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 43–46.
2. Лемешков, В. С. Характеристика особенностей управления тренировочным процессом в спортивной ходьбе / В. С. Лемешков // Научное обоснование физического воспитания, спортивной тренировки и подготовки кадров по физической культуре и спорту : материалы IX Междунар. науч. сессии по итогам НИР за 2005 г. / БГУФК ; редкол.: М. Е. Кобринский (председатель) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 46–52.
3. Матвеев, Л. П. Основы спортивной тренировки : учеб. пособие для ин-тов физ. культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1977. – 280 с.
4. Матвеев, Л. П. Основы общей теории спорта и системы подготовки спортсменов : учеб. пособие / Л. П. Матвеев. – Киев : Олимпийская литература, 1999. – 318 с.
5. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта и её прикладные аспекты / Л. П. Матвеев. – 4-е изд. – СПб. : Лань, 2005. – 384 с.
6. Озолин, Н. Г. Современная система спортивной тренировки / Н. Г. Озолин. – М. : Физкультура и спорт, 1970. – 479 с.
7. Озолин, Н. Г. Путь к успеху / Н. Г. Озолин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Физкультура и спорт, 1988. – 112 с.
8. Озолин, Н. Г. Настольная книга тренера: Наука побеждать / Н. Г. Озолин. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 863 с.
9. Платонов, В. Н. Теория спорта / В. Н. Платонов. – Киев : Вища школа, 1987. – 540 с.
10. Платонов, В. Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 1997. – 584 с.
11. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и её практические приложения / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.
12. Dienhart, M. Periodization training for track and field H / M. Dienhart // Athletic journal. – 1986. – V. 66. – № 8. – P. 44–45.

Summary

The article is devoted to the research of the problems of highest sportive achievements. In this article the questions concerning the basic laws and the principles of many years standing sporting preparation of qualified sporting men in the sports walking are considered.

Поступила в редакцию 22.01.10.

УДК 796.1/3

*М. И. Масло***ПОДВИЖНЫЕ ИГРЫ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ**

В статье раскрыты взгляды ученых и практиков на проблемы подготовки юных спортсменов. Показан приоритет использования подвижных и спортивных игр, разнонаправленных эстафет на начальных этапах подготовки во многих видах спорта, что в конечном итоге позволяет планомерно формировать достаточный уровень общефизической и функциональной подготовленности с учетом избранного вида спорта.

Введение

Вопросы качественной подготовки спортивного резерва во многих видах спорта в нашей республике неоднократно обсуждались в последние годы. И связано это, прежде всего, с напряженной демографической ситуацией, неблагоприятными условиями среды проживания, форсированием специальной подготовленности на начальных этапах занятий в спортивных секциях, где нередко случаи использования значительного объема и интенсивности тренировочной нагрузки из арсенала высококвалифицированных спортсменов. В связи с этим актуальной является задача разработки и внедрения новых подходов к применению подвижных игр и игровых методов на этапе начальной подготовки юных спортсменов, которые бы отвечали современным запросам теории и практики юношеского спорта.

К настоящему времени установлено, что воспитание определенных двигательных способностей имеет наиболее благоприятные (сенситивные) возрастные периоды [1]–[3], а возраст 9–11 лет считается наиболее подходящим для повышения уровня быстроты и скорости бега [4]. Для воспитания таких качеств, как сила, выносливость, ловкость и гибкость также определены так называемые «критические» периоды, которые, на наш взгляд, не всегда учитываются при работе над повышением уровня всесторонней физической подготовленности, что необходимо для закладки прочного физического и функционального «фундамента», способствующего в дальнейшем росту спортивного мастерства. Поэтому поиск и обоснование новых методик использования эмоциональных и общедоступных средств физического воспитания начинающих спортсменов с целью повышения уровня их всесторонней физической подготовленности являются необходимой предпосылкой совершенствования тренировочной программы во многих видах спорта. Наиболее эффективным способом решения этой проблемы являются подвижные игры и применение игрового метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ специальной литературы о средствах и методах развития физических качеств у юных спортсменов показал, что большинство авторов подчеркивают особую роль игровых форм и подвижных игр. Под выражением «игровой метод» обычно понимают использование основных методических особенностей игры при проведении тех или иных физических упражнений [5]. Подвижным же играм отводится особо важная роль в программе физической культуры для общеобразовательной и начальной школы, а также при обучении студентов факультетов физической культуры [6].

По мнению В. Г. Яковлева [7], наибольшее влияние на развитие быстроты и ловкости школьников 3–4 классов оказывают подвижные игры, которые требуют незамедлительных двигательных ответов на изменяющиеся игровые ситуации, а также игры, в которых сочетаются ответная реакция на сигнал, быстрота мышечных сокращений, количество движений, выполняемых в единицу времени, и скорость перемещения тела или его составных частей в пространстве.

Следует отметить, что основы совершенствования скорости бега у юных легкоатлетов следует рассматривать в единстве с другими физическими качествами. Известно, что развитие одного физического качества до определенного уровня может способствовать совершенствованию других, а комплексный метод их воспитания является наиболее эффективным. К сожалению,

многие специалисты не связывают компоненты повышения скорости бега (к которым относятся быстрота реакции на старте, способность к ускорению, величина максимальной скорости бега и способность к ее поддержанию, чистота шагов, длина шагов, значительное проявление мышечной силы в короткий промежуток времени, т. е. высокий уровень скоростно-силовой подготовленности и ряд других) с возрастным развитием. Нас же интересовали вопросы, связанные с методическими принципами повышения скорости бега юных легкоатлетов на этапе предварительной спортивной подготовки, главной задачей которого является всесторонняя физическая подготовка с развитием общих и специальных физических качеств.

Так, Б. П. Жекас [8] рекомендует для развития скоростных качеств в этом возрасте бег в виде разнообразных эстафет, игр и игровых упражнений, которые значительно повышают эмоциональность тренировочных занятий, ненавязчиво увеличивают таким образом объем и интенсивность тренировочной нагрузки. В свою очередь В. М. Зациорский [9] советует в целях предупреждения стабилизации скорости бега включать в программу спортивной подготовки детей и подростков не стандартные упражнения, а выполнение их в изменяющихся ситуациях и формах, где неоценимую помощь могут оказать подвижные и спортивные игры по упрощенным правилам. Анализ полученных экспериментальным путем данных позволил В. Н. Власову [10] утверждать, что основными методами воспитания быстроты и скорости бега у детей 8–11 лет являются игровой и соревновательный методы, в соответствии с которыми выполняются упражнения скоростного, скоростно-силового и общефизического характера. Из специально подобранных средств рекомендуются эстафеты, подвижные игры и упражнения, воспитывающие способность к быстрым и частым движениям, разнообразные прыжки.

Интересный взгляд на рассматриваемую проблему высказывает Ю. Г. Травин [11], который считает, что одним из условий воспитания специальной подготовки бегунов на начальных этапах являются подвижные и спортивные игры, которым необходимо отводится много времени в структуре тренировочных занятий. В свою очередь, В. А. Булкин [12] при исследовании развития силы и быстроты у подростков пришел к выводу о том, что необходима система комплексного использования подвижных игр для повышения скорости бега, что является достаточно эффективным методическим приемом и отвечает требованиям наиболее рациональной методики физического воспитания.

Необходимо отметить работы В. Н. Неробеева [13], в которых представлены специфические подходы к использованию подвижных игр в физическом воспитании школьников. Их эффективность он оценивал по ряду показателей:

- отношение участников к массовой игровой деятельности;
- повышение общей работоспособности;
- организация поведения занимающихся при выработке умения подчиняться коллективным требованиям;
- расширение и укрепление товарищеских взаимоотношений;
- побуждение к проявлению взаимопомощи;
- образовательное воздействие.

По мнению автора, основополагающими требованиями игровых форм являются:

- массовый охват занимающихся;
- высокий воспитательный и организующий эффект;
- относительная простота в организации проведения;
- широкая доступность, основанная на упрощенных правилах игры.

Следует обратить внимание на то, что эффективность использования подвижных игр и игровых упражнений в подготовке будущих спринтеров подтверждена в ряде экспериментальных исследований. В частности, В. М. Корецкий [14] проверил и обобщил собранный им материал по развитию быстроты движений и особенностям тренировки для 10–12- и 14–16-летних легкоатлетов. Анализ показал, что наибольшие сдвиги в развитии быстроты движений произошли у мальчиков 10–12 лет вследствие применения игр и упражнений в игровой форме. Для развития быстроты у юных бегунов, которые планируют в будущем заняться спринтерским бегом, он рекомендует в качестве основных средств использовать игры с прямолинейным бегом, игры-упражнения на скорость и встречные эстафеты.

Особый интерес представляет работа группы авторов [15], в которой по результатам исследования средств и методов начальной спортивной подготовки на двигательную деятельность юных легкоатлетов доказана целесообразность скоростно-силовых упражнений, выполняемых в форме игр, игровых упражнений и эстафет. Авторы отмечают, что только в этом случае юные спортсмены способны значительно легче переносить тренировочную нагрузку. В результате обобщения передового практического опыта и собственных исследований они выделили десять вариантов различных режимов двигательной деятельности в период первых двух лет занятий спортом. Наибольшие сдвиги в беге на 60 метров произошли у юных спортсменов, при подготовке которых в соотношении предъявляемых нагрузок преобладали:

- от 25% до 50% – обучение видам легкой атлетики (1 и 3 группы);
- 37,5% – игры и игровые упражнения (2 группа);
- 75% – подвижные и спортивные игры скоростно-силовой направленности и воспитания выносливости (4 и 5 группы).

Следует подчеркнуть, что по большинству исследуемых параметров выделялись юные спортсмены, в тренировочной программе которых преобладали скоростно-силовые упражнения в форме игр, игровых упражнений и эстафет, при этом значительно худшими были показатели у подростков, занимающихся хоккеем и футболом. По-видимому, в их вариантах тренировочных занятий недостаточно применялись легкоатлетические, скоростно-силовые упражнения и игры, направленные на воспитание физических качеств. Предполагается, что наиболее эффективными направлениями в методике начальных занятий спортом являются использование игр со скоростно-силовой направленностью и разнообразных комплексов упражнений в группах легкой атлетики, а также применение большого количества прыжковых упражнений.

Таким образом, полученные авторами результаты дают возможность утверждать, что без широкого использования подвижных игр со скоростно-силовой направленностью невозможно добиться требуемого эффекта в развитии основных физических качеств у детей на начальном этапе спортивной подготовки, где на первый план должны выдвигаться задачи разносторонней физической подготовки с одновременным развитием физических качеств путем специально подобранных комплексов упражнений и игр с учетом будущей спортивной специализации занимающихся. Тем самым подтверждается необходимость единства общей и специальной физической подготовки на занятиях со спортсменами юного возраста.

Выводы

Анализ литературных источников показал, что наиболее благоприятным для развития скорости бега и быстроты движений является возраст 9–11 лет. Необходимо совершенствовать всестороннюю физическую подготовленность к повышению скорости бега не только начинающих легкоатлетов, но и спортсменов других видов спорта. Многие исследователи рекомендуют использовать подвижные игры и игровые упражнения для развития основных физических качеств не только на тренировочных занятиях, но и на уроках физической культуры. Большинство авторов считает подвижные игры одним из основных средств физического воспитания школьников и полагает, что для их использования необходим правильный отбор, который облегчит группировку подвижных игр по направленности, соответствующему объему и интенсивности.

Следует помнить, что развитие быстроты осуществляется в течение всех лет подготовки спортсменов во всех видах спорта. Однако в детском и подростковом возрасте создаются более благоприятные предпосылки для этого. С возрастом комплексные и целенаправленные проявления быстроты претерпевают существенные изменения, которые целесообразно учитывать уже в процессе тренировки юных спортсменов.

В результате проведенного анализа специальной литературы выяснено, что основными средствами спортивной подготовки во всех видах спорта являются физические упражнения, прямо или косвенно влияющие на совершенствование мастерства спортсменов, которые формируются с учетом особенностей конкретного вида спорта. Тем самым установлено, что целесообразность применяемых упражнений определяется, прежде всего, пользой, которую они могут принести для повышения и развития основных двигательных качеств и функциональной подготовленности сердечно-сосудистой, дыхательной, мышечной и нервной систем на всех этапах

роста спортивного мастерства. Целенаправленное использование подвижных и спортивных игр по упрощенным правилам, разнообразных эстафет особенно необходимо на начальном этапе занятий спортом. В пользу отмеченного факта говорит то обстоятельство, что спортивная тренировка юных спортсменов, в отличие от тренировки взрослых, имеет ряд методических и организационных особенностей, основные из которых состоят в том, что тренировочные занятия с юными спортсменами не должны быть ориентированы на достижение в первые годы высокого спортивного результата, а должны соответствовать физическим и функциональным возможностям растущего организма, всесторонне развивать физические качества. Это в конечном итоге будет способствовать созданию мощного фундамента общефизической подготовленности, без которого невозможен рост спортивного мастерства в будущем.

Литература

1. Гужаловский, А. А. Физическое воспитание школьников в критические периоды развития / А. А. Гужаловский // Теория и практика физической культуры. – 1977. – № 7. – С. 37–39.
2. Гужаловский, А. А. Развитие двигательных качеств у школьников / А. А. Гужаловский. – Народная асвета. – 1978. – 88 с.
3. Трави, Ю. Г. О развитии двигательных качеств у школьников / Ю. Г. Трави // Физическая культура в школе. – 1981. – № 4. – С. 9–15.
4. Филин, В. П. Воспитание физических качеств у юных спортсменов / В. П. Филин. – М. : Физкультура и спорт, 1974. – 232 с.
5. Яковлев В. Г. Игры для детей / В. Г. Яковлев. – М. : Физкультура и спорт, 1977. – 157 с.
6. Жуков, М. Н. Подвижные игры : учеб. для студентов пед. вузов / М. Н. Жуков. – М. : изд. центр «Академия», 2002. – 160 с.
7. Яковлев, В. Г. Подвижные игры в I–IV классах / В. Г. Яковлев. – Минск : Народная асвета, 1970. – 53 с.
8. Жекас, Б. П. Экспериментальное исследование некоторых вопросов развития быстроты и скоростной выносливости у юношей-спринтеров : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Б. П. Жекас ; Тартуский ун-т. – Тарту, 1969. – 33 с.
9. Зацюрский, В. М. Физические качества спортсмена (основы теории и методики воспитания) / В. М. Зацюрский. – М. : Физкультура и спорт, 1960. – 200 с.
10. Власов, В. Н. Экспериментальное исследование методики воспитания быстроты и скорости бега у детей младшего и среднего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. Н. Власов ; ВНИИФК. – М., 1971. – 21 с.
11. Травин, Ю. Г. Исследование закономерностей возрастных изменений выносливости и построение многолетней тренировки юных бегунов на средние дистанции : дис. ... докт. пед. наук : 13.00.04 / Ю. Г. Травин. – М., 1975. – 388 л.
12. Булкин, В. А. Развитие силы и быстроты у подростков средствами и методами физического воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. А. Булкин ; ВНИИФК. – М., 1968. – 18 с.
13. Неробеев, В. Н. Исследование эффективности игровых форм массовой работы в физическом воспитании школьников 1–8-х классов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. Н. Неробеев ; Институт физической культуры имени П. Ф. Лезгова. – Л., 1974. – 15 с.
14. Корецкий, В. М. Возрастные изменения быстроты движений у школьников и влияние тренировки в легкоатлетических упражнениях на ее развитие : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. М. Корецкий ; ВНИИФК. – М., 1961. – 16 с.
15. Алабин, В. Г. Многолетняя тренировка юных спортсменов / В. Г. Алабин, А. В. Алабин, В. П. Бизин. – Харьков : Основа, 1993. – 243 с.

Summary

The article deals with the main views of scientists and teachers on the problems of young sportsmen training.

The priority of active and sports games, different cross-country relays at the initial periods of training in numerous kinds of sport is shown in the article.

Поступила в редакцию 27.05.10.

УДК 159.923.32-057.875

*А. Ф. Ходько***ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В СТРУКТУРЕ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА**

Студенческая молодёжь – активный фактор социальных перемен, значительная современная сила и будущее общества. Поэтому изучение ценностных ориентаций студентов стало актуальным и приобрело особое значение.

В статье даётся определение концепции «ценностные ориентации»; анализируется динамика ценностной и мотивационной сфер современных студентов во время их учёбы в университете; выделяется ряд факторов, которые определяют ценностные ориентации будущих специалистов.

Введение

Жизненные принципы человека относятся к феноменам обыденного сознания. С древности сознательное следование принципам связывалось с ценностью и значимостью личности. Апулей, например, говорил, что «не на то надо смотреть, где человек родился, а каковы его нравы, не в какой земле, а по каким принципам решил он прожить свою жизнь» [1, 28]. Как психологическое явление, жизненные принципы представляют собой некоторые ценностные суждения, идеи, избранные личностью в качестве руководящих.

Ценностные ориентации – сложный психологический феномен, характеризующий направленность и содержание активности личности, являющийся составной частью системы отношений личности, определяющий общий подход человека к миру, к себе, придающий смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. Система ценностных ориентаций не является чем-то абсолютно упорядоченным и неподвижным, она противоречива и динамична, отражает как главные, существенные, стержневые изменения взаимозависимости личности с миром, так и смену текущих, мимолетных, в известной мере случайных жизненных ситуаций.

Результаты исследования и их обсуждение

Ценностные ориентации – это совокупность мотивов и целей личности, определяющих её направленность, главные устремления, личностную позицию, оказывающих влияние на общий подход к миру, к самому себе, придающих смысл поведению и поступкам.

Становление ценностного сознания происходит на основе эмоционально-оценочного отношения к действительности: материальному и духовному миру, природным и социальным явлениям, окружающим людям и себе. Это отношение преломляется через конкретные особенности личности, её социальные условия и взаимоотношения с другими, создавая индивидуальные ценностные ориентации личности.

Исследование особенностей и путей формирования ценностных ориентаций учащейся молодежи является актуальным, так как подводит к пониманию мотивов непонятного для взрослых поведения молодых людей, к определению и учёту ценностных ориентаций как важных социально-психологических и психических детерминант активности личности.

Молодежь была всегда в центре внимания как отечественных, так и зарубежных ученых и обществоведов. Молодежь – это активный фактор социальных перемен, огромная новая сила, будущее общества. Естественно, что ценности, заложенные в сознании молодого человека еще со школьной скамьи, так или иначе должны проявиться в его будущем поведении уже во взрослой жизни. Поэтому изучение ценностных ориентаций молодежи приобретает особую значимость и актуальность и в настоящее время.

Палитра мнений по вопросам ценностных ориентаций личности представлена работами многих ученых, в которых затрагиваются различные аспекты данной проблемы. Наиболее результативными и информативными являются исследования следующих известных русских и зарубежных авторов: В. Виндельбанда, Э. Дюркгейма, Н. Гартмана, А. Н. Уайтхеда, М. Шелера и др. Вызывают интерес работы М. Вебера, Ф. Знанецкого, К. Роджерса, М. Рокича, Г. Олпорта, У. Томаса, В. Франкла, З. Фрейда, Э. Фромма. В российской науке проблема ценностей отражена в исследованиях Б. Г. Ананьева,

М. И. Бобневой, Б. И. Додонова, А. Г. Здравомыслова, М. С. Кона, Н. И. Лапина, И. Н. Мясищева, Н. И. Непомнящей, Н. С. Розова, Н. С. Столовича, С. Г. Якобсона, Р. Х. Шакурова.

Измерение и оценка поведения невозможны вне исследования структуры ценностных ориентаций личности. В. Н. Мясищев обоснованно утверждал, что структурная характеристика освещает нам человека со стороны его целостности или расщеплённости, последовательности или противоречивости, устойчивости или изменчивости, глубины или поверхности, преобладания или недостаточности [2, 35].

В отечественной психологии наиболее верным представляется определение структуры, предложенное К. К. Платоновым: «Структура – это единство элементов, их связей, целостности и связей элементов с целым». Автор обоснованно утверждает: «Познать структуру – это, прежде всего, найти её элементы, затем исследовать существенные внутренние связи этих элементов и, наконец, вскрыть специфическую природу целостности структуры» [3, 73–74].

Анализ научной литературы показал, что при всём разнообразии подходов авторов к проблеме структуры ценностных ориентаций блока личности в целом классификации ценностных ориентаций выражают две явно прослеживаемые тенденции. Одни учёные фиксируют внимание на психологических характеристиках ценностей, то есть на том значении, которое придаёт ценностям индивид. Другие подчёркивают социальную значимость ценностей, существующих объективно, вне индивида, но детерминирующих поведение человека.

Под структурой ценностных ориентаций понимаем совокупность ценностных ориентаций личности, упорядоченных друг относительно друга в устойчивой иерархии.

Ценностные ориентации личности важно рассматривать как многоуровневую систему, имеющую иерархическое строение.

В. Н. Мясищев разработал структуру ценностных ориентаций блока личности. Психологи неоднократно отмечали, что у личности могут преобладать органические, личные или сверхличные (общественные) цели, мотивы, потребности. Так, доминировать могут «животные», конкретно личные и идейные интересы. Отношения человека представляют систему, образующуюся в результате его развития, воспитания и самовоспитания. Подобно тому как объекты окружающей действительности по-разному важны для человека, в системе его отношений имеется иерархия господствующих и подчинённых отношений. Эта система постоянно меняется, развивается, но всегда определяющую роль играют отношения между людьми, в целом обусловленные структурой общества, т. е. общественно-производственными отношениями.

В русле гуманитарной психологии Б. С. Братусем [4, 9–17] разработана шкала личностных смыслов, имеющая поуровневое строение и содержащая пять уровней:

1) почти неличностный (симбиотический) – здесь нет личного отношения к выполняемым действиям, человек отождествляет себя с другим;

2) эгоцентрический – смысловыми устремлениями являются личная выгода, успех, престижность, удобство, все остальные люди в зависимости от этого «хорошие» или «удобные»;

3) группоцентрический – человек идентифицирует себя с группой, главным становится успех группы, человек ценен не сам по себе, а своей принадлежностью к группе;

4) гуманистический – смысловые устремления общечеловеческой направленности, устремлённость на создание результатов, которые принесут равные блага другим, возможно, лично ему неизвестным;

5) эсхатологический, или духовный, – человек решает свои субъективные отношения с Богом, другой человек приобретает в его глазах сакральную ценность как образ Бога и подобие Божье.

Выделение Б. С. Братусем двух разных систем ценностных ориентаций «по уровню смысловой сферы» и «по степени присвоенности» в структуре ценностных ориентаций блока личности – важный шаг вперёд в понимании сущности этого феномена как регулятора социального поведения, ибо ранее ценностные ориентации рассматривались по преимуществу в линейном измерении по признаку интенсивности predispositions субъекта к социальным явлениям. Вычленение таких компонентов позволяет установить несколько параметров для изображения структуры ценностных ориентаций со стороны глубины и устойчивости отношения личности к социальной действительности.

Н. А. Низовских утверждает, что каждая жизненная ориентация включает в себя два основных компонента:

1) ценностные представления об определенных сферах деятельности – этот компонент называют деятельностной структурой жизненной ориентации;

2) ценностные представления о тех аспектах жизнедеятельности, с которыми связывается значимость этих сфер деятельности – этот компонент называют ценностным содержанием жизненной ориентации [5, 9].

Н. А. Низовских указывает, что имеет место возрастная «сензитивность» в присвоении жизненных ориентиров. В частности, в дошкольные годы формируются терпение и сдержанность, хитрость и аккуратность, женственность и мужественность. В юношеские годы, что для нашего исследования имеет особую важность, формируется ценность как особое личностное новообразование. В более поздние жизненные периоды происходит выработка ориентации на самоактуализацию, творчество, осознание ценности семьи, отношений.

На основе своих исследований Н. А. Низовских выявила иерархический перечень жизненных ориентаций студенческой молодежи:

1) ценности уважения, любви и доброты по отношению к людям, прежде всего близким, родным;

2) нравственные ценности (не лги, не укради, не мучайся совестью);

3) ориентация на образованность (хорошо учиться, развивать интеллект);

4) ценность воспитанности и самоконтроля;

5) ценность общительности;

6) ценность организованности и аккуратности;

7) ценность трудолюбия и т. д.

Таким образом, указанные виды типологий односторонне рассматривают ценностные ориентации, изучают один из моментов ее отношения к социальным ценностям или рассматривают отношение личности лишь к определенной группе ценностей. Выделяя главный элемент ценностных ориентаций, вершину «пирамиды» лично значимых ценностей, исследователи упускают из виду целостность и гармоничность всей ориентации. Так, например, ориентация личности на научную работу может быть обусловлена интересом не к самой деятельности, а к заработку, престижу, карьере и другим внешним по отношению к науке моментам.

В психологической литературе в основу структуры ценностных ориентаций положены разные принципы и основания. Многообразие подходов различных исследователей к типологизации ценностных ориентаций личности говорит, с одной стороны, о сложности, многогранности данного образования и о необходимости, с другой стороны, ее комплексного изучения.

В анализе ценностных ориентаций личности особую важность приобретает формулировка строгих критериев классификации и их обоснование. Без формулировки таких критериев невозможно различение позитивной и негативной направленности личности, имеющее немаловажное значение в практике воспитания. К числу подобных критериев следует отнести:

1) степень соответствия ценностных ориентаций личности системе объективно существующих социальных ценностей, зафиксированных так или иначе в общественном сознании (в первую очередь, на уровне идеологии);

2) иерархичность ценностных ориентаций, т. е. наличие ведущих (ведущего) ценностных отношений;

3) целостность, гармоничность ведущих ценностей личности.

В современном обществе многие социальные цели, ценности, убеждения, идеалы претерпели кардинальную переоценку, вплоть до смены направления вектора на прямо противоположный. Старые нормы и ценности, которые господствовали в общественном сознании и поддерживались соответствующими социальными, идеологическими институтами, во многом уже не соответствуют тем реальным отношениям, которые формируются рыночной экономикой, новыми реалиями политической жизни и т. д.

Формирование личности происходит в обстановке социальной нестабильности, трансформации ряда общественных и личностных ценностей, коренного изменения образа жизни. Но наиболее глубокое противоречие заключается в заметном несоответствии новых социально-экономических требований и качеств личности молодого человека, традиционно формируемым обществом. Отсюда распад связей между «настоящим – прошлым – будущим», «преемственности поколений», «утраты групповой идентичности» и неспособность дать ответ

на вопрос о смысле существования. Известный психолог А. Г. Асмолов неслучайно обозначил данное психологическое состояние современных молодых людей как шок от настоящего.

Целью нашего исследования был анализ динамики ценностно-мотивационной сферы студентов в период обучения в университете. Исследования проводились в учреждении образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации».

В качестве диагностического инструмента для выявления доминирующих жизненных целей и жизненных сфер деятельности студентов нами была взята методика М. Рокича «Ценностные ориентации», которая позволяет выявить иерархию ценностных ориентаций человека и преобладающие сферы его жизнедеятельности.

Социальные ситуации развития личности первокурсника и пятикурсника неодинаковы, и ценностные ориентации как динамическая личностная структура претерпевают значительные изменения за годы учебы.

Нами были отобраны студенты первого и пятого курсов факультета экономики и управления. Всем студентам, включенным в нашу выборку, было предложено ответить на вопросы. В проведении методики участвовало 72 студента. Респондентам было представлено на листах бумаги два списка ценностей (по 18 в каждом) в алфавитном порядке. В списках испытуемый присваивает каждой ценности свой ранговый номер. Вначале предъявлялся набор терминальных ценностей, а затем инструментальных.

Анализ полученных результатов позволил нам дать ответ на два вопроса, поставленных в начале нашего исследования: Каковы особенности ценностных ориентаций студентов университета? Как изменяются ценностные ориентации студентов от первого курса к выпускному?

Для того ответить на первый вопрос, мы проанализировали полученные результаты с точки зрения общих тенденций, характерных для ценностных ориентаций студентов первого и пятого курсов.

Для 1 и 5 курсов характерно большое число студентов, получивших высокий балл по показателю «здоровье» (от 97% до 92%). Это означает, что молодежь безразлично относится к своему здоровью, что усиливает чувства собственной значимости и положительного отношения к себе. Заинтересованность студентов в высоком уровне материального благосостояния (от 84% до 95%) объясняется высокими потребностями людей этого возраста. Для студентов всех курсов характерна высокая потребность в активной жизни (от 78% до 60%), т. е. стремление к достижению осязаемых и конкретных результатов в любом виде деятельности. Большое количество студентов (от 79% до 60%) имеет высокую потребность в развитии (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование), сохранении собственной индивидуальности, что свидетельствует об их стремлении к независимости от других и желании сохранить неповторимость, своеобразие собственной личности, своих взглядов и убеждений.

Проанализировав результаты, мы пришли к следующим выводам о динамике ценностных ориентаций студентов БТЭУ от первого курса к выпускному.

«Ядро» ценностных ориентаций учащейся молодежи по жизненным ценностям составляет стремление данной ценности, которая высокому материальному положению: у всех студентов имеет место тенденция к повышению и к старшим курсам переходит со 2–3 места на 1-е. Первокурсники, вчерашние школьники, гораздо терпимее относятся к материальной зависимости от родителей. Студенты же старших курсов имеют более высокие потребности, стремятся быть независимыми от родителей, заводят собственную семью. Аналогично значимость потребности к развитию у большинства студентов к 5 курсу возрастает и выходит на 2-е место. На третьем по значимости месте для первокурсников стоит потребность в сохранении независимости (способность действовать самостоятельно, решительно), которая к 5 курсу занимает уже второе место в структуре ценностей студентов, т. е. стремление к неповторимости и индивидуальности имеет тенденцию к увеличению в процессе обучения и взросления студентов. На протяжении обучения в университете увеличивается стремление студентов к общественному призванию (уважение окружающих, коллектива). Эта потребность выходит к 5 курсу на 4-е место и объясняется процессом изменения социального статуса выпускников по сравнению с первокурсниками (кроме того, многие старшекурсники начинают работать, заводят собственную семью).

Выводы

Ценностные ориентации студентов по мере обучения в вузе постепенно трансформируются в ценности более высокого уровня – саморазвития и самореализации.

Формирование ценностного мира учащейся молодежи зависит от многих объективных и субъективных факторов. К таковым можно отнести ценностные ориентации значимых взрослых – родителей, педагогов и др.

Формирование ценностных ориентаций студентов должно быть направлено на создание «Я-концепции» студента как личности индивидуальной, социальной и гражданской, у которой ценности не носили бы конфликтного начала, не вступали в противоречия.

Ценностные барьеры, появляющиеся в деятельности и общении, должны быть преодолимыми. Создание трудностей и участие в жизнедеятельности других людей гарантируют приобретение новых терминальных и инструментальных ценностей, которые формируют такие черты, как активность, воля, ответственность, независимость, милосердие, гордость, открытость и т. д. Для формирования ценностей, связанных с достижением жизненных и профессиональных успехов, следует развивать творческую активность учащейся молодежи, включать в учебный процесс активные формы и методы (ролевые игры, выполнение проектов и др.) соревнования, самостоятельные формы обучения, которые были бы престижными и совершенствовали профессиональные знания, умения, навыки.

Таким образом, воздействуя на студентов, необходимо в системе общественного образования учить подрастающее поколение обобщать и осмысливать позитивный социальный опыт ради углубления и совершенствования ценностных отношений и ценностных ориентаций личности.

Литература

1. Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии / Апулей // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды / Апулей. – М.: Наука, 1960.
2. Мясичев, В. Н. Личность и неврозы / В. Н. Мясичев. – Л., 1960. – С. 71–155.
3. Платонов, К. К. Проблема способностей / К. К. Платонов. – М., 1972. – 312 с.
4. Братусь, Б. С. Опыт обоснования гуманитарной психологии / Б. С. Братусь // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 9–17.
5. Низовских, Н. А. Психосемантический анализ жизненных ориентации личности : автореф. ... дис. канд. психол. наук. – М., 1995. – 16 с.

Summary

The student's youth is the active factor of social changes, the significant innovation force and the future of the society. That's why the studying of student's value orientations has taken on special significance and actuality today.

The definition of conception «value orientations» is specified in the article. The analysis of value and motivation sphere dynamics of modern students during their study at the university is carried out. The row of factors that determine the value orientations of future specialists is distinguished.

Поступила в редакцию 02.06.10.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 821.161.3-31(Ул. Сцяпан).06

М. М. Воінава-Страха

СЮЖЭТНА-КАМПАЗЫЦЫЙНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ НАВЕЛ УЛ. СЦЯПАНА

У беларускай літаратуры пачатку XIX стагоддзя жанр навелы з'яўляецца адным з найбольш папулярных як сярод мастакоў слова, так і сярод чытачоў. З цягам часу, аднак, паэтыка навелы мадыфікавалася, адбыліся пэўныя змены не толькі ў тэматычным плане, але і на структурна-кампазіцыйным узроўні. Артыкул прысвечаны вызначэнню спецыфікі сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыі навелы ў сучаснай беларускай літаратуры на прыкладзе творчасці Ул. Сцяпана.

Уводзіны

Вызначэнне сутнасці і спецыфікі навелы як адной з самабытных і універсальных жанравых форм у сусветным прыгожым пісьменстве можна аднесці да бяспрэчна актуальных, навукова важных, але недастаткова распрацаваных у айчынай літаратурнай навуцы пытанняў.

Даволі лёгкі і рухомы, але цвёрда падпарадкаваны строгай сістэме правіл, гэты жанр здольны імгненна адгукацца на любыя запыты эпохі, ставячыся з найбольш пільнай увагай да самых знакавых, праблемных і пераломных момантаў і зрухаў у гістарычным развіцці цывілізацыі, менавіта акрэсленымі чыннікамі можна растлумачыць папулярнасць навелы ў сучасным беларускім мастацтве слова. Аднак да гэтага часу ў айчынай літаратурнай навуцы не вызначаны спецыфічныя жанравыя асаблівасці беларускай навелы, характар яе канфлікту, асноўныя мастацка-стыльовыя сродкі і прыёмы, а таксама ўзаемадзеянне з іншымі блізкімі па структуры жанрамі. Таму мэтай прадстаўленага артыкула з'яўляецца вызначэнне спецыфікі сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыі навелы ў творчасці аднаго з найбольш вядомых сучасных аўтараў Ул. Сцяпана.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Характарызуючы непасрэдна жанр навелы, аўтарытэтны амерыканскі празаік Э. По адзначыў: «Умелы мастак стварыў “апавяданне” (амер. story, розніца ў тэрміналогіі тлумачыцца спецыфікай нацыянальнага літаратуразнаўства – М. М. В.-С.). Калі ён разумее справу, ён не будзе ламаць галаву “прыкладваннем” адлюстроўваемых падзей, але пасля дэтальнага абдумвання якога-небудзь цэнтральнага эфекту стварае такія падзеі ці камбінуе такія эпізоды, якія лепш за ўсё могуць садзейнічаць выяўленню гэтага загадзя абдуманнага эфекту. Калі яго самая пачатковая сентэнцыя не служыць раскрыццю гэтага эфекту, ён адступіўся з першага кроку. Ва ўсім творы не павінна быць ніводнага слова, якое прама ці ўскосна не адносілася б да загадзя выбранага малюнка. Дзякуючы такога роду прыёмам, намаганням і ўменню мастака, карціна, урэшце закончаная, выклікае ў чалавеку, які валодае дастатковым мастацкім пачуццём, поўнае задавальненне. Цэнтральная думка аповеду прадстаўлена ва ўсёй сваёй чысціні, таму што не забруджана нічым пабочным; такога выніку раман дасягнуць не ў стане» [1, 174]. Вядома, што Э. По меў звычай пачынаць свае творы з канца. У сучаснага беларускага навеліста Ул. Сцяпана таксама можна вылучыць некалькі спецыфічных прыёмаў арганізацыі сюжэта і кампазіцыі твораў малой формы.

Адметнасцю ў акрэсленым плане вылучаецца твор Ул. Сцяпана «Півонія». Ключавой у сюжэтна-сэнсавай прасторы тэксту з'яўляецца лексема *півонія*, якая выступае ў якасці ядра навелістычнага *pointe*. Кульмінацыйная дамінанта дасягаецца дзякуючы развіццю поліфункцыянальнасці адзначанай лексемы. Ва ўступным тэкставым сегменце аўтарам раскрываецца варыятыўнае выкарыстанне вобраза півоніі ў шматаспектным мастацкім свеце. Японскі паэт XVII стагоддзя Мацура Басэ напісаў хайку, прысвечаны півоніі, у выніку чаго «півонія і пчала зрабіліся бессмяротным

трохрадкоўем, якое ўваходзіць ці не ва ўсе анталогіі японскай паэзіі» [2, 626]. Кітайскі мастак, каліграф і паэт Цы Бай-Шы «шмат разоў маляваў півоніі на бамбукавай і рысавай паперы. Мастак быў зусім нямоглы, кепска бачыў, але здолеў лічанымі ўзмахамі пэндзля перанесці на паперу характэрнае кветкі» [2, 626]. Апяваў вобраз півоніі і беларускі мастак-самавука з Давыд-Гарадка Барыс Сыса, які «хайку Мацуа Басэ пра півонію і пчалу не чытаў і не чуў, акварэльных кветак кітайца Цы Бай-Шы, магчыма, аніколі не бачыў» [2, 626], але «руплівасць, стараннасць і талент мастака з берагоў Гарыні дадалі прыгажосці на белым свеце...» [2, 627].

Асабліва адрэслена пачатковага сегмента заключаецца ў яго структурнай адасобленасці, а таксама ў характарыстыцы ключавога слова, вынесенага ў якасці загаловка твора. Гэта своеасаблівы інфармацыйны блок, які прызначаны для паведамлення рэцэпіенту аб канкрэтнай з’яве, служыць для стварэння кантрастнага фону пры дасягненні навілістычнага *pointe*.

Уласна навела Ул. Сцяпана мае сваю самастойную кампазіцыйную будову. Ва ўступнай частцы змешчана прасторава-часавая характарыстыка сюжэтнай лініі, а таксама прадстаўлена азнаямленне з цэнтральнымі персанажамі твора: «Тысяча дзевяцьсот семдзсят пяты год мінулага стагоддзя. Я займаюся на другім курсе мастацкай вучэльні. Халодны сакавік. Менск шэры, як размытая па абгорткай паперы, а потым размазаная туш. А Камароўка, акрамя таго, што шэрая, яшчэ і брудная» [2, 627].

Навілістычная лаканічнасць пры выкладанні мастацкага матэрыялу прасочваецца падчас аўтарскай характарызацыі пэўных з’яў, прадметаў ці ўстанаўлення прычынна-выніковых сувязей. Напрыклад, стан прыроды і акаляючага асяроддзя перадаецца шляхам выкарыстання намінальных сказаў і апасіяпезы: «Снег. Дождж. Вецер. Калюгі. Смецце...». «Тады я не ведаў, чаму прымітыўныя малюнкi мастака-самавука так кранаюць. Не ведаў...» [2, 627]. Апісваючы вечар, калі адбылося незвычайнае здарэнне, аўтар шляхам лаканічнага пералічэння ўказвае на прычыны, што паўплывалі на фактары, якія садзейнічалі стварэнню незвычайнай для традыцыйнага вечара сітуацыі: «Але той вечар склаўся інакш. Па-першае. У бары было шматлюдна як ніколі, і я ледзь знайшоў вольнае месца... Па-другое. Дзве англічанкі, якія сядзелі на высокіх крэслах каля барнай стойкі, маладыя, гадоў па дваццаць з нечым, паглядзілі на мяне з бессаромнай неабьякаваасцю. Па-трэцяе. Каля аўтаматаў пры ўваходзе ішла гульня. Сыходзілі адны з расчараваннем на тварах – імгненна з’яўляліся іншыя. Аўтаматы з ненажэрнасцю глыталі і глыталі манеты, і колькасць тых, хто прайграў, павялічвалася» [2, 628].

Псіхалагічны стан характарызуецца з дапамогай ужывання клічных сказаў, у якіх галоўны член выражаны прыслоўем з лексічным значэннем эмацыянальнага настрою: «Крыўдна!» [2, 627]; «Сорамна!» [2, 630], дзеясловамі, якія перадаюць сутнасць дзеяння «Згубіў! Выцягнулі!» [2, 630] альбо двухсастаўных сказаў, але без паглыблення ў дробныя аспекты псіхаэмацыянальнага стану. Напрыклад, унутранае напружанне перадаецца апасродкавана, праз апісанне фізічнага стану: «Пачуцці абвастраліся да колкіх мурашак у кончыках пальцаў, да болю ў патыліцы» [2, 628]; «Здаецца, што вушы пачыраванелі» [2, 630].

З мэтай акцэнтацыі ўвагі чытача пісьменнікам плённа выкарыстоўваецца прыём паўтору. Гэты прыём даволі прыдатны для жанру навелы, бо дазваляе пазбегнуць неўласцівай для яе прыроды дэталізацыі, якая, як правіла, суправаджаецца шматслоўем. Напрыклад, дзякуючы паўтору адной лексемы ўвага чытача факсуецца на галоўным факце, пазбаўляючы неабходнасці засяроджвання на другасным: «Тады я не ведаў, чаму прымітыўныя малюнкi мастака-самавука так кранаюць. Не ведаў...» [2, 627]; «Яркія! Яркія, як?.. Яркія, як на прылаўку Камароўкі» [2, 629].

Вобраз півоніі наскрозь пранізвае тканіну тэкста. Апавядальнік, знаходзячыся ў звычайным бары, і зноў узгадвае мастацкае выяўленне півоніі: «Зачараваны гляджу на кветкі. Якія яны яркія ў задумлівых прыцемках бара... Півонія Мацуа Басэ, з сэрца якой так неахвотна выпаўзае пчала... Півонія з блакітнымі лістамі кітайскага мастака Цы Бай-Шы, намалёваная ім напрыканцы жыцця... Півонія давид-гарадоцкага майстра-самавука Барыса Сыса...» [2, 629–630]. Падобны паўтор-нагадванне служыць адначасова для ўзмацнення эфекту кантрасту: паэтычны вобраз півоніі, прадстаўлены ў пачатковым сегменце і ў асноўнай падзейнай лініі, рэзка супрацьпастаўляюцца з выявамі на гульнёвым аўтамате: «У мяне на далоні тры манеты. Па сто песетаў кожная. Падыходжу да таго аўтамата, за якім вар’яцела немка. Засоўваю ў шчыліну тры манеты. Запальваюцца лямпачкі – узнікаюць яркія прамакутнікі на блакітным экране. У кожным белым прамакутніку – кветка. Шапчу. Як пароль: “Пі-во-ні-я”, націскаю тры кнопкі і цягну на сябе рычаг. Лямпачкі на імгненне згасаюць, каб потым пачаць сутаргава мігнець. Усе дзевяць прамакутнікаў запаўняюцца кветкамі» [2, 631].

Свет паэтычны перакрыжоўваецца са светам матэрыяльным. Прычым дадзеная сітуацыя вылучаецца пазітыўнай афарбоўкай. Нечаканае супадзенне выратавала галоўнага персанажа ад магчымых сур'ёзных непрыемнасцей. Акрэсленае здарэнне, выразна антытэтычнае па сваёй сутнасці, і складае ядро *poïnte*.

Адметнасцю навелы Ул. Сцяпана з'яўляецца закончаная кальцавая структура: канклюдзіўны сегмент утрымлівае інфармацыю, аналагічную па сэнсамым напаўненні з мастацкім паведамленнем у пачатковым сегменце: «Японец Мацуа Басэ не ведаў кітайца Цы Бай-Шы, кітайскі мастак не ведаў беларускага мастака-самавука Барыса Сыса, а той не ведаў мяне... Але была півонія. У кожнага свая півонія...» [2, 632].

Адметнай сюжэтнай арганізацыяй вылучаецца навела Ул. Сцяпана «Драпіны». Цэнтральны аповед вядзецца шляхам разгорнутага рэтраспекцыйнага паказу. Тэкставую тканіну можна ўмоўна падзяліць на чатыры інфармацыйныя сегменты. Першы, уступны сегмент абазначае храналагічны каардынаты дзеяння: «Пройдзе трыццаць гадоў, перш чым Алег раскажа мне пра тое згвалтаванне. Раскажа без смеху – абсалютна спакойна і будзённа» [3, 49].

Першая частка згодна з канонам навелістычнага жанру дыялагічная па сваёй форме. Летнім вечарам сустраліся два былыя сябры дзяцінства. У размове яны вяртаюцца ў школьныя гады, да неардынарнага выпадку з жыцця галоўнага героя Алега Барадаўкі, які наклаў адбітак на яго далейшае жыццё.

У невялікім дыялогу, змешчаным у першым сегменце, тройчы выкарыстоўваецца апасіяпеза з рознай функцыянальнай нагруккай. У першым і другім выпадках – як сродак лаканічнай падачы інфармацыі: «Братавы... Ён іх у “Спортгаварах” купіў» [3, 49]; «Цяпер смешна... цяпер і школы нашай няма...» [3, 49]. У трэцім выпадку апасіяпеза ўжываецца як сродак адлюстравання часовага мастацкага перамяшчэння падзейнай лініі: «А школа тут пры чым? Не ведаю, як я тады вытрымаў...» [3, 49]. Акалічнасць *тады*, выражаная прыслоўем са значэннем часу, скіроўвае ўвагу чытача на падзею, што адбылася ў жыцці цэнтральнага персанажа ў далёкім мінулым. Наступны інфармацыйны блок непасрэдна раскрывае сутнасць абазначанай вышэй з'явы.

Адметнай рысай кампазіцыйнай арганізацыі ўласна навелістычнага аповеду з'яўляецца прамое раскрыццё сутнасці падзеі без традыцыйнага суправаджэння ўводнай часткі. Варта адзначыць, што першы пачатковы сегмент надзелены функцыяй уводзінаў да ўсяго аповеду ў цэлым, а не да ўласна дзеяння, апісанага ў рэтраспекцыйным блоку.

Цэнтральная падзейная лінія развіваецца згодна з законам і навелістычнага жанру. Згадаем, што «ад звычайнага апавядання навела адрозніваецца тым, што сутнасць характару альбо сітуацыі раскрываецца тут не цераз яе знешнюю праяву, а раптоўна, нечакана, у выглядзе рэзкага супрацьпастаўлення сутнасці з'явы, сапраўднага зместу характару персанажа яго звычайнаму стану і паводзінам» [4, 136]. Згодна з Б. Эйхенбаумам, «навела павінна будавацца на аснове якой-небудзь супярэчнасці, несупадзення, памылкі, кантраста і г. д. Па сваёй сутнасці навела, як і анекдот, накапляе ўсю сваю вагу к канцу» [5, 171]. Навукоўца параўноўвае сюжэт навелы з кідальным сарадам «кінутым з аэраплана, які павінен ляцець уніз, каб з усёй сілай ударыць сваім вастрыём у патрэбную кропку» [5, 171]. У аналізуемым тэксце Ул. Сцяпана «супярэчлівы», антытэтычны характар з'яў дазваляе ўзмацніць элемент нечаканасці, незвычайнасці, неардынарнасці ў параўнанні з традыцыйным побытавым укладам. Напрыклад, стан прыроды, які стварае атмасферу прадчування свята, уступае ў выразныя контрадыкторныя адносіны з далейшым разгортваннем падзеі: «Прайшоў дождж. Хмары сплылі. Засвяціла высокае і сляпучае травеньскае сонца. За белай школьнай прыбіральняй выгнулася вясёлка. Яна была такая шырокая і яркая, што хацелася глядзець толькі на яе... З вуліцы цягнула цяплом, моцна патыхала хлёркай ад школьнай пабеленай вапнай прыбіральні. Ні водар мокрага маладога лісця, ні пах асфальту і травы не здужалі перамагчы яе смурод. А самае галоўнае – нішто не магло сапсаваць прыўзняты настрой ад заканчэння васьмага класа. Ні для тых, хто збіраўся ісці ў дзевяты, ні для тых, хто вырашыў паспрабаваць паступіць у тэхнікум. Ці, як я, у вучэльню. Усе чакалі вакацый, яны – свята для кожнага» [3, 50].

На фоне прыроднай гармоніі і агульнага спакою выразна кантрастным з'яўляецца настрой цэнтральнага персанажа Алега Барадаўкі: «Ён нерваваўся і цёр шыю. Я сядзеў за яго спіной і глядзеў яму ў патыліцу і на ружовую шыю з доўгай драпінай» [3, 50].

Далейшае развіццё сюжэтнай лініі вылучаецца дынамізмам і інтэнсіўнасцю, а менавіта гэтыя якасці вызначаюцца даследчыкамі ў якасці адных з асноўных жанравызначальных прыкмет.

Напрыклад, літаратуразнаўца М. Гуляеў сцвярджае: «У сувязі з адметнасцямі зместу, заснаванага на тым, што эмацыянальна ўзрушаны герой выкарыстоўвае ўсе магчымыя спосабы для дасягнення жаданай мэты, навела валодае надзвычай дынамічнай інтрыгай. <...> У аснове навелы ляжыць нярэдка якая-небудзь незвычайная падзея з жыцця асобнага чалавека ці анекдатычны выпадак з вострай нечаканай развязкай. <...> Навеліст пазбягае падрабязных бытавых, гісторыка-этнаграфічных замалёвак. Герой падаецца аўтарам перш за ўсё не ў агульнапалітычным плане, а з боку яго маральнай сутнасці» [6, 137–138].

Такія ўласцівасці тэкстаў Ул. Сцяпана, як лаканізм у апісанні падзей і характарыстыцы персанажаў, адзначае і даследчык Л. Алейнік: «Увага пісьменніка да дробязяў у паводзінах герояў – стомленых рухаў, запаволеных жэстаў, засяроджана стараных дзеянняў – выключна дакладна перадае яго стан, правакуе змрочную здагадку... Сціслая кампактнасць фраз, канкрэтыка фактаў, пільная засяроджанасць на вонкавых дзеяннях, і – асабліва дзіўна! – нейкая наўмысная адсутнасць увагі да ўнутранага жыцця персанажа...» [7, 87]. Аўтар выкарыстоўвае лаканічную, пазбаўленую другасных дэталей, але вельмі трапную характарыстыку персанажаў, якія ўведзены ў нарматыўную прастору як неад’емны элемент стварэння адпаведнага каларыту агульнага фону дзеяння, напрыклад: «За сталом сядзелі два міліцыянеры з нявыспанымі і таму злоснымі тварамі і незнаёмы мужчына ў белым медыцынскім халаце. На рукаве халата цямнелі рудыя плямы засохлай крыві» [3, 50]; «У камунальцы, на другім паверсе, пахла варанай капустай і смажанай рыбай» [3, 51]; «Алега не было ў школе тыдзень, а потым прыкльпаў. Пад вачамі цёмныя кругі, але на вуснах усмешка» [3, 51].

Адным з асноўных сродкаў выражэння навелістычнага лаканізму выступае і надзвычай распаўсюджаная ў тэкстах Ул. Сцяпана апасіяпеза: «Было тое, па словах Кацькі, позна, каля адзінаццаці, амаль ноччу» [3, 49]; «Цёмна там, ні месяца на небе, ні ліхтара на слупе... Лямпачкі толькі на комінах заводскіх гарэлі, каб самалёты не разбіваліся...» [3, 50]; «Дырэктар перачакаў, пакуль апошні падлетак увойдзе ў памяшканне, зірнуў на пусты калідор і ўздыхнуў» [3, 50]; «Шкада, што пасадзяць хлопца ў калонію, але ж ён сам і вінаваты...» [3, 50]; «Не шкадавалі. Па нырках, па пячонцы...» [3, 51]; «Кот – яго прозвішча. Больш стараўся той – малады...» [3, 51]; «Чаму тыдзень? Пяць дзён...» [3, 51]; «Вярнуліся праз месяц... Мяне адпусцілі, бо суседзі пацвердзілі, што я тым вечарам сядзеў дома і сварыўся з бацькам... І драпіны з сінжамі ад яго рук. Усё і сышлося...» [3, 52]; «Кідай... Потым зробіш» [3, 52]; «На ўсялякі выпадак прыхапіў бацькаў ліхтарык...» [3, 52]; «Надвор’е глянем і...» [3, 53]; «Зачыніў... Знайшла пра што думаць» [3, 53]; «Узяў... І ніводзін сабака не знойдзе...» [3, 53]; «Ты паляжы, паляжы...» [3, 53]; «Ну і вочы былі ў яго. Ніколі такіх вачэй не бачыў, як не павылазілі...» [3, 54]; «Пачулі, азірнуліся, убачылі, зразумелі...» [3, 54]; «Кінуць бы ім ровары ці хоць той – крадзены...» [3, 54]; «І гэта праўда, што матацыкліст ніколі не дагоніць падлеткаў на роварах...» [3, 54].

Дынамізм развіцця дзеяння дасягаецца шляхам выкарыстання выказнікаў, выражаных дзеясловамі закончанага трывання: «*Загрукацелі* цяжкія карычневыя табурэткі. Гэта міліцыянеры *падхапіліся* і *абступілі* Алега Барадаўку. Падлетка *адвялі* да акна і *пачалі разглядаць* чырвоныя драпіны і сінжкі на яго баках і спіне. Мужчына ў белым халаце таксама ляніва *падняўся* са свайго месца. Задаволена *скрывіў* рот, згодна *заківаў* міліцыянерам» [3, 50]. Інтэнсіўнасці спрыяе адсутнасць дэталізацыі падчас апісання з’яў, што суправаджаюць дзеянне, напрыклад, перадача эмацыянальнага стану персанажа: «Барадаўка пачырванел, а потым спалатнел і ледзь прытомнасць не згубіў...» [3, 50]; «У калідор выйшла Алегава маці. Яе твар быў заплаканы і сумны» [3, 51].

Як адзначалася вышэй, храналагічна-падзейная лінія твора «Драпіны» вылучаецца перарывістасцю і неаднароднасцю. Паміж другім і трэцім структурна-сэнсавымі сегментамі адлюстраваны часавы пераход, адметнай рысай якога з’яўляецца лагічная абазначанасць, выражаная на лексічным узроўні. У дадзеным выпадку ў якасці сувязнога сэнсавага элемента выступае лексема «двор», а таксама апасіяпеза: «Мне хацелася каму-небудзь расказаць пра Барадаўку, пахваліцца картамі, але на двары было пуста... У гэтым жа двары мы і сядзім на жалезных арэлях. Нам па сорок пяць гадоў. Два дарослыя мужчыны гушкаюцца, як дзеці» [3, 51].

Падзеі ў першых трох сегментах адбываюцца ў адзіным часавым адрэзку (першы – сучаснасць, другі – мінулае, трэці – і зноў сучаснасць). Спецыфічнай прыкметай заключнага сегмента з’яўляецца часовае перакрываўанне, якое дасягаецца шляхам увядзення беглай рэтраспекцыі ў сюжэтны план. На лексічным узроўні гэта дасягаецца дзякуючы ўвядзенню ў тэкставую тканіну: 1) дакладных часова-колькасных абазначэнняў: «Алега не было ў школе тыдзень... Пройдзе трыццаць гадоў, перш чым Алег раскажа мне пра звалтаванне Кацькі...» [3, 51]; 2) спалучэнняў

дзеясловаў будучага і прошлага часу ў адным сэнсавым тэкставым адрэзку: «*пройдзе* трыццаць гадоў, перш чым Алег *раскажа... раскажа* без смеху – спакойна. *Згваліў* жанчыну яго старэйшы брат... Бацька з Віталікам *падрапалі* мне бакі» [3, 51].

Навелістычная развязка прадстаўлена ў фінальным сегменце. Улічваючы факт выражэння асноўнай сюжэтнай лініі ў форме асобнага ўстаўнога аповеду ў мінулым, можна адзначыць, што сэнсавыя сегменты, прадстаўленыя ў сучасным часавым вымярэнні, выконваюць функцыю абрамлення. Кальцавая структура навелы вылучаецца лагічна завершаным характарам. Навелістычная загадка раскрыта, падстава для развіцця коды адсутнічае.

Асобнае месца ў шэрагу навел Ул. Сцяпана займае твор «Наперадзе цемра». Дадзены твор мае нетрадыцыйную з пункту гледжання структурнай арганізацыі форму. Уступны сегмент не ўтрымлівае звычайнай інфармацыі, характэрнай для тэкстаў гэтага жанру. Замест прасторава-часавай характарыстыкі, знаёмства з галоўнымі персанажамі ці аўтарскага ўводнага каментарыя ва ўступным сегменце даецца фармулёўка навелістычнай загадкі, выражанай складаназалежным пыталым сказам: «Праўда, што матацыкліст ніколі не дагоніць падлеткаў на роварах?..» [3, 52]. Акрэслены ўступны сегмент тэкстуальна адасоблены. У далейшым апаведзе чытач павінен знайсці ключ да зададзенай аўтарам навелістычнай загадкі.

У цэлым сюжэт пабудаваны на аснове супастаўлення двух самастойных аповедаў, кожны з якіх мае незалежны пачатак у развіцці падзейнага плана. Першая гісторыя пададзена фрагментарна. Гэта ўрываек з жыцця двух персанажаў Алега і Геніка. Письменнік не паглыбляецца ў дэталёвую характарыстыку адметнасцей іх побыту ці сацыяльнага становішча. Толькі дзякуючы бегламу аўтарскаму каментарыю ў святломасці чытача фарміруецца цэласная карціна. Навелістычны лаканізм у дадзеным выпадку выступае ў якасці найбольш прыдатнага мастацкага сродку: «Геніку, як і Алегу, было пятнаццаць, але выглядаў ён маладзейшы. Генікаў бацька працаваў на заводзе інжынерам, а маці дзіцячым доктарам у паліклініцы. У Геніка быў ровар, а ў Алега не было. У Геніка быў бацька, а ў Алега не было. Ад бацькі, які кінуў сям'ю, калі Алег перайшоў у чацвёрты клас, застаўся сыну ліхтарык і прозвішча» [3, 52]. Звернем увагу, што кароткая характарыстыка персанажаў аформлена згодна з навелістычным прынцыпам контрадыктарнасці. Мастацкія героі паказаны ў полі антытэтычнага ўзаемадзеяння, выражанага шляхам супастаўлення сцвярджэння і адмаўлення з часціцай «не».

Другі апавед прысвечаны апісанню жыцця сямейнай пары Андрэя Мацюхіна і яго жонкі. Навелістычная гісторыя таксама арганізавана на аснове супрацьпастаўлення, якое ўмоўна можна выразіць наступным чынам «шчасце – няпоўнае шчасце». Згадаем, што спецыфічным жанравызначальным паказчыкам навелы з'яўляецца зварот да незвычайнага, да моманту, які істотна вылучаецца на фоне паўсядзённасці. Як вядома, у свой час Гэтэ ахарактарызаваў навелу, як «адну незвычайную падзею» [8, 3]. Менавіта з абзначэння неардынарнасці сітуацыі і пачынае апавед Ул. Сцяпан: «Выкладчык ПТВ Андрэй Мацюхін сваім жыццём быў задаволены, каб не адна акалічнасць. Хоць і жонка была ў яго на пяць гадоў маладзейшая, разам працавалі, але не атрымлівалася ў яе нарадзіць дзіця» [3, 52].

Акцэнтуюем увагу на прадуктыўнасці ўжывання ў адным тэкставым адрэзку супастаўляльных злучнікаў «а», «але» і адмоўнай часціцы «не». Адзначым, што дадзеныя граматычныя сродкі шырока выкарыстоўваюцца пісьменнікам для арганізацыі нарматыўнай прасторы ўсяго твора з мэтай узмацнення гучання навелістычнай контрадыктарнасці пры апісанні: 1) псіхаэмацыянальнага стану: «Як ні спрабаваў хлопец супакоіцца – не атрымлівалася. Зубы ляскалі, а ў роце быў салёны прысмак крыві» [3, 53]; 2) апісання спосабу дзеяння: «Спіна пад летнікам узмакрэла, але ён і не думаў прыпыняцца. Але адно прыўстаў і працягваў налягаць на педалі» [3, 53]; «Можна было выцягнуць кітайскі ліхтарык і свяціць на дарогу. Можна, але падлеткі хацелі даехаць да пасёлка, дзе жылі майстры і выкладчыкі вучэльні, незаўважанымі» [3, 53]; «Ровар падскочыў на рэйках, але гэтым разам Генік ні язык, ні губу не прыкусіў...» [3, 53]; «Генікаў ровар яны схавалі ў кустах пад тэлеграфным слупом, а самі крыху счакалі і падаліся да дома пад шыферным дахам» [3, 54].

Не менш прадуктыўным у творы Ул. Сцяпана «Наперадзе цемра» з'яўляецца выкарыстанне аднародных выказнікаў, выражаных дзеясловамі, з мэтай акцэнтацыі ўвагі чытача на асноўным дзеянні, дасягнення стварэння эфекту дынамічнасці пры лаканічным мастацкім афармленні сюжэтнага плана. Аналіз дадзенага тэксту дазваляе таксама вылучыць і такі спосаб мастацкага

стварэння ефекту навелістычнай інтэнсіўнасці дзеяння, як ужыванне простых аднасастаўных сказаў: «Гэтым разам Алег хутка *нахіліўся*. *Сханіў* ладны глыж і *кінуў*... Генік *застаўся трымаць* ровар. Алег *кінуўся* на сабаку. Той *спалохаўся* і *ўцёк*» [3, 54]; «Генік нячутна *адчыніў* і *зачыніў* брамку. *Вырашылі – зрабілі*... *Едуць, імчаць, ляцяць*. *Выскачылі* з гравейкі на шашу. Ноч – машын няма. А за імі следам, праз пару хвілін, *вылятае* на шашу гаспадар скрадзенага хлопцамі ровара. Фару свайго матацыкла *ўключыў*. *Пачулі, азірнуліся, убачылі, зразумелі*...» [3, 54]; «*Перабярэ, пафарбую і будзем ганяць*...» [3, 53].

Нечаканы паварот у развіцці падзейнай лініі лексічна абазначаны адпаведным па сэнсавым нападзенні прыслоўем «раптам»: «*Раптам* шлагбаум на чыгуначным пераездзе павольна падняўся. І падлеткі на роварах, і мужчына на траскучым матацыкле з люлькай бязгучна папылі ў іншы свет, які лічыцца лепшым» [3, 54]. Сэнсавая лагічная завершанасць тэксту дасягаецца дзякуючы змешчанай у канклюдзіўным сегменце разгадкі ў форме адказу на пастаўленае ў пачатку твора пытанне: «І гэта праўда, што матацыкліст ніколі не дагоніць падлеткаў на роварах» [3, 54]. Іншымі словамі, дадзена наведла створана па прынцыпу арыфметычнай задачы: заданы пэўныя ўмовы і сфармулявана пытанне. Экзамэнуемы павінен прымяніць адпаведны спосаб рашэння з мэтай знаходжання правільнага адказу. У творы «Наперадзе цемра» пасля раскрыцця навелістычнай кульмінацыі аўтар змяшчае ў фінале ўласны каментарый – правільны адказ на пастаўленае пытанне. Навелістычная задача вырашана. Чытач, які ўвесь час знаходзіўся ў ролі экзаменуемага, удала справіўся з пастаўленай мэтай.

Вывады

Праведзенае даследаванне дазваляе вылучыць некаторыя адметнасці сюжэтна-кампазіцыйнай арганізацыі навед Ул. Сцяпана: развіццё сюжэтнай лініі ў творах аўтара адбываецца на аснове антытэтычнасці, кантрасту, а таксама характарызуецца дынамізмам і інтэнсіўнасцю, аповед часта вядзецца шляхам разгорнутага рэтраспекцыйнага паказу і выкарыстання элементаў псіхалагічнага пісьма, што садзейнічае пашырэнню наратыўнай прасторы і выхаду за межы жанру навелы. Апісанне падзей і характарыстыка персанажаў вылучаецца лаканізмам, аднымі з асноўных сродкаў выражэння якога з'яўляюцца апасіяпеза і ўжыванне неразвітых аднасастаўных сказаў. Некаторыя навелы маюць завершаную кальцавую структуру.

Літаратура

1. Жанровое разнообразие современной прозы Запада / отв. ред. Д. В. Затонский. – Киев : Наукова думка, 1989. – 304 с.
2. Сцяпан, Ул. Півонія [Тэкст] / Ул. Сцяпан // Сучасная беларуская проза: Традыцыі і наватарства / Ул. Сцяпан. – Мінск : Сэр-Віт, 2003. – С. 626–632.
3. Сцяпан, Ул. Драпіны. Наперадзе цемра [Тэкст] / Ул. Сцяпан // Полымя. – 2008. – № 8. – С. 49–54.
4. Волков, И. Ф. Теория литературы [Текст] : учеб. пособие / И. Ф. Волков. – М. : Просвещение; Владос, 1995. – 256 с.
5. Эйхенбаум, Б. М. О. Генри и теория новеллы [Текст] / Б. М. Эйхенбаум // Литература. – Л. : Литература, 1927. – С. 166–209.
6. Гуляев, Н. А. Теория литературы [Текст] : учеб. пособие для пед. ин-тов / Н. А. Гуляев. – М. : Высш. шк., 1985. – 271 с.
7. Алейнік, Л. Здольны... Адораны... Таленавіты... [Тэкст] / Л. Алейнік // Полымя / Л. Алейнік. – 2008. – № 2. – С. 86–91.
8. Мелетинский, Е. Историческая поэтика новеллы [Текст] / Е. Мелетинский. – М. : Наука, 1990. – 279 с.

Summary

The article substantiates the peculiarity of a plot and a structure of short stories by a modern Bellorussian author Uladzimir Stsjapan. The conclusion made is that any plot is based on the contrast, action is dynamic, a narration includes retrospection, elements of psychological characteristics. Some short stories have a circular structure.

Паступіў у рэдакцыю 12.05.10.

УДК 81'367

Лю Цзюань

**ФОРМЫ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

В статье представлена попытка классифицировать несобственно-прямую речь (НПР) как художественно-стилистический приём с позиции структурного принципа. Дается анализ четырех структурных типов НПР, рассматриваются особенности их употребления в разных текстах русской художественной литературы.

Введение

Несобственно-прямая речь (НПР) имеет многочисленные и многообразные разновидности. Она оформляется как в виде слов и словосочетаний, так и в виде предложений, как наподобие отдельных вопросов и восклицаний, так и наподобие развернутых внутренних монологов. Богатство разновидностей НПР дает ей возможность употребляться в любой подходящий момент в художественном тексте в зависимости от замысла автора. Поэтому представить классификацию НПР важно для раскрытия сущности данного приема, выявления его стилистической функции, для анализа развития НПР как способа передачи чужой речи. Как известно, основное требование классификации – это единство основания, поэтому по разным основаниям классификации НПР выглядят по-разному. В данной работе предпринята попытка представить типологию НПР с учетом её различных структурных особенностей.

Результаты исследования и их обсуждение

В соответствии со структурным подходом можно выделить четыре типа НПР: 1) НПР, имеющая форму слов и словосочетаний; 2) НПР в форме короткого самостоятельного предложения или части сложного предложения, начатого автором; 3) НПР в развернутой форме; 4) НПР в осложненной форме.

Рассмотрим последовательно каждый классификационный тип несобственно-прямой речи.

1. Несобственно-прямая речь в форме слов и словосочетаний

Этот тип НПР характеризуется тем, что «основную нить рассказа ведет автор, но время от времени он как бы приоткрывает дверь и позволяет выглянуть герою, позволяет ему сказать свое слово» [1, 26]. НПР здесь имеют форму отдельных слов и выражений, присущих действующему лицу, но вкрапленных в авторский контекст. Такой структурный тип собственно-прямой речи реализуется в скрытой, медитативной форме. Он не является способом выражения отдельной мысли, а лишь указывает на точку зрения персонажа, например:

1. *Тихон Петрович, встречаясь с Настей, смущался. Ему было совестно при мысли, что Настя и Машенька считают его хозяином дома. Хозяином! И слово какое-то неприятное.* (К. Паустовский)

2. *Он посмотрел на княгиню, которая так мила была ему минуту тому назад, и ему не понравилась та манера, с которой она, как к себе в дом, приветствовала этого Васеньку с его лентами.* (Л. Толстой)

При использовании этого типа НПР для выявления слов персонажа часто приходится прибегать к смысловым признакам, учитывая, что «слово авторской речи может называть предмет сообщения так, как его называет персонаж, отражая точку зрения персонажа – в этом случае сообщение о предмете опосредовано чужой точкой зрения и соответственно – чужим словом» [2, 290]. Чтобы выявить «чуждость» для автора слов и словосочетаний, следует также сравнить текст, включающий предполагаемую НПР, с речью персонажей и с авторитетно-авторским повествовательным стилем.

Кроме чисто смысловых признаков, у НПР этого типа иногда существуют и «объективные» сигналы, которыми являются специальные слова автора, указывающие на то, кому именно принадлежит слово:

Михаил Иванович вошел... в гостиную, и его, как ножом, резанул, как ему показалось, отратительный, злой крик ребенка из соседней комнаты. (Л. Толстой)

В этом примере слова «ему показалось» подчеркивают «чуждость» слов «*отвратительный, злой*» авторскому контексту.

Как мы видим, в приведенных примерах НПР не выходит из синтаксических границ авторской речи, не нарушает строя авторского повествования. Грань между НПР и авторской речью почти стирается, что и является особенностью НПР данного типа. Авторское отношение к персонажу, его оценка чужого слова – положительная или негативная – часто отражаются в семантике употребленного чужого слова.

2. Несобственно-прямая речь в форме короткого самостоятельного предложения или части сложного предложения, начатого автором

В этом типе НПР передаются отдельные мысли персонажа, незаконченные или законченные, например:

1. *Авдей до сих пор глядит на поезда неприязненно. Раз в жизни ехал и он по железной дороге. И закаялся: все время кружится голова, все время страшно...* (И. Бунин)

2. *Учитель нервно курит, хмурится: нет, ничего путного не выходит из его расспросов!* (И. Бунин)

Будучи частью бессоюзного предложения, НПР в этом случае не только синтаксически тесно связывается с авторским повествованием, но и по смыслу не выходит за пределы авторского повествования.

Признаками данного типа НПР являются, прежде всего, смена временного плана, изменение модальности, употребление бессоюзного предложения:

1. *Сел огромный молодой человек в огромном коверкотовом костюме, на пиджаке которого отчаянно блестели новенькие черные пуговицы. Старичок уставился в глаза парню – почему-то в них приятно смотреть: они какие-то ужасно доверчивые.* (В. Шукшин)

2. *Михайлов вскочил, оделся и, голый по пояс, пошел во двор под тепловатый душ. Он мылся, слушая, как в окрестных пыльных дворах восторженно рыдали ослы, и вздыхал. Да, тоскливый день рождения, без единого подарка! Ну, что же, ничего не поделаешь. Будем взрослыми, будем мужчинами!* (К. Паустовский)

3. *Она поет уже как бы на эстраде: полным голосом, со всей выразительностью художественности, проходит с аккомпаниатором всю свою программу – и чувствует: работа не пропала даром! Но кто все-таки знает, что ждет ее вечером? Триумф или гибель?* (И. Бунин)

Благодаря этим ярким признакам, НПР описываемого типа бросается в глаза даже тогда, когда она постоянно перемежается с авторской речью. Ср.:

Марья Алексеевна... подумав, поняла, что не отправляться – гораздо умнее. О, это хитрая штука! – и точно: неделю через две Анна Петровна зашла сама... когда Верочка ушла, Марья Алексеевна сейчас поняла: да, уйти лучше всего – пусть ее допекает сын, это лучше!

...Марья Алексеевна отдавала Верочке под именем вещей, оставшихся невыкупленными в зале: неудобно же было, чтобы жених видел хоть некоторые из своих вещей на невесте. Он видел и убеждался, что Верочка решила согласиться – иначе не принимала бы его подарков; почему ж она медлит? Он сам понимал, и Марья Алексеевна указывала, почему: она ждет, пока совершенно обездится Анна Петровна... (Н. Чернышевский)

В цитируемом отрывке главную роль при выделении НПР играют бессоюзные предложения. Фрагменты НПР, являющиеся частями сложных предложений, начатых авторским повествованием, соответствуют речевой характеристике персонажей, насыщаются эмоциональностью и разговорностью, достигнутой при употреблении восклицательного предложения, вопросительного и незаконченного. В данном примере оформление НПР в одном предложении с авторским повествованием еще и создает контраст нейтрального авторского повествования с экспрессивной речью персонажей. И этот контраст увеличивается благодаря постоянному чередованию авторской речи с речью персонажей.

НПР в форме короткого самостоятельного предложения или части сложного предложения, начатого автором, проявляют свои отличительные признаки, которые, как правило, не выступают отдельно, например:

Приятная усталость обняла его и тихо закрыла веки... Хорошо на теплой печке старому телу! (И. Бунин)

В этом контексте в качестве признаков НПР выступают одновременно и смена временного плана, и изменение модальности с помощью восклицательного предложения.

3. Несобственно-прямая речь в развернутой форме

НПР этого типа реализуется в открытой, экспрессивной форме. Вследствие этого данный тип НПР резко отличается от первых двух типов своей распространенностью и эмоциональной насыщенностью. Если два типа НПР, рассмотренные выше, представляют точку зрения персонажа и выражают отдельные его мысли, то в этот тип входит НПР, выражающая внутреннюю борьбу, процесс сознания, психологическое переживание персонажей. Здесь автор как будто не существует, максимально устраняется из субъективно-оценочного плана повествования, уступая свое место герою. При использовании этого типа в тексте граница между авторской и несобственно-прямой речью отчетливая, например:

1. *Его мобилизовали. **Позвольте! У него слабое здоровье! Что ж, он будет служить в санитарном поезде. Но он не хирург. Он не умеет извлекать пули и накладывать гипс!... Это сделают другие; а он будет возить раненых и смотреть за ними в дороге, чтобы не болели, чтобы выздоравливали. И пусть не беспокоится – при надобности его научат и пули извлекать... Но он не хочет, чтобы его изувечили! Он боится бомб! Боится страданий!***

– Повоюй, Павлик, ничего, надо воевать, – бормотала мать, собирая его. (В. Панова)

2. *Вдруг он обмер: два огненных глаза смотрели на него в темноте и зловецю, адскую радость блестели эти два глаза. Это не Крестьян Иванович! Кто это? Или это он? Он! Это Крестьян Иванович, но только не прежний, это другой Крестьян Иванович! Это ужасный Крестьян Иванович!...* (Ф. Достоевский)

Нетрудно заметить, что приведенные примеры отличаются в первую очередь, многочисленными синтаксическими комплексами, интонационно и структурно вычленяемыми из авторской речи: вопросительные предложения с разной степенью вопросительности, восклицательные предложения, синтаксические структуры разговорной речи. Поэтому можно сказать, что признаками НПР данного типа являются различные экспрессивные синтаксические конструкции: параллельные конструкции, конструкции с инверсией, риторические вопросы, восклицания, например:

*Когда поезд скрывается, мужик, безо всякого желания, с притворным наслаждением крякая, выпивает две кружки теплой воды из станционной бочки, вытирает рукой рот и бредет домой. Бредет он не спеша: время неопределенное, ни дневное, ни вечернее – в такую пору делать нечего, думать не хочется, да неопределенна и погода: **зашло солнце за облачко – не жарко и в полушубке, хотя, конечно, можно было и не надевать его ...*** (И. Бунин)

Здесь мы видим, что НПР является частью сложного распространенного предложения. Нарушение порядка слов придает повествованию оттенок разговорности, указывающий на принадлежность речи персонажу. Таким образом, граница между авторской речью и НПР становится ясной.

НПР особенно явно отделяется от авторского повествования тогда, когда реализуется в виде целого ряда самостоятельных восклицательных предложений, что ярко проявляется в отрывке из К. Паустовского:

Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев, срывала листья, качала траву, била в лицо прохладными брызгами. Дагни почувствовала порыв воздуха, исходивший от музыки, и заставила себя успокоиться.

Да! Это её лес, её родина! Её горы, песни рожков, шум её моря! ... Так, значит, это был он! Тот седой человек, что помог ей донести до дому корзину с еловыми шишками. Это был Эдвард Григ, волшебник и великий музыкант! И она его укоряла, что он не умеет быстро работать.

Так вот тот подарок, что он обещал сделать ей через десять лет! (К. Паустовский)

Приведенный текст достаточно выразительно показывает, как после лирического авторского повествования, рисующего волшебный мир музыки, звучит НПР героини, которая построена в виде риторических восклицаний, что отличается от авторского повествования обилием эмоций и наличием выразительной интонации. НПР здесь имеет форму восклицательных предложений, которые глубоко отражают волнение героини во время слушания музыки. Заметим, что в данном случае в этих риторических восклицаниях слышится и голос автора, и его восхищение музыкантом.

В НПР, имеющей развернутую форму, важным признаком является наличие вопросительной конструкции. Цепь вопросительных предложений не только эффективный способ изменения модальности. Они еще выполняет и экспрессивную функцию, без которой НПР данного типа редко встречается.

Наиболее выразительной НПР развернутого типа получается в результате сочетания вопросительных предложений и восклицательных. В таком случае НПР всегда легко вычленяется из контекста. Ср.:

– Да, дядя... тети... – пробормотал Сашка. – Мгм... – Он думал, что бы сделать? **Как поступить? Оставлять всё в таком положении он не хотел. Не мог просто. Его опять трясло. Прямо трясун какой-то! Он решил дождаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? С какой стати он выскочил таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, хамоватому начальству?! Угодить во что бы то ни стало! Ведь сами расплодили хамов, сами! Никто же нам их не завез, не забросил на парашютах. Сами! Пора же им и укорот сделать. Они же уже меры не знают... Так примерно думал Сашка. И тут вышел этот, в плаще.** (В. Шукшин)

С помощью вопросительных и восклицательных предложений в речи персонажа выражаются гнев и недовольство. В то же время в этих эмоционально возвышенных интонациях звучит крик и самого автора, который как будто задает вопросы обществу: *Как можно так относиться к человеку? Где справедливость?*

4. Несобственно-прямая речь в осложненной форме

Предыдущие три типа НПР, рассмотренные нами, строятся как бы в чистом виде, несмотря на большую или меньшую протяженность и экспрессивность. Но иногда НПР, выступая в традиционной функции и передавая внутреннюю речь персонажей, утрачивает свою монологичность и замкнутость. Она либо строится как диалог, либо включает в себя слова других персонажей, фрагменты описательного и повествовательного характера. Ниже мы рассмотрим эти случаи.

НПР в осложненной форме может строиться как диалог, который состоит либо из разговора с самим собой, либо из обращения к отсутствующему собеседнику. Диалогизированная НПР давно уже существует в русской художественной литературе, примеры можно найти, в частности, у Пушкина. Несмотря на то что после Пушкина НПР такого типа широко представлена в художественной литературе, до сих пор в литературе нет его полного научного описания. Причина этого может быть в том, что НПР в основе своей является средством передачи внутренней речи персонажа в форме монолога. Хотя в 1929 году Г. О. Винокур уже говорил о собеседниках во внутренней речи: «Уже само по себе понятие “язык” предполагает известную социальную среду, в которой это понятие реализуется. Язык, прежде всего, есть средство социального общения и понимания. Язык, для того чтобы быть языком, должен быть понятен по крайней мере двум индивидуумам. Даже так называемая “внутренняя речь” всегда есть речь между «собеседниками», хотя бы и сливающимися в данный момент в одно лицо, т. е. всегда предполагает сообщение и понимание» [3, 24]. Поэтому можно сказать, что существование диалогизированной НПР соответствует сущности языка, и изучение данного явления имеет большое значение.

Известен также интерес М. М. Бахтина к явлению «собеседников» во внутренней речи. Он рассматривал его как диалогичность слова. По мнению исследователя, «диалог изучался лишь как композиционная форма построения речи, но внутренняя диалогичность слова (как в реплике, так и в монологическом высказывании), проникающая всю его структуру, все его смысловые и экспрессивные пласты, почти вовсе игнорировалась... Внутренняя диалогичность слова находит свое выражение в ряде особенностей семантики, синтаксиса и композиции, до сих пор совершенно не изученных лингвистикой и стилистикой» [4, 92–93]. М. М. Бахтин открывал сущность диалогичности монолога следующими словами: «Представим себе диалог двух, в котором реплики второго собеседника пропущены, но так, что общий смысл нисколько не нарушается. Второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника. Мы чувствуем, что это – беседа, хотя говорит только один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на не сказанное чужое слово» [5, 90]. Из этих слов М. М. Бахтина становится ясно, что когда высказывание по форме выступает как монолог, а за монологической формой скрывается диалог, то это высказывание является диалогизированным. НПР традиционно оформляется как монолог, но постоянный потенциал столкновения двух сознаний в одном слове отражается в ней, например:

– Павел, – в раздумье начал Ваганов про то главное, что томило, – хочу с тобой посоветоваться... – Ваганов прислушался к себе: **не совестно ли, как мальчишке, просить совета у дяди? Не смешон ли он? Нет, не совестно, и вроде не смешон. Что уж тут смешного!** (В. Шукшин)

В этом примере сомнения персонажа в своем поступке и его решительность сталкиваются. Это столкновение передается здесь как беседа персонажа с самим собой и с другим персонажем в форме НПР.

Диалогизированная НПР активно развивается, она приобретает и развернутый характер. Иногда диалогизированная НПР передается в комплексе с репликами прямой речи, например:

Нужно сказать, что следствию на каждом шагу приходилось преодолевать непредвиденные трудности. Ниточка то и дело рвалась в руках.

– Афиши-то были? Были. Но за ночь их заклеили новыми, и теперь ни одной нет, хоть убей!

Откуда взялся этот маг-то самый? А кто же его знает. Стало быть, с ним заключали договор?

– Надо полагать, – отвечал взволнованный Василий Степанович.

– А ежели заключали, так он должен был пройти через бухгалтерию?

– Всенепременно, – отвечал, волнуясь, Василий Степанович.

– Так где же он?

– Нету, – отвечал бухгалтер, все более бледнея и разводя руками.

И действительно, ни в папках бухгалтерии, ни у финдиректора, ни у Лиходеева, ни у Варенухи никаких следов договора нет. Как фамилия-то этого мага? Василий Степанович не знает, он был вчера на сеансе. Капельдинеры не знают, балетная кассирша морщила лоб, морщила, думала, думала, наконец, сказала:

– Во... Кажись, Воланд...

– А может быть, и не Воланд? Может быть, и не Воланд. Может быть, Фаланд.

(М. Булгаков)

В этом отрывке диалогизированная НПР осложнена тем, что она объединяется с репликами, представляющими собой прямую речь. Несмотря на все сложности и разнообразие НПР этой разновидности, нельзя не признать, что, как формы речи, диалог и монолог существуют не отдельно, а во взаимосвязи, и здесь уместно вспомнить слова С. В. Светаны: «Помимо внешних признаков диалогичности, в монологе отражается внутренняя диалогичность слова, если, например, спорят мысли и факты, сталкиваются разные точки зрения, опровергаются устоявшиеся мнения. В каждом конкретном случае монолог строится по законам своей драматургии» [6, 40]. Диалогизированная НПР появляется именно тогда, когда мысли персонажа спорят или сталкиваются разные точки зрения. Она более оживленно передает точку зрения персонажа и более сильно воздействует на читателей, которые вольно или невольно готовы участвовать в этом диалоге.

Кроме диалогизации, НПР осложняется еще и включением в себя чужих слов – слов других персонажей. Усложнение НПР связано еще и с тем, что она включает в себя фрагменты описательного и повествовательного характера.

Выводы

Анализ четырех типов НПР показывает, что каждый из них имеет и свою специфику, и общие элементы.

Выделение НПР из авторского повествования происходит не только по грамматическим признакам, но и по смысловым.

С развитием авторского повествования НПР становится более разнообразной и структурно, и семантически.

Литература

1. Соколова, Л. А. К вопросу о несобственно-прямой речи / Л. А. Соколова // Учен. зап. Томск. пед. ин-та. – Т. XVI. – 1957.
2. Ковтунова, И. И. Несобственно-прямая речь в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1956.
3. Винокур, Г. О. Культура языка / Г. О. Винокур. – М., 1929.
4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М., 1975.
5. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1994.
6. Светана, С. В. О диалогизации монолога / С. В. Светана // Филологические науки. – 1985. – № 4.

Summary

Based on the studies on the Russian classic literature, the author analyzes the commons and differences of free indirect speeches in the grammatical and rhetoric expressions; as well summarizes the methods to identify the difference of free indirect speeches in literature.

Поступила в редакцию 15.04.10.

УДК 811.161.3'373.4

І. С. Канавалава

**ДА ПРАБЛЕМЫ ВЫЗНАЧЭННЯ ПАНЯЦЦА
«АНТЫПРЫКАЗКА»**

Артыкул прысвечаны праблеме вызначэння паняцця «антыпрыказка» як лінгвістычнай з’явы і яго метамоўнага абгрунтавання. У артыкуле робіцца кароткі гістарычны агляд развіцця жанру антыпрыказак. Разглядаюцца існуючыя тэрміналагічныя найменні разнастайных пераробак прыказак. Азначаецца, што выкарыстанне тэрміна «антыпрыказка» ў якасці родавага для абазначэння мэтанакіраваных трансфармацый прыказак з мэтай іх наймыснага асмянення ці парадывання з’яўляецца цалкам апраўданым. У артыкуле разглядаецца шырокае і вузкае разуменне паняцця антыпрыказкі. Выказваецца меркаванне, што ўстойлівасць не з’яўляецца вызначальнай прыметай антыпрыказак, паколькі супярэчыць іх прыродзе.

Уводзіны

Прыказкі ўзніклі ў даўнія часы і да сённяшняга дня з’яўляюцца адным з асноўных сродкаў і спосабаў адлюстравання народнага мыслення. Прыказкавы фонд мовы складаецца з трапных павучальных устойлівых афарыстычных выслоўяў, у якіх тыпалагізуюцца прыватныя жыццёвыя з’явы, абагульняюцца адна тыпныя сітуацыі, фармулюцца агульныя прынцыпы погляду на свет.

Адначасова з ужываннем прыказак у традыцыйнай форме яны вельмі часта пераўтвараюцца ў маўленні з мэтай парадывання, высмейвання, абвяржэння агульнавядомых прыказкавых ісцін. Такая «жартоўная або сур’ёзная гульня з прыказкамі» дзеля «крытычнага супрацьстаяння старой мудрасці» [1, VI] атрымала шырокую распаўсюджанасць у наш час, хоць і ўзнікла, відаць, разам з самімі прыказкамі.

Мэта дадзенага артыкула – канцэптуальнае і метамоўнае вызначэнне парадыйных і жартаўлівых пераўтварэнняў парэмій, якія ў сучасным навуковым асэнсаванні проціпастаўляюцца традыцыйным прыказкам і атрымалі назву «антыпрыказкі».

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Жартоўнае абыгрыванне сэнсу прыказак – з’ява даўно вядомая, яна з’яўляецца такой жа традыцыйнай, як і самі прыказкі. Аднак актыўнасць трансфармацый прыказак у маўленні не была аднолькавай, мела цыклічны характар, а самі трансфармацыі ўжываліся з рознымі мэтамі ў розныя гістарычныя эпохі. Так, моўная гульня з прыказкамі ў антычныя часы мела на мэце высмейванне зладзённых палітычных падзей, сацыяльных з’яў; у эпоху Сярэднявечча і Рэнесансу яна была адным са сродкаў і спосабаў карнавалізацыі рэчаіснасці, у Новы час з яе дапамогай ставілася пад сумненне дагэтуль бяспрэчная і неабвержная народная мудрасць.

Жартаўлівая, парадыйная пераўтварэнні прыказак сустракаюцца ў творах многіх еўрапейскіх пісьменнікаў і філосафаў, пачынаючы з канца XVIII стагоддзя (Э. Канта, Ё. Гётэ, Ф. Шылера, Вальтэра і інш.). Шырока прадстаўлены трансфармаваныя прыказкі, напрыклад, на старонках твораў А. дэ Бальзака «Першыя крокі ў жыцці», «Страчаныя ілюзіі», «Баламутка» і інш.: *Chat échaude craint l’eau froide* («Кошка, якая апяклася, дзьме на ваду»); *Il faut ourler avec les loups* («З ваўкамі жыць, па-воўчы шыць») і да т. п. Пераробленыя прыказкі ўжываюцца ў творах рускіх пісьменнікаў XIX–XX ст.: *Чужая душа – потёмки, а кошачья и подавно* (А. П. Чехов); *Вольному воля, а спаси нас рай, Не так страшен чёрт, как его малютки* (Н. С. Лесков) і інш.

Сустракаецца моўная гульня з прыказкамі і ў беларускай літаратуры, драматургіі, публіцыстыцы, параўн.: *Баба волас доўгі мае, Каго хочаш ашуквае* (Я. Колас, «Новая зямля»); *Хто пасеяў, той і сажне* (І. Гурскі, «Вецер веку»); *Майстра па вушах відаць* (М. Лужанін, «Заклік»); *Хто рана ўстае, таму і калгас дае* (А. Макаёнак, «Таблетку пад язык»); *Цішэй едзе, у хвасце будзе!* (М. Пянкрат, «Шчасце маё»); *У здаровым целе – здаровы смех* (У. Правасуд, «Самы сур’ёзны дзень»); *Доктар доктару вока не выключе* (Г. Марчук, «Голас і слова»); *Слова – не верабей. Вылеціць – і заплаціш...* («Чырвоная змена», 2 лістапада 1999 г., № 164); *Знаць ляха па халявах* («Літаратура і мастацтва», 2000 г., № 12); *Перажывём – пабачым* («Літаратура і мастацтва», 2001 г., № 3) і да т. п.

Парадыраванне прыказкавай мудрасці трэба лічыць не адхіленнем ад пазітыўнага асэнсавання рэчаіснасці, а заканамернай з'явай, паколькі змест «прыказак ніколі не ацэньваўся людзьмі як непарушная ісціна. Адаючы даніну дыдактычнай мудрасці прыказак, людзі таксама заўважалі іх абмежаваныя магчымасці пры ўжыванні як універсальных правіл паводзін...». Да таго ж «часам прыказкі з'яўляюцца проста залішне нягнуткімі і абмежаванымі ў сваёй мудрасці» [2, 1]. Жартаўлівыя пераробкі прыказак, у тым ліку і парадыйныя, заўсёды функцыянавалі паралельна з прыказкамі ў іх традыцыйнай форме, паколькі самі «прыказкі ніколі не разглядаліся як нешта недатыкальнае, свяшчэннае; наадварот, яны часта выкарыстоўваліся як сатырычныя, іранічныя або гумарыстычныя каментарыі да пэўнай сітуацыі» [3, 452].

Наўмыснае скажэнне ўстойлівых выказаў вельмі пашырана ў розных сучасных еўрапейскіх мовах: англійскай (*Marry in haste, and pay alimony at leisure; Eat, drink and be merry for tomorrow they may recall your credit card*), нямецкай (*Lügen haben schöne Beine; Gegensätze ziehen sich an. Und dann aus*), французскай (*Il faut battre son frere quand il est chaud; Comme on fait son nid on se couche*), чэшскай (*Rradenýmu koni nekoukej na zuby!; Svět se mění, jen ODS zůstává stejná*), сербскай (*Ko drugome jamu kopa sam u New Orleans; Ne jedi govna kad je burek 0.80 centi*), польскай (*Gdzie kucharek sześć, tam cycków dwanaście; Gdyby kózka nie skakala, to by ślimak wystaw rogi*), рускай (*Старого воробья без пива не прожужьшь; Голод не тётка — в лес не убежим*), украінскай (*Своє болото ближче до тіла; Сміється той, хто сміється після іспиту*), беларускай (*Каб ведаў, дзе ўпадзеш, дык не ніў бы да чорцікаў; Чым бы дзіця ні цешылася, абы бацькі не плакалі*). Гэта сведчыць, што парадыйныя і жартаўлівыя пераўтварэнні прыказак маюць інтэрнацыянальны характар.

Інтэнсіўнасць, з якой адбываецца працэс пераўтварэння прыказак у наш час, патрабуе іх фіксацыі, сістэматызацыі і рознабаковага вывучэння. У выніку парадыйнага абыгрывання, «асмяяння», скажэння, «выварочвання ўстойлівага і прывычнага» сфарміраваўся «цэлы пласт спецыфічнага моўнага матэрыялу, які да гэтага часу не мае дакладнага тэрміналагічнага абазначэння» [4, 7]. Таму адной з актуальных задач парэміялогіі і мовазнаўства на сучасным этапе з'яўляецца канцэптуальнае і метамоўнае вызначэнне тых адзінак, якія ўтвараюцца ў выніку моўнай гульні з прыказкамі.

Нягледзячы на старажытнасць феномена моўнай гульні з прыказкамі, іх нетрадыцыйныя формы не маюць на сённяшні дзень агульнапрынятага тэрміналагічнага наймення. Для азначэння разнастайных пераробак прыказак ужываюцца розныя тэрміны і тэрміналагічныя спалучэнні (у тым ліку апісальнага характару), параўн.: «трансфармацыі» [5], «бясэсэнсіцы» [6], «афарызмы, утвараюцца на аснове агульнавядомых» [7], «кукізмы» [8], «субстандартныя прыказкі» [9], [10], «камічныя афарызмы» [11], «неапрыказкі» [12], «квазіпрыказкі» [13], «палімпсесты» [14], «правербіяльныя трансфарманты» [15], «новыя рускія прыказкі» [16], «прыказкавыя трансформы» [17] і інш.

Амерыканскі парэміёлаг В. Мідэр, які сабраў і лексікаграфічна апрацаваў парадыйныя і жартаўлівыя перафразаванні нямецкіх [1], [18]–[22] і англа-амерыканскіх прыказак [2], [23], прапанаваў назваць такія перафразаванні прыказак «антыпрыказкі» (ням. Antisprichwörter, англ. anti-proverbs) ці перакручаныя (скажоныя) мудрасці (ням. verdrehte Weisheiten, англ. twisted wisdom). Гэты тэрмін, дзякуючы лексікаграфічным працам Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі [24]–[26], замацаваўся ва ўсходнеславянскай (прынамсі, рускай) парэміялогіі.

У межах асобных нацыянальных філалагічных традыцый час ад часу з'яўляюцца спробы стварыць агульную назву для ўсіх трансфармаваных прыказак. Так, вядомы рускі літаратуразнаўца і філолаг М. Н. Эпштэйн прапанаваў назваць перафразаваныя прыказкі «іншасловіцы» (рус. «инословицы») і адзначыў, што «іншасловіцы толькі ў рэдкіх выпадках выступаюць як “анты” ў адносінах да сваіх прататыпаў (і ў гэтым выпадку іх можна было б называць “процісловіцы” (рус. “противословицы”))» [27].

Трэба адзначыць, што з прычыны адносна непрацяглага часу навуковага вывучэння парадыйных і жартаўлівых перафразаванняў прыказак (прынамсі, з пачатку 1980-х гадоў пасля з'яўлення прац В. Мідэра), ні адзін з прапанаваных вышэй тэрмінаў пакуль не ўвайшоў у існуючыя лінгвістычныя даведнікі.

На наш погляд, у якасці родавага для абазначэння мэтанакіраваных трансформаў прыказак з мэтай іх наўмыснага асмяяння ці парадывання цалкам апраўданым з'яўляецца выкарыстанне тэрміна «антыпрыказка», паколькі ён найбольш шырока прадстаўлены ў сучасным мовазнаўстве (у прыватнасці ў германістыцы і русістыцы) і дазваляе максімальна шырока акрэсліць межы даследуемай з'явы.

В. Мідэр адстойвае шырокае разуменне тэрміна «антыпрыказка», аргументуючы гэта цяжкасцямі дакладнага размежавання антыпрыказак і антыафарызмаў (пародый на жанр літаратурных афарызмаў), але лічыць неабходным размежаванне антыпрыказак і антыпрымавак (ням. Antiredensarten), называе апошнія перакручанымі (сапсаванымі, скажонымі) фразамі (ням. verdrehte Phrasen) ці размалочанымі (апуштошанымі) фразамі (ням. verdreschten Phrasen) [28, 9].

Ва ўсходнеславянскай парэміялагічнай і лінгвістычнай традыцыі тэрмін «антыпрыказка» з'явіўся дзякуючы выданню «Слоўніка рускіх антыпрыказак» (2002) Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі [24]. Яго істотна пашыраны варыянт пад назвай «Антыпрыказкі рускага народу» (2005) [25] – унікальны па аб'ёму (звыш за 25 000 адзінак) і зместу збор парадыйных і жартаўлівых трансфармацый прыказак і прыказкавых наватвораў – выклікаў неадназначныя адносіны як да змешчанага ў ім моўнага матэрыялу, так і да самага тэрміна і паняцця «антыпрыказка».

Х. Вальтэр і В. Макіенка наўслед за В. Мідэрам прытрымліваюцца шырокага разумення паняцця «антыпрыказка» і адносяць да яго наступныя адзінкі: пераўтвораныя прыказкі (*Семеро одного найдут*), біблейскія сентэнцыі (*Люби ближнего, но и дальнего не забывай объегорить по-родственному*), крылатыя выразы (*Пришел, увидел – отойди, дай посмотреть другому*), цытаты (*Чем я тебя породил, тем я тебя и убью*), рэкламныя слоганы (*Стиморол – непоправимо испорченный вкус*), а таксама жартоўныя дэфініцыі (*Алкоголик – человек, которого губит выпивка или её отсутствие*), нецэнзурныя парэміі (*Лучше перебз...ть, чем обоср...ся!*), кароткія жартоўныя вершы (*Мой друг, пойми – от нервов все болезни, Но сифилис и трипер – от любви!*). Усе прыведзеныя трансформы маюць розную матывацыю і канцэптуальную прыроду – ад прыныповага абвяржэння банальнай ісціны да «смеха дзеля смеху», моўнага каламбуру, зубаскальства [28, 7–8]. Крытэрыямі аб'яднання розных па сваёй прыродзе адзінак пад агульным тэрмінам «антыпрыказка», паводле Х. Вальтэра і В. М. Макіенкі, з'яўляюцца наяўнасць прэдыкатыўнай структуры, выражэння закончанага суджэння, элементаў моўнай гульні, устойлівасць [28].

Крытэрыі устойлівасці антыпрыказак аспрэчваецца некаторымі даследчыкамі. Так, А. К. Нікалаева лічыць, што выкарыстанне ў новым тэрміне «антыпрыказка» ў якасці яго часткі агульнапрынятага тэрміна «прыказка», што абазначае ўстойлівыя моўныя клішэ прэдыкатыўнага характару, вымагае, па-першае, прымяненне да ўсіх антыпрыказак бар'ера трохкратнага ўжывання, каб пацвердзіць іх статус устойлівых і ўзнаўляльных, па-другое, наяўнасць у антыпрыказках рытму, рыфмы, алітэрацыі, уласцівых традыцыйным парэміям, і па-трэцяе «магчымасць набыцця антыпрыказкамі новага абагульняючага сэнсу» [30, 42]. Трэба адзначыць, што наяўнасць у прыказках рыфмы, рытму, іншых мастацка-паэтычных якасцей з'ява пашыраная (ёю, напрыклад, ахоплена 42% беларускіх прыказак [31, 139]), але яна не з'яўляецца дыферэнцыяльнай прыметай прыказкі як моўнай адзінкі, толькі садзейнічае «лёгкаму запамінанню прыказак і іх даўгавечнаму жыццю» [31, 143], г. зн. устойлівасці і ўзнаўляльнасці. Да таго ж, як адзначае І. Я. Лепешаў, не ўсе прыказкі маюць павучальны змест, выражаюць суджэнне, маюць абагульняючы характар [31, 30].

Ставіцца пад сумненне і мэтазгоднасць лексікаграфічнага апісання ўсіх без выключэння антыпрыказак у сувязі з тым, што многія з іх маюць яскравы індывідуальна-аўтарскі характар. Так, паводле У. І. Белікава, вельмі часта «не адрозніваецца тое, што стала часткай агульнавядомага парэміялагічнага фонду, разавыя вынаходкі дасціпных журналістаў, і... тое, што прыдуманая спецыяльна для выдання слоўніка» [32]. У гэтай сувязі суадносіны назвы слоўніка Х. Вальтэра

¹ Нывырашаным застаецца пытанне наконт арфаграфічна правільнага напісання тэрміна «антыпрыказка» [29]. Х. Вальтар і В. М. Макіенка, наследуючы англамоўную традыцыю, схільныя да напісання тэрміна праз злучок («анты-прыказка»). Згодна «Правілаў беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» (2008) словы з прыстаўкамі і падобнымі да прыставак пачатковымі часткамі *a-*, *анты-*, *арта-* і інш. пішуцца разам [30, 53], што рэгламентуе ў сучаснай беларускай літаратурнай мове злітнае напісанне тэрміна.

і В. М. Макіенкі і прадстаўленага ў ім моўнага матэрыялу вызначаюцца як «парадаксальныя», паколькі «большасць варыянтаў, што ўвайшлі ў кнігу, з'яўляюцца прадуктам індывідуальнай творчасці» (відазмененыя прыказкі з Інтэрнэту, друкаваных крыніц, «уласных» спісаў (напрыклад, афарызмы М. Фаменкі), якія, «безумоўна, адлюстроўваюць працэсы тэкстазмянення, характэрныя для вуснай традыцыі, але яшчэ не з'яўляюцца ўласна-фальклорам» [32]. Вызначэнне слоўніка рускіх антыпрыказак як «папулярнага, прызначанага для шырокага кола чытачоў» А. Е. Жыгарына лічыць «свайго роду правакацыяй», паколькі, паводле яе меркавання, ужо само «чытанне зводу відазмененых тэкстаў можа стаць падставай для прымянення варыянтаў у размовах» [32]. З такім сцвярджаннем цяжка пагадзіцца. У мове, як і ў любой іншай мнагамернай дынамічнай верагоднаснай знакавай сістэме, дзейнічае прынцып адбору адзінак, які ажыццяўляецца ў жывым маўленні пад уплывам сацыяльна значных фактараў. Любая індывідуальна-аўтарская адзінка патэнцыяльна можа атрымаць статус узуальнай, калі яна стане для носбітаў мовы эпістэмалагічна актуальнай, запатрабаванай у той ці іншай сферы жыцця грамадства. Кожная прыказка прайшла шлях эвалюцыі ад аказіяльнай адзінкі, якая мела канкрэтнага аўтара-стваральніка, да узуальнай, у якой з цягам часу ўвасобілася мудрасць народа. Такім чынам, парэміялагізацыя (уваходжанне ў прыказкавы фонд мовы) асобных індывідуальна-аўтарскіх парадыйных ці жартаўлівых пераўтварэнняў прыказак – гэта натуральны працэс, які звычайна займае заўважны прамежак часу. Вызначыць жа моўны або маўленчы статус канкрэтнай адзінкі можна толькі шляхам сацыялінгвістычнага эксперыменту (накшталт вядомага «парэміялагічнага эксперыменту» Г. Л. Пермькова). Правядзенне такога эксперыменту ў дачыненні да антыпрыказак з'яўляецца адной з актуальных задач іх лінгвістычнага вывучэння.

Антыпрыказкі вызначаюцца некаторымі даследчыкамі (напрыклад, А. К. Нікалаевай) як «функцыянуючыя ў сучасным маўленні ўстойлівыя прэдыкатыўныя выразы», сапраўдныя «жамчужыны народнай мудрасці» нашага часу, «якія адлюстроўваюць сваю ацэнку і інтэрпрэтацыю свету, дэманструюць супрацьстаянне хрэстаматычнай мудрасці, закладзенай у класічных парэміях і выварочваюць яе навыварат» [30, 43]. Трэба зазначыць, што тут, на нашу думку, змешваюцца два зусім розных паняцці: сучасныя парэміі (прыказкі, якія ўзніклі ў сённяшнія дні і адлюстроўваюць сучасную ацэнку свету, напр.: рус. *Пиво без водки – деньги на ветер; Пузо не от пива, а для...*; бел. *Калі вы не любіце піва, піце гарэлку*) і ўласна антыпрыказкі (адзінкі, утвораныя на аснове даўно існуючых парэмій, з мэтай асмяяння і парадывання традыцыйнай прыказкавай мудрасці, напр.: рус. *Береги челюсть смолodu*; бел. *Рыхтуй сані летам, а пасаду з моладу*). Першыя, з'яўляюцца прыказкамі новага часу і натуральна валодаюць усімі класічнымі прыметамі прыказкавага жанру. Антыпрыказкі – якасна іншы жанр, маюць іншыя, чым у прыказак дыферэнцыяльныя прыметы, іншыя функцыі, тыпы, семантычныя і структурныя ўласцівасці, спосабы і сродкі ўтварэння.

Так, устойлівасць, на нашу думку, не з'яўляецца вызначальнай прыметай антыпрыказак, супярэчыць іх прыродзе. Адна з мэтаў стварэння антыпрыказак – супрацьстаянне таму традыцыйнаму, агульнапрынятаму, клішыраванаму, шаблоннаму, што ўвасабляецца ў прыказках. Наяўнасць у антыпрыказак устойлівасці ў маўленні не адпавядае самой мэце іх стварэння – парадывання і асмяяння догмаў, якія нельга змяніць, якія існуюць у нязменным выглядзе і ў нязменнай форме. Нельга забывацца, што антыпрыказкі «нарадзіліся не толькі як ... пратэст супраць банальнага цвярозага сэнсу і павучальнага тону традыцыйнай “народнай мудрасці”, але і як вясёлая моўная гульня, ачышчальны катарсіс, карнавальная моўная маска стомленага ад “сур'ёзнасцей” і трагедыі паўсядзённага жыцця Чалавека» [28, 8]. А моўная гульня сама па сабе не можа спараджаць устойлівыя адзінкі, паколькі прызначана не для гэтага.

На нашу думку, кампанент «прыказка» ў складзе тэрміна «антыпрыказка» абазначае «асвечанае традыцыяй правіла», «жыццёвы закон», «агульнапрынятую ісціну», супрацьстаянне якім выражаецца пры дапамозе прэфікса «анты-» (ад гр. *anti-* – ‘супраць’), што абазначае супрацьлегласць, накіраванасць супраць чаго-небудзь. Гэта дазваляе меркаваць, што ў дачыненні да антыпрыказак не дзейнічае дыхатамія «узуальнае» – «аказіяльнае», яны займаюць, калі можна так казаць, прамежкавае становішча паміж масавым і індывідуальным узнаўленнем. З гэтай прычыны антыпрыказкам уласціва разнастайнасць і рухомасць межаў корпуса, што не павінна перашкаджаць ні іх спецыялізаванаму вывучэнню, ні іх канцэнтраванаму лексікаграфічнаму апісанню [25].

Вывады

Такім чынам, антыпрыказкамі мэтазгодна называць выказванні, якія маюць структуру сказа (або звышфразавага адзінства), утвораны шляхам другаснай намінацыі на падставе трансфармацыі і адначасова на ўзор тых ці іншых шырока вядомых устойлівых адзінак (прыказак, крылатых выразаў, цытат), змяшчаюць замест патэнцыяльна чакаемага сур'ёзнага жыццёвага назірання іранічна-гумарыстычны падтэкст, які грунтуецца на наяўнасці эфекту нечаканасці.

У сувязі з актывізацыяй у сучаснай беларускай літаратурнай мове парадыйных і жартаўлівых трансфармацый прыказак (антыпрыказак) адной з актуальных задач беларускай парэміялогіі з'яўляецца фіксацыя і лексікаграфічнае апісанне беларускіх антыпрыказак, вывучэнне іх асноўных разнавіднасцей, прататыпаў, дэрывацыйных, структурных і семантычных уласцівасцей.

Літаратура

1. Mieder, W. *Verdrehte Weisheiten: Antisprichwörter aus Literatur und Medien*. Gesellschaft für Deutsche Sprache / W. Mieder. – Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1998. – 396 s.
2. Mieder, W. *Twisted Wisdom: Modern Anti-Proverbs* / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Burlington: The University of Vermont, 2002. – 260 s.
3. Litovkina, A. T. «Never do today what can be done tomorrow» – most frequent types of alteration in anglo-american and Russian proverb transformations / A. T. Litovkina // *Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah: Europhas Slovenija 2005, Strunjan, 12–14 September 2005* / uredila redaktory E. Kržišnik in W. Eisman. – Ljubljana: Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, 2007. – S. 451–471.
4. Костомаров, В. Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – СПб.: Златоуст, 2001. – 71 с.
5. Саввина, Е. Н. О трансформации клишированных выражений в речи / Е. Н. Саввина // *Паремнологические исследования: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения; сост. Г. Л. Пермяков.* – М., 1984. – С. 200–221.
6. Айсман, В. К структуре так называемых бессмыслиц / В. Айсман // *Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej / Polska Akademia Nauk, Komitet Słowianoznawstwa; pod red. M. Basaja.* – Wrocław, 1988. – IV. – S. 99–114.
7. Крейдлин, Г. Е. Структура афоризма / Г. Е. Крейдлин // *Проблемы структурной лингвистики (1985–1987) / отв. ред. В. П. Григорьев.* – М.: Наука, 1989. – С. 196–206.
8. Беликов, В. И. Паремнологические заметки / В. И. Беликов // *Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журицкого; редкол.: В. И. Беликов [и др.].* – М.: Русский учебный центр МС, 1994. – С. 252–261.
9. Мокиенко, В. М. Русские пословицы в прошлом и настоящем / В. М. Мокиенко // *Rusistika Espanola: науч. журнал по проблемам рус. яз. и лит.* – Madrid, 1991. – № 1. – С. 65–67.
10. Вальтер, Х. Пословицы русского субстандарта (материалы к словарю): экспериментальный выпуск / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Грайфсвальд, 2000. – 45 с.
11. Дамм, Т. И. Комические афоризмы в современной газете / Т. И. Дамм // *Русская речь.* – 2002. – № 5. – С. 48–52.
12. Селиверстова, Е. Чем дальше в лес, тем тише едешь: новое в пословицах / Е. Селиверстова // *Frazeologické Studie III: K 13. kongresu slavistov v L'ubl'ane / J. Mlacek, P. Ďurčo (ed.).* – Bratislava, 2003. – S. 200–211.
13. Береговская, Э. М. «Квази» (Чужой текст как материал для языковой игры): на материале фр. яз. / Э. М. Береговская // *Лингвистические исследования: сб. ст. к 75-летию проф. Владимира Григорьевича Гака / редкол.: Е. М. Александрова [и др.].* – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 23–37.
14. Исаева, А. В. Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Исаева; Гос. ин-т рус. яз. имени А. С. Пушкина. – М., 2001. – 23 с.
15. Гнедаш, С. И. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики: на материале немецкоязычной печати ФРГ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / С. И. Гнедаш. – М., 2005. – 189 с.
16. Вельмезова, Е. В. «Новые русские пословицы» и проблема классификации / Е. В. Вельмезова // *Живая старина.* – 2006. – № 1. – С. 38–41.
17. Фёдорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. Н. Фёдорова; Псков. гос. ун-т. – В. Новгород, 2007. – 20 с.

18. Mieder, W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1982. – Band I. – 235 s.
19. Mieder, W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden : Verlag für deutsche Sprache, 1985. – Band II. – 222 s.
20. Mieder, W. Antisprichwörter / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1989. – Band III. – 215 s.
21. Mieder, W. Verkehrte Worte : Antizitate aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1997. – 356 s.
22. Mieder, W. Phrasen Verdreschen : Antisredensarten aus Literatur und Medien / W. Mieder. – Wiesbaden : Quelle & Meyer, 1999. – 399 s.
23. Mieder, W. Twisted Wisdom : Modern Anti-Proverbs / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Burlington : The University of Vermont, 1999. – 256 s.
24. Walter, H. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik / H. Walter, V. Mokienko. – Greifswald : Institut für Slawistik, 2002. – 153 s.
25. Вальтер, Х. Антиполовицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Изд. Дом «Нева», 2005. – 576, [1] с.
26. Мокиенко, В. М. Прикольный словарь (антиполовицы и антифоризмы) / В. М. Мокиенко, Х. Вальтер. – СПб. : Изд. Дом «Нева», 2006. – 384 с.
27. Эпштейн, М. Проективный лексикон русского языка / М. Эпштейн // Сетевой проект «Дар слова» [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar215.html>. – Дата доступа : 06.12.2009.
28. Walter, H. Анти-пословицы в современной живой русской речи / H. Walter, V. Mokienko // Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. – Greifswald : Institut für Slawistik, 2002. – С. 3–24.
29. Николаева, Е. К. Антиполовицы как лингвистические единицы и их лексикографическое описание / Е. К. Николаева // Материалы XXXII Междунар. филол. конф., Санкт-Петербург, 11–15 марта 2003 г. / С.-Петербург. гос. ун-т ; редкол.: В. Мокиенко [и др.]. – СПб., 2003. – Вып. 14 : Фразеология. – С. 38–43.
30. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі : Закон Рэспублікі Беларусь 23 ліпеня 2008 г., № 420-3: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2008 г.: адобраны Саветам Рэспублікі 28 чэрвеня 2008 г. – Мінск : Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, 2008. – 142, [1] с.
31. Лепешаў, І. Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства : дапаможнік па курсу «Сучасная беларуская літаратурная мова» для студэнтаў спецыяльнасці 1-210501 – Беларуская філалогія / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 2006. – 279 с.
32. Охота за цитатами // Форум АБВУ Lingvo [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : <http://forum.lingvo.ru/act/althread.aspx?tid=78205>. – Дата доступа : 10.12.2009.

Summary

The article is devoted to the problem of defining the notion of the «antiproverb» as a linguistic phenomenon and its metalanguage validity. The brief historical review of the development of the genre of antiproverbs is given in the article. The existing terminological names of various alterations of proverbs are given. The concept of the «antiproverb» is defined in its wide and narrow senses. It is considered that the use of the term «antiproverb» as a patrimonial one to designate the purposeful transformations of proverbs with the purpose of their derision and parodying is acceptable. It is supposed that stability is not a defining attribute of antiproverbs as it contradicts their individually-speech nature.

Паступіў у рэдакцыю 22.04.10.

УДК 802.0

*В. М. Кулак, Н. Г. Кулак***О СОБЫТИЯХ, КОТОРЫЕ ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ
(на материале прозы современных немецких писателей)**

В статье исследованы основные этапы творческой эволюции немецкого писателя Франца Фюмана. Углублена и дополнена трактовка ряда литературных образов, выявлены преемственные связи с другими современными немецкими писателями. Результаты исследования могут быть введены в научный оборот, а также использованы в специальных курсах по истории немецкой литературы в качестве дополнительного материала для студентов, изучающих зарубежную литературу.

Введение

Франц Фюман вошёл в немецкую литературу спустя несколько лет после окончания второй мировой войны, вошёл со своей главной темой, со своим страстным голосом, покоряющим эмоциональностью и искренностью.

Чтобы оценить антифашистское гуманистическое творчество Фюмана, особенно важно представить себе его жизненный путь. Это помогает понять, почему художник неизменно обращается к недавнему прошлому, к нацизму и войне. Отвечая в 1985 году на литературную анкету, Фюман писал: «Даже если бы я захотел, я не могу уйти от этой темы. Она моя судьба, а свои судьбы мы не выбираем. Я уже дважды думал, что окончательно распрощался с этим ненавистным мне и проклятым периодом, но повелительные моральные и литературные побуждения возвращали меня к нему» [1].

Все усилия писателя как художника направлены на то, чтобы помочь демократическому воспитанию современных немцев, с одной стороны, и «способствовать взаимопониманию немецкого народа с его соседями на востоке» [2], с другой. Фюман постоянно стремится к тому, чтобы уберечь души людей, особенно подрастающего поколения, от зла, чтобы спасти их от насилия, от ужасов, голода, морального растрепания. Поэтому борьба против неонацизма, борьба против войны – это его тема навсегда. Она выстрадана всей его жизнью.

Результаты исследования и их обсуждение

Повести «Однополчане», «Суд божий» и «Капитуляция» посвящены анализу психологии молодого немца. В каждой из них достоверно изображается жизнь одного дня гитлеровского вермахта. Франц Фюман выделяет здесь три основных момента, но именно такие, по которым можно проследить путь целого поколения [1], [2]. В повести «Однополчане» изображается канун и первый день войны фашистской Германии против Советского Союза, затем в повести «Суд божий» описан один из дней 1943 года, когда гитлеровские орды ещё топтали землю многих стран Европы и когда оккупанты, пытаясь подавить героическое сопротивление греческого народа, чинили в многострадальной стране Эллады чудовищные зверства над мирным населением. Наконец, в «Капитуляции» показан последний день второй мировой войны. И хотя каждая из повестей имеет свои персонажи, но все они по своему замыслу и идейной направленности образуют единое целое, которое составляют общая завязка, общие кульминационные моменты и общая развязка. Всё это является, с одной стороны, как бы элементами развития сюжета, а с другой, это своеобразные ступени раскрытия главной идеи – возникновение вины за соучастие в преступлениях тех, которые стали послушными исполнителями воли «божественного фюрера», справедливое возмездие за надругательства над миллионами беззащитных людей тем, кто так и не осознал своей вины, и трагическая гибель того, кто осознал эту вину уже слишком поздно. Являясь большим мастером психологического анализа, писатель не только выбирает наиважнейшие дни в жизни солдат немецкого вермахта, но и выделяет в них наиважнейшую ситуацию.

Повести Франца Фюмана являются своеобразными документами, если приглядеться к ним в исторической перспективе. Они никогда не устареют, не потускнеют даже и теперь. Эти произведения сейчас тем более важны и ценны, что уже выросли целые поколения людей, родившихся после войны и знающих лишь по рассказам, что пережили в 1939–1945 годах их отцы, матери, деды и бабушки, причём в некоторых странах и теперь истинные факты о мрачном периоде гитлеровского режима зачастую описываются в совершенно искажённом виде. Именно поэтому повести Фюмана как человека, который сам пережил все ужасы войны и который осознал свой долг перед историей, перед немецким народом, перед народами всего мира, представляют огромную ценность.

Сложным является вопрос об определении жанровой природы книги «Еврейский автомобиль». Это сборник рассказов, однако каждый рассказ мог бы стать главой романа, а вместе они составляют как бы единое произведение – недаром писатель дал циклу весьма знаменательный подзаголовок: «Четырнадцать дней из двух десятилетий» («Vierzehn Tage aus zwei Jahrzehnten»). Всё, о чём пишет художник в этой книге, пережито им самим и его сверстниками. Эти четырнадцать дней изъяты из двух десятилетий жизни поколения немцев 1922 года рождения; эпизоды, ставшие рассказами, были основными событиями его жизни.

Следует заметить, что некоторые литературоведы считают почти всю прозу Франца Фюмана автобиографической, особенно роман в новеллах «Еврейский автомобиль». «Это не сказ, – пишет Сергей Львов, – где повествователь не тот человек, что автор, где он отделён от него другим именем, другой биографией, стилизованной речью: не от условного первого лица написаны они. Эти рассказы от своего собственного, от подлинно первого лица, где “я” означает Франц Фюман. И поэтому сильнее доверие читателя к этим рассказам». Но это кажется нам спорным.

В прозе авторским «я» может быть и сам автор, а не его какой-то условный заместитель, но это и не данный эмпирический человек, а отделившаяся от него по ряду причин неадекватная ему личность. Это свойство не противоречит тому, что у разных художников и даже в разных произведениях одного автора легко можно заменить различные формы существования авторского «я». С одной стороны, «я» может быть авторской мыслью, не персонифицированной и не конкретизированной. Это может быть философская мысль о мире, где «я» выступает не как отдельный человек, а скорее как представитель общества, как человек вообще с его отношениями к окружающей действительности.

Однако отождествлять личность автора с личностью рассказчика в художественном произведении, даже если это произведение относится к жанру художественной автобиографии, у нас вряд ли есть основание. Этот рассказчик, который создаёт эффект присутствия, выражает «точку зрения», как и образы – персонажи в произведении. Перед нами рассказы и повести о драматических путях-дорогах молодого немца 30-ых годов прошлого столетия, а не документальные мемуары, скажем, Франца Фюмана. А так как для нас наиболее важным и интересным является творческий путь становления героя, образ которого под пером писателя при всех его автобиографических признаках приобрёл черты типичности, то думается, что и главного героя рассказов и повестей Ф. Фюмана, от лица которого ведётся повествование, необходимо рассматривать по законам художественной типизации.

Да и сам Франц Фюман в связи с этим пишет, что «Еврейский автомобиль» – это произведение не биографическое. «Хотя в нём много пережитого мною и хотя вымышленный “я” – рассказчик иногда называется моим именем, тем не менее этот цикл рассказов является только тем, чем он должен быть: сообщением о 14 днях из жизни среднего немца 1922 года рождения. Он не является автобиографическим прежде всего и в том смысле, что в нём есть много недосказанного в духовном, идеологическом и моральном развитии, не говорится открыто об изменениях своих убеждений, оттенках этого развития. Кое-что выдуманно, многое взято из жизни, подчёркнуто». Эту же мысль метко сформулировал один известный немецкий литературный критик о том, что «биографией своего поколения он (Франц Фюман) пишет биографию Германии».

Францу Фюману удаётся на протяжении всего романа просто и верно связать жизненные пути отдельных героев с историческим развитием страны. Узловые моменты германской истории на протяжении двадцати лет – классовые бои в Австрии и инфляция, охватившая почти все империалистические страны, канун мюнхенского сговора и оккупация Судетской области, начало второй мировой войны и вероломное нападение на Советский Союз, разгром немцев под Москвой и битва под Сталинградом, события 20 июня 1944 года в Германии и капитуляция гитлеровского вермахта, Потсдамская конференция и Нюрнбергский процесс по делу главных немецких преступников – все эти события непосредственно переплетаются и образуют сюжетную ткань повествования [3], [4]. Такой способ изображения даёт возможность писателю наглядно и выпукло показать общественную жизнь Германии в различные периоды, отразить большие политические сдвиги в обыкновенной, будничной жизни и в сознании простых людей.

Естественно, что при таком способе изображения действительности перед писателем возникают большие трудности. Само собой разумеется, что точка зрения отдельных персонажей романа далеко не всегда совпадает с правильным пониманием событий. Франц Фюман является здесь не просто комментатором событий, он постоянно добивается того, чтобы из логики повествования, из совокупности отдельных оценок, понятий вырисовывалось исторически верное истолкование жизненных явлений. И автор, будучи передовым художником, очень верно самыми различными способами даёт свою оценку изображаемой им действительности. Он стремится дать читателям правильную ориентировку в той сложной совокупности событий, которая развёртывается на страницах его романа. В этой исповеди, как в капле воды, отразилась биография целого поколения немцев. «Еврейский автомобиль» – это произведение «узловое», от которого протягиваются тематические нити ко многим другим повестям и рассказам».

«Еврейский автомобиль» в самом прямом смысле слова помогает современной борьбе за мир. Раскрывая тайну рождения империалистических войн, напоминая немецкому народу об уроках прошлого, Франц Фюман мобилизует бдительность своих читателей по отношению к тем последышам, к тем милитаристам, их империалистическим партнёрам, которые ныне совершают новые, ещё более ужасные и страшные преступления против мира и человечества.

Люди, будьте бдительны! Этот призыв чешского борца против фашизма Юлиуса Фучика, с которым он обратился ко всем людям, призывая их к бдительности, красной нитью проходит через все произведения Франца Фюмана.

В рассказе «Родина впервые» («Zum erstmal: Deutschland», 1968), завершающем цикл рассказов «Еврейский автомобиль», говорится о том, что в Германии строительство новой жизни началось сразу же, вслед за разгромом германской военной машины, но при этом здесь же многое раскрывается и о сущности фашизма. Этот рассказ повествует о событиях и людях строящегося нового общества, но он значительно шире этой конкретной темы: он помогает нам понять характерные черты мирного труда, через его зримые примеры подводит нас к постижению его сущности. Эту особенность, это своеобразие новеллистического мастерства можно легко отметить и в других рассказах художника.

Франц Фюман стремится правдиво передать кошмарное время войны через выразительные детали, восприятия и поступки действующих лиц, которые постепенно идут к духовному прояснению, к психологически и логически оправданным поступкам. Всею силой своего художественного таланта писатель постоянно напоминает немецкому народу об уроках прошлого, и это, естественно, имеет большое воспитательное значение.

Концовка рассказа показывает тот радостный период после долгих и опасных «хождений по мукам в годы странствий и учения», когда он, наконец, делает первые шаги по земле новой Германии, пишет первые светлые строки, ей посвященные. Это человек, который осознал свой долг перед историей, перед своим народом, перед народами всего мира, перед прошлым, настоящим и будущим. Его рассказы и всё то, что написал и сделал Ф. Фюман после того, как он впервые ощутил потребность изменить свою жизнь и затем этот этап завершился, описанный на страницах этого произведения, есть выполнение им глубоко осознанного долга.

«Гуманным образом мыслей, лирической чистотой своего языка и правдивым изображением действительности Фюман продолжает традиции классиков. Его литературная деятельность даёт нам право надеяться, что он однажды изобразит жизнь новой Германии в большом социальном романе», – писал Г. Хойналь о романе Франца Фюмана «Еврейский автомобиль».

Францу Фюману, как сильному и своеобразному писателю, в высшей степени присуща трезвость мышления. Руководствуясь передовым мировоззрением, следуя требованиям жизни, он стремится говорить народу правду, как бы сурова и горька эта правда ни была. Он смело ставит и решает в своих произведениях самые острые и трудные вопросы германской жизни. Писатель стремится писать так, чтобы его книги оказали воздействие на людей различных политических, общественных, религиозных взглядов, в том числе и на пассивных, на предубеждённых, на тех, кого надо вырвать из-под чуждых влияний, кого надо втянуть в борьбу за лучшее будущее. Повышенное внимание художника к морально-психологическим проблемам, к анализу внутренней жизни своих героев для него это не самоцель, а именно средство к тому, чтобы глубже проникнуть в душу человека, особенно молодого, понять его, повлиять на него.

Сопоставляя различные произведения писателя, можно заметить, как постепенно усиливается в них определённая национальная окраска. В его первых повестях «Однополчане», «Суд божий», «Капитуляция» действие происходило в разных странах. В этих повестях своеобразии каждой из представленных стран было передано лишь в самых основных чертах. Уже в последующих произведениях, особенно в рассказах цикла «Еврейский автомобиль», в повестях «Богемия у моря», «Барлах в Гюстрове» и других, у Франца Фюмана изображение немецкой жизни приобретает всё большую историческую и национальную конкретность [3]. Эти произведения отличаются исключительным разнообразием и изобилием деталей в описании быта, нравов, неповторимого облика немецких городов и деревень. Живая национальная специфика наблюдается и в языке его произведений, богатом и красочном, широко вмещающем в себя наряду с литературной речью и разговорное просторечие, иногда даже с определённой местной окраской. Она ощутима и в элементах фольклорной поэтики, во многих шуточных прозвищах, будто бы взятых из старинных немецких сказок («Traugott» – «Трауготт», «Glocklich» – «Глоклик», «Schummellischen» – «Шуммельлизхен» – «божественная нежность», «звон колокольчика», «шельма Лизхен»). Иногда употребляются прямые народно-сказочные выражения («Pfeffersack» – «префферзак», «Stortebecker» – «толстосум», «денежный мешок», «морской разбойник» и т. д.).

Национальный колорит произведений Франца Фюмана очень ясно и свежо проявляется и в картинах природы. Примечательно, что эту особенность в творчестве художника особо выделяют многие немецкие литературоведы. Не один раз в «Однополчанах», «Капитуляции», романе в новеллах «Еврейский автомобиль» неприветливый, суровый ландшафт помогает писателю оттенить драматизм повествования. В этих повестях и рассказах пейзаж резко усиливает остроту эпизодов: топкое болото у границы, противный и едкий запах гнили, зловещая тишина, неожиданно пререзаемая одиноким выстрелом, – всё это живо характеризует гнетущую обстановку, из которой выбираются «однополчане» после невольного убийства своей соотечественницы. В «Богемии у моря» и в других произведениях мы тоже видим такие пейзажи: «...лето перед войной я провёл на одном из островов Северного моря, а потом, уже солдатом, плывал по Эгейскому морю, серому, ошетилившемуся бурными волнами, и море тогда было лишь пучиной, угрожавшей нам минами. Затем я видел только сушу, русские равнины и груды берлинских развалин». Таким способом Фюман стремится ещё яснее и полнее донести идейный смысл своих произведений до читателя, показать, что даже сама природа возмущается совершённым «однополчанами» злом.

Но в произведениях мы видим и совсем другого рода пейзажи. Первая страница повести «Однополчане» открывается описанием ясного весеннего дня: «Земля, буйно поросшая сочной мясистой зеленью, в которой ослепительно, по-майски желтели болотные цветы, и среди этой зелени и желтизны ярко блестело серебро струящихся или стоячих вод. Стекланно-голубое небо выгнулось громадным сводом...». Так, несмотря на все извивы и сложности жизни, писателем

сразу же вносится в повествование жизнеутверждающий оттенок. Много света, солнца, золотистых красок есть и в других произведениях, и не только в глухих сельских, но и в городских пейзажах: «Золотой поток утреннего света, сверкание озера, малахитовый блеск неба, но Барлах не увидел ни неба, ни озера, он увидел только молодого человека и протянул руку за револьвером». Эпизоды рассказов и повестей Ф. Фюмана, изображающие природу, постоянно напоминают читателю о непроходящей красоте земли, о бессмертии простого трудового народа, который живёт и будет вечно жить.

Следует особо подчеркнуть, что в произведениях Франца Фюмана ёмкость слов значительно увеличивается благодаря особому ритму, мелодии, музыкальности фраз. Всё это в значительной мере усиливает его воздействие на читателя. Его проза это в высшей степени поэтическая, насыщенная сложной образностью, метафоричностью, музыкой. В неё надо вчитываться, вдумываться и вслушиваться, чтобы полнее воспринять и оценить её.

Выводы

Проводя параллель с современностью, можно сделать вывод, что не следует сегодня добавлять к существующим «вопросам» – еврейскому, иракскому, палестинскому, курдскому, чеченскому и прочим и прочим – ещё и другие. Для этого необходимо учесть заветы европейских мудрецов. Тогда начнёт осуществляться знаменитое пророчество: «И перекуют мечи свои на орала, и копыя свои – на серпы; не поднимет народ на народ меч, и не будут больше учиться воевать». И в этом смысле произведения Франца Фюмана приобретают и ныне особую значимость и актуальность [3].

Литература

1. Franz Fuhmann. Gesammelte Erzählungen. Aufbau – Verlag Berlincend und Wecmar / Fuhmann Franz, Vdipus Konig. – 1978. – 403 s.
2. Franz Fuhmann. Kameraden. VEB Kinstorff Verlag Bostok / Fuhmann Franz. – 1985. – 75 s.
3. Карл Херман Фёрсехт. Избранное / Фёрсехт Карл Херман. – М. : Худ. лит., 2003. – 90 с.
4. Фюман, Ф. Избранное / Ф. Фюман. – М. : Худ. лит., 1988. – С. 8.

Summary

The most important stages of creative evolution of the German writer Franz Fuman have been investigated in the article. The interpretation of a number of literary images has been deepened and supplemented with new details as well as new connections with the other modern German writers have been revealed. The results of the investigation can be used in scientific researches and in special courses of German literature history as an additional material for the students studying Foreign Literature.

Поступила в редакцию 26.04.10.

УДК 811.161.3'367

*М. М. Макарэвіч***СІНТАКСІЧНЫ СПАСАБ УТВАРЭННЯ Ё ПРАМЫСЛАВАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ**

Даследуюцца асаблівасці сінтаксічнага спосабу ўтварэння ў промыславай тэрміналогіі. Выяўляюцца мадэлі ўтварэння састаўных тэрмінаў, вылучаюцца найбольш прадуктыўныя з іх, якія складаюць аснову адпаведнай тэрмінасістэмы беларускай мовы.

Уводзіны

Тэрміны, як і звычайныя словы, утвараюцца на базе існуючых каранёў агульналітаратурнай і спецыяльнай лексікі; пры гэтым выкарыстоўваюцца тыя ж спосабы, што і пры дэрывацыі агульнаўжывальнай лексікі: семантычны, марфалагічны і сінтаксічны [1, 166], [2, 89], [3, 97]. Аднак сінтаксічны спосаб дэрывацыі ў промыславай тэрміналогіі мае значна большую прадуктыўнасць у параўнанні з агульналітаратурным словаўтварэннем.

Пад **промыславай тэрміналогіяй** мы разумеем сістэму тэрміналагічных адзінак, што функцыянуюць у навуковых тэрмінасістэмах (сельская гаспадарка, спецыяльная дрэваапрацоўка, металаапрацоўка), крыніцай узнікнення якіх з'яўляюцца пэўныя промыслы і рамёствы (рыбалоўства, пчаларства, бондарства, кавальства і інш.).

Промыславая тэрміналогія разам з моналексемнымі (аднакампанентнымі) тэрмінаадзінкамі выкарыстоўвае ў сваім складзе і полілексемныя (двух-, трох-, чатырохкампанентныя) тэрміны-словазлучэнні, утвораныя сінтаксічным спосабам. Пры гэтым тэрміналагічныя словазлучэнні займаюць асноўнае месца ў сучасным тэрмінаўтварэнні [4, 61], [5, 154]. Пры ўтварэнні такіх найменняў у якасці састаўных элементаў выкарыстоўваюцца ўжо гатовыя лексемы, што функцыянуюць у мове, і гэта садзейнічае эканоміі моўных сродкаў. Разам з тым, дзякуючы азначальным часткам, якія дапасоўваюцца да адналексемных і двухлексемных тэрмінаў, полікампанентныя тэрміны-словазлучэнні запаўняюць лакуны паняццённага поля пэўных тэрмінасістэм.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Аналіз беларускай промыславай тэрміналогіі сведчыць аб значнай прадуктыўнасці полілексемных тэрмінаў, якія выкарыстоўваюцца для ідэнтыфікацыі спецыяльных паняццяў. Сярод іх вылучаюцца двух-, трох-, чатырохкампанентныя адзінкі.

У складзе **двухкампанентных тэрмінаў** першы кампанент (самастойнае слова) з'яўляецца галоўным, а другі выступае ў залежнай пазіцыі да галоўнага. У межах такой тэрмінаадзінкі могуць спалучацца як два назоўнікі, так і назоўнік і прыметнік, дзеепрыметнік і назоўнік, дзяслоў і назоўнік з прыназоўнікамі або без іх.

Выяўленыя намі тэрміны-словазлучэнні ў залежнасці ад сінтаксічнай структуры падзяляюцца на пэўныя мадэлі. Прадставім іх з дапамогай агульнавядомых літар-сімвалаў (S – назоўнік, A – прыметнік, V – дзяслоў, P – дзеепрыметнік). Ніжнія лічбавыя індэксы (1–6) адпавядаюць склонам: 1 – назоўны, 2 – родны, ... 6 – месны. Сімвал * абазначае галоўнае слова тэрміна-словазлучэння.

1. Мадэль A ← S* (245 адзінак – 67,84%).

Паводле семантыка-функцыянальных уласцівасцей у межах гэтай мадэлі могуць быць камбінацыі наступных элементаў.

1.1. Прыметнік агульнай семантыкі і назоўнік спецыяльнай семантыкі: галоўны ўзяток (Балашоў, 41), сонечная васкатопка (ЭСГ, 434), донная вуда (Матрунёнак, 73), прутковая жарліца, спружынная жарліца (Матрунёнак, 138), рабочыя кольцы (Буйвідовіч, 36), шчупак звычайны (АСХЖ, 6), пчала рабочая (БелЭн, 13, 146), штучная вашчына (Буткевіч, 91), стронга пярэстая, стронга азёрная (НЖ-12, 34), кветкавы пылок (ЭСГ, 427), гарызантальны вулей, вертыкальны вулей, брытанскі вулей (РБСГ, 515), пчаліны клей (БелЭн, 13, 146), бандарны краж (Буйвідовіч, 31), кавальскі горн (Кувакін, 13), кавальскі калібр (Кувакін, 35) і інш.

1.2. Прыметнік спецыяльнай семантыкі і назоўнік агульнай семантыкі: прылётная дошка (Буткевіч, 12), заліўная бочка, сухатарная бочка (Буйвідовіч, 31), бандарная вытворчасць (Буйвідовіч, 26), кавальскі мех (Кувакін, 18), пчаліная сям'я (Струкоўскі-1, 19), горнавы інструмент, бандарныя вырабы (СЛТ-8, 21), лятковая застаўка (ДП, 143) і інш.

1.3. Прыметнік і назоўнік спецыяльнай семантыкі: заплодненыя яечкі (Струкоўскі-1, 31), рэйсмусавы станок (Буйвідовіч, 36), пукавая выемка (Буйвідовіч, 34), электрамангальная ўстаноўка (Буйвідовіч, 36), двухпільны канцараўніцель (Буйвідовіч, 34), тругнёвая матка (Буткевіч, 14), карабатар чарва (Струкоўскі-1, 40), камбінаваны каток (ЭСГ, 434), шлакавая лётка, чыгунная лётка (Ізмалкоў, 7), рэсорны молат (Ізмалкоў, 50), ганчарны горан, кавальскі горан, тыгельны горан, плавільны горан (РБСГ, 89) і інш.

Парадак слоў у словазлучэннях адзначанай мадэлі можа вар'іравацца, функцыянуюць тэрміны з прэпазіцыяй галоўнага (азначаемага) элемента (*стронга пярэстая, шчупак звычайны* і інш.), сустракаюцца тэрміназлучэнні з прэпазіцыяй залежнага (азначальнага) элемента (*штучная ваішчына, бандарны краж* і інш.).

Пэралічаныя вышэй тэрмінаадзінкі сінтаксічнага ўтварэння ўказваюць на сістэмнасць промыславай тэрміналогіі, якая рэалізуецца праз гіпанімічныя адносіны. Пры гэтым выдзяляецца два тыпы слоў: гіпонімы (выражаюць відавыя паняцці) і гіперонімы (выражаюць родавыя паняцці). З прыведзеных вышэй прыкладаў відаць, што пры выражэнні сістэмных адносін паміж тэрмінамі змест відавога паняцця аказваецца шырэйшым, чым змест родавага, а аб'ём – вузейшы.

2. Мадэль P ← S* (3 адзінкі – 0,82%).

У промыславай тэрміналогіі гэта мадэль з'яўляецца малапрадуктыўнай, намі выяўлена 3 тэрмінаадзінкі (тэрміны-словазлучэнні). З улікам семантыка-функцыянальных характарыстык састаўных частак такія тэрміналагічныя словазлучэнні ўтвараюцца з:

2.1. Дзеерпрыметніка агульнай семантыкі і назоўніка спецыяльнай семантыкі: колатая клёпка (Буйвідовіч, 31), падымаючы шкіў (Прэгер, 18);

2.2. Дзеерпрыметніка і назоўніка спецыяльнай семантыкі: чарвячая матка (Буткевіч, 26) (ад дзеяслова *чарвіць* – 'адкладваць лічынкі пчол'). Парадак слоў – прэпазіцыя канкрэтызуючага (залежнага) кампанента ў адносінах да канкрэтызуюмага (галоўнага) кампанента. Галоўны элемент складанага тэрміна выражаны іменнай часткай (назоўнікам назоўнага склону). Сувязь паміж часткамі ажыццяўляецца дапасаваннем.

3. Мадэль S* → S₂ (74 адзінкі – 20,33%).

Семантыка-функцыянальныя асаблівасці адзначанай мадэлі рэалізуюцца пры выкарыстанні ў межах адной тэрмінаадзінкі:

3.1. Назоўніка агульнай семантыкі і назоўніка спецыяльнай семантыкі: падстаўка кавадла (Прэгер, 11), сіла аблёту (Буткевіч, 6), вільготнасць клёпак (Буйвідовіч, 39), шырыня клёпкі (ЭСГ, 80), вугал апрацоўкі (ЭСГ, 80), роўнамернасць нагрэву (Ізмалкоў, 34) і інш.

3.2. Двух назоўнікаў спецыяльнай семантыкі: страла прагібу (Буйвідовіч, 28), параметр шурпатаці (Буйвідовіч, 39), умяшчальнасць бочак (Буйвідовіч, 29), налічнік бабы (Прэгер, 18), баба молата (Прэгер, 21), адгон мёду (Струкоўскі-2, 99), асадка абручоў (Буйвідовіч, 36), правес клёпкі (Буйвідовіч, 36), рамкі магазіна (ДП, 143), раенне пчол (ЭСГ, 428), выцяжка метала (Ізмалкоў, 57), разгонка метала (Ізмалкоў, 58), ссяданне мёду (РБСГ, 437) і інш.

Асобную групу тэрміналагізаваных словазлучэнняў у межах гэтай мадэлі ўтвараюць генітыўныя канструкцыі, выражаныя тэрмінамі-эпонімамі. Іх галоўны кампанент указвае на аб'ект, а залежны адлюстроўвае прозвішча стваральніка гэтага аб'екта: нож Фузэя (Струкоўскі-1, 89), разец Карлея (Струкоўскі-1, 90), ляпёшка Шольца (Струкоўскі-1, 90), кармоўка Кудзіна (Струкоўскі-1, 93), райніца Бутлерава (Струкоўскі-1, 84), вулей Дадана-Блата (Струкоўскі-1, 57), каток Агалоюка (Струкоўскі-1, 80), вальцы Ламакіна (Струкоўскі-1, 78), дымар Рута (Балашоў, 29), клетачка Цітова (ЭСГ, 431) і інш.

Да такога роду адзінак у тэрміналогіі ставяцца па-рознаму. Сярод станоўчых называюцца наступныя характарыстыкі тэрмінаў-эпонімаў: а) увекавечванне ў тэрмінах прозвішчаў аўтараў навуковых адкрыццяў; б) нейтральнасць – такія намінацыі не выклікаюць дадатковых уяўленняў; в) інтэрнацыяналізацыю тэрміналогіі – уключэнне ўласных імёнаў у тэрміналагічныя сістэмы розных моў» [6, 50]. Недахопамі эпонімаў звычайна лічаць: а) адсутнасць непасрэднай сувязі з паняццямі, якія яны адлюстроўваюць; б) нізкую словаўтваральную патэнцыяльнасць; в) парушэнне патрабаванняў сістэмнасці» [6, 50].

Паводле суданоснасці галоўнага кампанента тэрміна-словазлучэння з азначаемым паняццем даследчыкі вылучаюць тэрміны **катэгорыі прадметаў (з'яў)** і **катэгорыі дзеянняў (працэсаў)** [4]. Тэрміны разглядаемай мадэлі кадыфікуюць два тыпы паняццяў:

а) паняцці катэгорыі прадметаў (налічнік кавадла, гняздо пчол і інш.);

б) паняцці катэгорыі дзеянняў (працэсаў) (адгон мёду, асадка абручоў і інш.).

Паводле катэгорыі канкрэтнасці / абстрактнасці ў складзе такіх тэрмінаадзінак пераважаюць канкрэтныя (67,7%) (падшыпнік роліка, рамкі магазіна і інш.). Абстрактныя тэрміны-словазлучэнні прадстаўлены меншай колькасцю (32,3%) (страла прагібу, параметр шурпатасці і інш.).

4. Мадэль $S^* \rightarrow \text{над} / \text{пад} \rightarrow S_5$ (4 адзінкі – 1,1%).

Мадэль у промыславым тэрмінаўтварэнні малапрадуктыўная. Яе аналіз у семантыка-функцыянальным аспекце выяўляе ў межах кожнага словазлучэння субстантыў агульнай семантыкі і субстантыў спецыяльнай семантыкі: прастора над поршнем (Прэгер, 32), прастора пад поршнем (Прэгер, 32), прастора над бабай (Прэгер, 32), прастора пад бабай (Прэгер, 32). Прыназоўнік у такіх словазлучэннях выконвае ўказальную функцыю (указвае на аб'ект, прастору ў адносінах да *бабы, поршня*).

5. Мадэль $V^* \rightarrow S_4$ (4 адзінкі – 1,1%).

Як і папярэдня, гэта мадэль не мае шырокага распаўсюджання ў промыславай тэрміналогіі.

У складзе словазлучэнняў вар'іруюцца розныя кампаненты адносна семантыка-функцыянальнай характарыстыкі:

5.1. Дзеяслоў агульнай семантыкі і назоўнік спецыяльнай семантыкі: набіваць абручы (РБСГ, 260), аграбаць рой (Буккевіч, 14).

5.2. Дзеяслоў спецыяльнай семантыкі і назоўнік спецыяльнай семантыкі: падглядаць пчол (ЭСГ, 436), садзіць рой (Струкоўскі-2, 34).

Галоўная частка тэрміналагічнай канструкцыі, выражаная вербаваннем, займае прэпазіцыйнае становішча ў адносінах да залежнай (выражана назоўнікам). Паводле марфалагічнага выражэння галоўнага слова мадэль прадстаўлена дзеяслоўнымі тэрмінамі-словазлучэннямі.

Трохкампанентныя тэрміны складаюцца з трох самастойна аформленых лексем, якія звязваюцца паміж сабой спосабамі дапасавання, кіравання (з прыназоўнікам або без яго) і ўяўляюць лексікалізаваныя спалучэнні. Утвараюцца яны пераважна на аснове двухкампанентных тэрмінаў, да якіх далучаюцца азначальныя элементы. Вынікам гэтага з'яўляецца ўтварэнне новага, больш дэталізаванага значэння для кадэфікацыі пэўнага паняцця.

6. Мадэль $S^* \rightarrow [S_2 \rightarrow S_2]$ (5 адзінак – 1,37%): разборка гнёздаў пчол (РБСГ, 415), выгіб клёпкі каркаса (Буйвідовіч, 28), всер каркаса бочкі (Буйвідовіч, 35), механізм цэнтрыравання загатоўак (Буйвідовіч, 34), тарэц клёпкі каркаса (Буйвідовіч, 29).

Азначаемы кампанент, выражаны назоўнікам, далучае да сябе двухслоўны тэрмін (азначальны), прадстаўлены генітыўнымі субстантывамі. Склон апошніх абумоўлены залежнай пазіцыяй двухкампанентнай часткі ў адносінах да галоўнай: *выгіб* (чаго?) [*клёпкі каркаса*] і інш. Далучэнне азначаемай часткі да азначаемага слова дадае новы аб'ём семантыкі і ўтварае трохлексемны тэрмін, які кадэфікуе новае паняцце. Галоўны кампанент дэфініруецца ўсім залежным тэрміна-словазлучэннем, а не адной яго часткай. Гэта пацвярджаецца тым, што выпадзенне першага азначальнага слова вядзе да парушэння агульнай семантыкі канструкцыі. Яно можа ўтвараць з азначаемым двухкампанентны тэрмін (*выгіб клёпкі*), але пры гэтым страчваецца канкрэтызаванае паняцце, выражанае трохсастаўным тэрмінам.

7. Мадэль $A \leftarrow [S^* \rightarrow S_2]$ (6 адзінак – 1,64%): кіруючая цяга механізму (Прэгер, 30), адносны прагіб клёпкі (Буйвідовіч, 29), скошаны кант клёпкі (Буйвідовіч, 35), вонкавая фаска дна (Буйвідовіч, 28), шлюбны вылет маткі (Струкоўскі-1, 42) і інш.

Азначаемы (галоўны) элемент словазлучэння ў аднолькавай ступені сінтаксічна звязаны з азначальнымі кампанентамі (*адносны* \leftarrow *прагіб* \rightarrow *клёпкі*). Але семантычным цэнтрам (ядром) тут выступае не адно галоўнае слова, а двухсастаўны тэрмін. Гэта тлумачыцца тым, што спалучэнні *кіруючая цяга*, *адносны прагіб*, *шлюбны вылет* і інш. самастойна не функцыянуюць. У іх адсутнічае аб'ект, які канкрэтызуе састаўны тэрмін (*кіруючая цяга* (чаго?) *механізму*, *адносны прагіб* (чаго?) *клёпкі*, *шлюбны вылет* (чаго?) *маткі* і інш.). Далучэнне да двухкампанентнага тэрміна азначальнага элемента, выражанага прыметнікам, утварае новае паняцце, якое рэалізуецца ў трохкампанентным тэрміне.

8. Мадэль $A \leftarrow [A \leftarrow S^*]$ (14 адзінак – 3,85%): двухбаковы ўторны станок (Буйвідовіч, 36), сцяжны механічны станок (Буйвідовіч, 35), ручны бандарны рубанак (Буйвідовіч, 38), пераводны ручны падважнік (Прэгер, 21), ручны размеркавальны падважнік (Прэгер, 30), усмактвальны паветраны кляпан (Прэгер, 32), нагнятальны паветраны поршань (Прэгер, 32) і інш.

Дадзеная мадэль у адносінах да азначаемага назоўніка (галоўнага кампанента) утрымлівае ў сабе першы і другі азначальныя элементы. Першы кампанент знаходзіцца непасрэдна перад

назоўнікам і ўтварае з ім двухлексемны тэрмін, а другі – перад першым. Другі азначальны кампанент канкрэтызуе не толькі галоўнае слова ў словазлучэнні, але і ўсю двухлексемную канструкцыю (*двухбаковы ўторны станок* ← *уторны станок* (які?) *двухбаковы*). Доказам таму служыць і той факт, што апушчэнне першаснага азначальнага кампанента вядзе да ўтварэння словазлучэнняў, якія не сустракаюцца ў кавальскай і бандарскай тэрміналогіях па прычыне свайі семантычнай абагуленасці. Але яны выкарыстоўваюцца ў сучаснай тэхнічнай тэрміналогіі як агульнатэхнічныя тэрміны-словазлучэнні (*усмактвальны наветраны кляпан* → *усмактвальны кляпан* і інш.). Наадварот, у адзначаных тэрмінасістэмах ужываюцца тэрміны-словазлучэнні *бандарны рубанак*, а не *ручны рубанак*; *размеркавальны падважнік*, а не *ручны падважнік* і г. д.

9. Мадэль $S^* \rightarrow$ для $[A_2 \leftarrow S_2]$ (3 адзінкі – 0,82%): ролік для прыводнага паса (Прэгер, 27), кляпан для верхняе пары (Прэгер, 46), кляпан для ніжняе пары (Прэгер, 46). У промыславай тэрміналогіі мадэль малапрадуктыўная, функцыянуе пераважна ў кавальскай тэрмінасістэме.

Структурна словазлучэнні гэтай мадэлі складаюцца з дзвюх частак: першая – галоўны элемент (выражаны назоўнікам), які з’яўляецца сэнсавым ядром састаўнога тэрміна; другая – двухлексемны тэрмін (выражаны спалучэннем прыметніка і назоўніка). Другая частка (азначальная) выконвае ўдакладняючую функцыю для першай часткі (азначаемай) праз прыназоўнік *для* і ўказвае на яе непасрэднае прызначэнне: *ролік* (які?, для чаго?) *для прываднога паса*, *кляпан* (які?, для чаго?) *для верхняе пары* і інш.

10. Мадэль $S^* \rightarrow$ для $[A_2 \leftarrow S_2]$ (5 адзінак – 1,37%): выраб донных шчытоў (Буйвідовіч, 37), коўш разлівачнай машыны (Ізмалкоў, 9), махавік каленчатага вала (Прэгер, 29), ручка размеркавальнага кранта (Прэгер, 29), цяга кіруючага механізму (Прэгер, 30).

Словазлучэнні гэтай мадэлі структурна пабудаваны па аналогіі з мадэллю $S^* \rightarrow$ для $[A_2 \leftarrow S_2]$. Адрозненнем з’яўляецца адсутнасць у разглядаемай канструкцыі прыназоўніка. Гэты факт істотна не ўплывае на семантычныя адносіны паміж азначальнай ізначаемай часткамі трохлексемных тэрмінаў. У дадзенай мадэлі пераважаюць словазлучэнні, якія кадыфікуюць паняцці, звязаныя з катэгорыяй прадметаў (4 адзінкі), паняцці катэгорыі дзеянняў (працэсаў) прадстаўлены адной адзінкай.

Чатырохкампанентныя тэрміны. У складзе такіх спецыяльных тэрміналагічных словазлучэнняў выдзяляюцца чатыры паўназначныя лексемы. Тэрміналагічныя адзінкі такой структуры ў промыславай тэрміналогіі сустракаюцца абмежавана, што тлумачыцца адноснай прастатой (лінейнасцю) паняццйнага апарату разглядаемых промыслаў і рамёстваў. На практыцы амаль не існуе неабходнасці кадыфікаваць складаныя паняцці чатырохкампанентнымі тэрмінамі.

У промыславай тэрміналогіі намі выяўлена толькі адна мадэль гэтай сінтаксічнай структуры:

11. $A \leftarrow [S^* \rightarrow A_2 \leftarrow S_2]$ (1 адзінка – 0,27%). Яна прадстаўлена адной тэрмінаадзінкай, выяўленай у пчаларскай тэрміналогіі: *задняя ножка рабочай пчалы* (Струкоўскі-1, 24). Чатырохкампанентны тэрмін складаецца з трохлексемнай тэрмінаадзінкі, да якой далучаецца канкрэтызуючае азначэнне (*задняя і ножка рабочай пчалы* – *ножка рабочай пчалы* (якая?) *задняя*). Часткі гэтага тэрміна звязаны паміж сабой беспрыназоўнікавым кіраваннем. Спалучэнне названых элементаў у адну канструкцыю дае апошняй магчымасць ідэнтыфікаваць больш складанае паняцце, чым кожны з двухкампанентных тэрмінаў паасобку.

Паводле марфалагічнай выражанасці галоўнага слова састаўны тэрмін з’яўляецца іменным (субстантыўным), пры гэтым апорны назоўнік пазіцыянуецца ў першым двухкампанентным тэрміне-словазлучэнні.

Вывады

Аналіз тэрміналагічных словазлучэнняў сведчыць аб тым, што сінтаксічны спосаб актыўна выкарыстоўваецца ў тэрміналагічнай дэрывацыі промыславай лексікі (68,3% адзінак). Агульная колькасць выяўленых полікампанентных тэрмінаў складае 364 адзінкі. Паводле структуры пераважаюць двухлексемныя тэрміны (90,66%). Трэхлексемныя найменні складаюць 9,07% ад агульнай колькасці тэрмінаў, утвораных сінтаксічным спосабам, чатырохлексемныя – 0,27%. Найбольш прадуктыўнай з’яўляецца двухкампанентная мадэль $A \leftarrow S^*$ (67,48%). Сярод трохкампанентных дамінуючай выступае мадэль $A \leftarrow [A \leftarrow S^*]$ (3,85% ад агульнай колькасці). Найменшай колькасцю адзінак прадстаўлена мадэль чатырохкампанентнай структуры $[A \leftarrow S^*] \rightarrow [A_2 \leftarrow S_2]$.

Трохкампанентныя тэрміны выкарыстоўваюцца пераважна ў тэхнічных галінах (бондарства, кавальства), што тлумачыцца ўскладненасцю тэрмініруемых паняццяў.

Дамінуючымі ва ўсіх разглядаемых тэрмінасістэмах з’яўляюцца двухкампанентныя адзінкі.

Скарачэнні

АСХЖ – Анаціраваны спіс хрыбетных жывёл Беларусі : метад. рэкамендацыі / МДПП імя М. Горкага ; уклад. А. Р. Александровіч. – Мінск, 1993. – 41 с.

Балашоў – Балашоў, П. Пасека ў калгасе і моладзь / П. Балашоў. – Мінск : Белдзяржвыд., 1931. – 55 с.

БелЭн – Беларуская энцыклапедыя : у 18 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1996–2004. – Т. 13. – 560 с.

Буйвідовіч – Буйвідовіч, Ф. В. Спецыяльныя дрэваапрацоўчыя вытворчасці : тэксты лекцый па курсе «Тэхналогія вырабаў з драўніны для студ. спец. Т. 16.04» / Ф. В. Буйвідовіч, Л. У. Ігнатовіч. – Мінск : Бел. дзярж. тэхналагічны ун-т, 1995. – 44 с.

Буткевіч – Буткевіч, А. С. Догляд пчол увесну / А. С. Буткевіч. – Мінск : Белдзяржвыд., 1931. – 96 с.

ДП – Даведнік пчаляра / пад рэд. А. М. Кавалёва. – Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1952. – 186 с.

Ізмалкоў – Ізмалкоў, А. Кавальская справа / А. Ізмалкоў ; пераклад з рус. мовы В. Суханава. – Мінск : Дзяржвыд. Беларусі, 1935. – 87 с.

Кувакін – Кувакін, Д. Дапаможнік для падрыхтоўкі калгаснага кавала / Д. Кувакін. – Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1952. – 148 с.

Матрунёнак – Матрунёнак, А. П. Школа юнага рыбалова / А. П. Матрунёнак. – Мінск : Дзяржвыд. БССР, 1960. – 152 с.

НЖ-12 – Беларуская навуковая тэрміналогія: Назвы жывёл. – Мінск : Інбелкульт, 1926. – Вып. 12. – 72 с.

Прэгер – Прэгер, Э. Мэханічныя кавальскія молаты / Э. Прэгер ; пераклад з рус. мовы Зьм. Малевіча. – Мінск : Дзяржвыд. Беларусі, 1931. – 48 с.

РБСГ – Руска-беларускі слоўнік сельскагаспадарчай тэрміналогіі / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН Беларусі / Г. У. Арашонкава [і інш.] ; пад рэд.: М. В. Бірылы, Г. У. Арашонкавай. – Мінск : Ураджай, 1994. – 560 с.

СЛТ-8 – Беларуская навуковая тэрміналогія : слоўнік лясных тэрмінаў. – Мінск : Інбелкульт, 1926. – Вып. 8. – 80 с.

Струкоўскі-1 – Струкоўскі, Я. Пчаларства : у 2 кн. / Я. Струкоўскі. – Мінск : Белдзяржвыд., 1930. – Кн. 1. – 97 с.

Струкоўскі-2 – Струкоўскі, Я. Пчаларства : у 2 кн. / Я. Струкоўскі. – Мінск : Белдзяржвыд., 1930. – Кн. 2. – 96 с.

ЭПБ – Энцыклапедыя прыроды Беларусі : у 5 т. / пад рэд.: І. П. Шамякіна [і інш.]. – Мінск : выд-ва Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1983–1986. – Т. 1–5.

ЭСГ – Энцыклапедыя сельскага гаспадара / А. А. Аўтка [і інш.] ; пад агул. рэд. Б. І. Сачанкі. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1993. – 732 с.

Літаратура

1. Антанюк, Л. А. Беларуская навуковая тэрміналогія: фарміраванне, структура, упарадкаванне, канструаванне, функцыянаванне / Л. А. Антанюк. – Мінск : Навука і тэхніка, 1987. – 240 с.

2. Даниленко, В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В. П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 247 с.

3. Дзятко, Д. В. Беларуская матэматычная тэрміналогія: станаўленне, структура, функцыянаванне : манагр. / Д. В. Дзятко ; пад навук. рэд. канд. філал. навук, дац. П. А. Міхайлава. – Мінск : БДПУ, 2009. – 192 с.

4. Лапкоўская, А. М. Сучасная беларуская батанічная тэрміналогія : манагр. / А. М. Лапкоўская. – Гродна : ГрДУ, 2007. – 166 с.

5. Левковская, К. А. Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – М. : Высш. шк., 1962. – 296 с.

6. Мінакова, Л. М. Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія: фарміраванне, функцыянаванне, развіццё : манагр. / Л. М. Мінакова, С. М. Аніськова, А. А. Станкевіч. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2004. – 146 с.

Summary

The article deals with the peculiarities of syntactical formation means in trade terminology. The formation models of compound terms are revealed, their most productive types? which form the basis of the appropriate term system in the Belarusian language are defined.

Паступіў у рэдакцыю 20.04.10.

УДК 811.161.3'373

В. В. Радзюк**ПУРЫСТЫЧНЫ ЭТАП РАЗВІЦЦЯ БЕЛАРУСКАЙ ГРАМАТЫЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ
(1920–1926 гады XX стагоддзя)**

Аналізуюцца пурыстычныя тэндэнцыі ў развіцці беларускай граматычнай тэрміналогіі 20-х гадоў XX стагоддзя, якія абумоўлены пачатковымі працэсамі ўпарадкавання і нармалізацыі новай беларускай літаратурнай мовы, першаснымі падыходамі да распрацоўкі тэрміналагічнай нормы. Разглядаецца нацыянальны пурызм як вядучая тэндэнцыя развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі 1920–1926 гадоў, сутнасць якога заключаецца ў фарміраванні спецыяльных найменняў на базе агульналексічнага фонду беларускай мовы, процідзеянні ў дачыненні да іншамовных слоў як тэрмінатворчага матэрыялу і нармалізатарскай дзейнасці такіх лінгвістаў, як М. Байкоў, В. Ластоўскі, Я. Лёсік, С. Некрашэвіч, Я. Станкевіч.

Уводзіны

Пурыстычныя тэндэнцыі ў лексіцы адпавядаюць працэсам зараджэння, станаўлення і эвалюцыі навуковага стылю нацыянальнай мовы, таму кваліфікуюцца даследчыкамі як непазбежная і натуральная з'ява яе развіцця (У. К. Жураўлёў, А. А. Лукашанец, А. І. Падлужны). Вядома, што стылістычная дыферэнцыяцыя мовы арганічна звязана з працэсамі звужэння варыянтнасці. Гэта абумоўлена пачатковымі працэсамі ўпарадкавання і нармалізацыі літаратурнай мовы. Упарадкаванне словаўжывання адбываецца ў двух накірунках. 1) канстатацыя і абагульненне ўсталяваных традыцый; 2) актыўнае і свядомае ўздзеянне на варыянтнае словаўжыванне [1, 234], што характарызуецца свядомымі і мэтанакіраванымі нармалізацыйнымі працэсамі ў лексіцы.

Мэта нашай працы заключаецца ў вызначэнні вядучых тэндэнцый развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі 1920–1926 гадоў XX стагоддзя. Даследаванне праводзіцца на матэрыяле падручнікаў і публікацый у друку на мовазнаўчыя тэмы П. Бузука, В. Воўк-Левановіча, Е. Карскага, К. Міцкевіча, Я. Лёсіка, С. Некрашэвіча, Я. Станкевіча, слоўнікаў Г. і М. Гарэцкіх, В. Ластоўскага, М. Байкова і С. Некрашэвіча, праграм па беларускай мове для школы.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

На думку А. А. Лукашанца, развіццё беларускай навуковай тэрміналогіі, як і наогул развіццё лексікі беларускай мовы ў XX стагоддзі, вызначаецца дзвюма асноўнымі тэндэнцыямі: пурыстычнай, скіраванай на выкарыстанне ўласных моўных сродкаў, і антыпурыстычнай, звязанай з увядзеннем у навуковы ўжытак інтэрнацыянальнай тэрміналогіі [2, 78]. Беларуская моватворчасць 20-х гадоў XX стагоддзя характарызуецца выразным імкненнем увесці ў літаратурную мову як мага больш народных слоў і надаць ім тэрміналагічнае значэнне. «Інстытут Беларускае культуры» і яго тэрміналагічны камісіі – на той час галоўныя цэнтры тэрмінатворчай працы – прытрымліваліся думкі, што лепш выкарыстоўваць у якасці тэрмінаў уласнабеларускія словы ці ствараць беларускамоўныя тэрміны, чым запазычваць іншамовныя лексічныя адзінкі. Паводле беларускіх мовазнаўцаў, нацыянальна-пурыстычныя тэндэнцыі развіцця беларускай тэрміналогіі 20-х гадоў былі гістарычна апраўданы, паколькі закладвалі асновы навуковай тэрміналогіі з апорай на ўласныя моўныя рэсурсы і адкрывалі перспектывы яе нацыянальнага развіцця.

Асаблівую актуальнасць у 20-х гадах пачынаюць набываць пытанні ўпарадкавання тэрміналогіі. У тагачасным друку ўзнікаюць шматлікія дыскусіі наконт шляхоў стварэння тэрміналогіі. Так, М. Байкоў сцвярджаў, што «проста неабходна выкарыстаць для навуковага ўжывання беларускія словы, ужо існуючыя, ці ўтварыць новыя з беларускіх карэньняў» [3, 80], А. С. Некрашэвіч запэўніваў: «Чужаземныя словы ў нашай літаратурнай мове няроўнапраўныя члены моўнай сям'і» [4, 175], Л. Більдзюкевіч даводзіў, што «тэрміны ... павінны быць створаны на аснове народнай мовы й толькі ў крайнім выпадку можна карыстацца клясычнымі або іншаземнымі» [5, 23]. Такім чынам, упершыню на ўзроўні мовазнаўчых дыскусій уздымаецца пытанне аб норме ў тэрміналогіі.

У сучасным тэрміназнаўстве нарматыўны аспект разглядаецца ў двух планах: у аспекце агульналітаратурнай і тэрміналагічнай нормы. Агульналітаратурная норма прадвызначае правільнае моўнае афармленне тэрмінаў, а тэрміналагічная норма патрабуе, каб тэрміны

адпавядалі сістэмным патрабаванням у плане зместу і выражэння. Зразумела, што на пачатку станаўлення беларускай тэрміналогіі праз адносна невялікую колькасць навуковых тэкстаў на беларускай мове і адсутнасць даследаванняў у некаторых галінах навукі праблема нормы не магла быць вырашана на тэрміналагічным узроўні, таму пры вызначэнні нарматыўнасці тэрмінаў лінгвісты арыентаваліся першاپачаткова на крытэрыі агульналітаратурнай мовы.

Вызначальнай тэндэнцыяй развіцця граматычнай тэрміналогіі 1920–1926 гадоў з’яўляецца нацыянальны пурызм, сутнасць якога заключаецца ў фарміраванні спецыяльных найменняў на базе агульналексічнага фонду беларускай мовы, процідзейні да іншамовных слоў як тэрмінатворчага матэрыялу і нармалізатарскай дзейнасці лінгвістаў. Асноўнай праблемай гэтай дзейнасці сталася пытанне суадносін нацыянальнай і запазычанай тэрміналагічнай лексікі, што дазваляе акрэсліць этап развіцця марфалагічнай і сінтаксічнай тэрміналогіі 20-х гадоў як **пурыстычны**.

Вывучэнне граматычнага ладу беларускай літаратурнай мовы ў паслякастрычніцкі час у асноўным вызначалася прагматычным накірункам развіцця. Граматычныя катэгорыі і адпаведныя тэрміны на гэтым этапе разглядаюцца ў сістэме арфаграфічных правіл і ў аспекце распрацоўкі правапісных норм беларускай літаратурнай мовы ў лінгвістычных артыкулах Я. Ю. Лёсіка «Некаторыя ўвагі да беларускае літаратурнае мовы» і «Неўстаноўленыя выпадкі нашага правапісу», С. М. Некрашэвіча «Правапіс спрэчных дзеяслоўных форм», Я. Станкевіча «Аканьне ў скланенню назоўных імёнаў», «Прыстаўное “в” у мове беларускай», «Пачатнае “о – е” ў славянскіх мовах», «Іменны з суфіксам -іня», «Мова “Сьцежкаў – дарожкаў” М. Зарэцкага». У 20-х гадах пачынаецца шырокае вывучэнне помнікаў старабеларускай пісьменнасці. Мовазнаўцы, характарызуючы асаблівасці мовы першакрыніц, даследуючы старажытныя формы і гісторыю беларускай мовы, не маглі не выкарыстоўваць марфалагічныя і сінтаксічныя тэрмінаадзінкі. Да такіх прац адносяцца артыкул В. Воўка-Левановіча «Гістарычнае вывучэнне беларускай мовы ў славянскай філалогіі» і Я. Карскага «Беларускі народ і яго мова». Ужываюцца граматычныя найменні і ў даследаванні беларускіх гаворак П. А. Бузука «Да характарыстыкі паўночна-беларускай культуры. Гутаркі Невельскага і Вяліскага павятаў». Вялікую ролю ў станаўленні беларускай марфалагічнай тэрміналогіі адыгралі падручнікі і дапаможнікі Я. Лёсіка «Практычная граматыка», «Сынтакс беларускае мовы» (першае і другое выданні), «Беларуская мова. Пачатковая граматыка», «Граматыка беларускае мовы: Фонэтыка», якія карысталіся асаблівай папулярнасцю на працягу 20–30-х гадоў і выдаваліся тыражамі ў некалькі дзесяткаў тысяч экзemplараў. У перыяд з 1920 па 1926 год даследчыкі ўжываюць больш за 700 граматычных тэрмінаадзінак, асноўная частка з якіх рэпрэзентавалася ў беларускай мове ўпершыню. Даследуючы марфалагічныя і сінтаксічныя з’явы беларускай мовы, паглыбляючы і ўдакладняючы граматычныя паняцці, распрацаваныя ў 1918 годзе Б. Тарашкевічам, Я. Лёсікам і Б. Пачобкам, лінгвісты распрацоўваюць наступныя аспекты марфалогіі і сінтаксісу, ужываючы адпаведныя тэрмінаадзінкі, якія не ўводзіліся раней:

- характарыстыка марфалогіі як раздзела мовазнаўства;
- агульнамарфалагічныя паняцці;
- класіфікацыя часцін мовы паводле лексічных і граматычных адзнак;
- дэталізацыя назоўнікаў паводле значэння, катэгорыі склонаў, вылучэнне групы рознаскланяльных назоўнікаў;
- вылучэнне разрады якасных прыметнікаў, якія выражаюць значэнне высокай / нізкай меры якасці і групы прыметнікаў у залежнасці ад семантычнай дыферэнцыяцыі і марфалагічных адзнак;
- падзел лічэбнікаў паводле значэння і структуры;
- спарадкаванне граматычных формаў дзеяслова, іх характарыстыка паводле аднаразовасці дзеяння, вылучэнне тыпаў зваротных дзеясловаў паводле значэння, групы рознаспрагальных дзеясловаў, увядзенне формаў, утвораных ад дзеяслова;
- граматычныя характарыстыкі дзееспрыметніка і дзееспрыслоўя;
- сістэматызацыя прыслоўяў паводле значэння і будовы;
- падзел прыназоўнікаў паводле будовы;
- характарыстыка злучнікаў паводле функцыянальнага прызначэння, паходжання і будовы;
- вызначэнне часціцы як часціны мовы, класіфікацыя часціц паводле значэння;
- увядзенне гукапераймальнага слоў;
- агульнасінтаксічныя паняцці;

- характарыстыка словазлучэння як граматычнай адзінкі, яго будовы і асаблівасцей сувязі слоў, тыпы словазлучэнняў паводле сінтаксічнай сувязі слоў, характарыстыка гэтых сінтаксічных сувязей;

- вызначэнне прэдыкатыўнасці граматычнай асновы, спосабы выражэння дзейніка, лексічнага і граматычнага значэння ў выказніка;

- характарыстыка дапаўненняў у залежнасці ад марфалагічнага выражэння і сінтаксічнай функцыі паясняемага слова, паводле наяўнасці / адсутнасці прыназоўніка, класіфікацыя прыдаткаў паводле спосабу марфалагічнага выражэння, падзел акалічнасцей па значэнню;

- вылучэнне канструкцый, якія не з'яўляюцца членамі сказа;

- увядзенне тыпаў сказаў паводле наяўнасці / адсутнасці дзейніка і выказніка, адмоўных слоў;

- вызначэнне аднародных членаў сказа;

- вылучэнне парадку слоў у сказе;

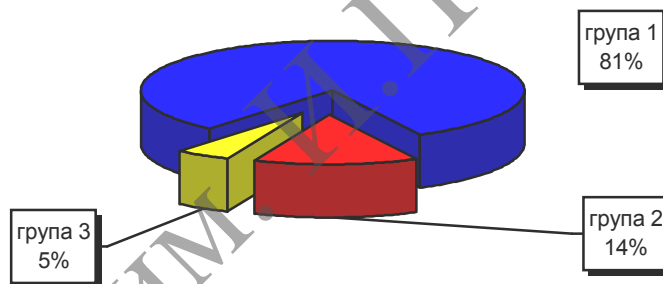
- класіфікацыя відаў сувязі частак у складаным сказе, тыпаў частак складанага сказа, відаў складаных сказаў;

- дэталізацыя відаў даданных частак складаназалежнага сказа;

- вызначэнне сказаў з простаай, няўласна-простаай і ўскоснай мовай.

Такім чынам, граматычная тэрміналогія 1920–1926 гадоў атрымала значнае колькаснае і паняццевае пашырэнне.

Прааналізаваны матэрыял паказвае, што асноўным накірункам развіцця граматычнай тэрміналогіі гэтага перыяду з'яўляецца ўсвядомленае імкненне выкарыстоўваць у якасці тэрмінаў агульнанародныя словы або ствараць новыя тэрміналагічныя найменні на аснове ўласнабеларускіх слоў. Асаблівасці граматычнай тэрміналогіі 1920–1926 гадоў адлюстраваны на малюнку:

Малюнак – Крыніцы паходжання беларускай граматычнай тэрміналогіі пурыстычнага этапу

Асноўнай крыніцай станаўлення граматычнай тэрміналогіі ў акрэслены перыяд стала лексічная сістэма беларускай народнай мовы. Пры стварэнні 81% тэрмінаадзінак або кампанентаў тэрміналагічных словазлучэнняў (група 1) выкарыстоўваліся агульнанародныя словы: **абвесны лад, іменьнік агульны, адмоўныя займеньні, адзіночны лік, адмоўнасьць, аднаразовыя дзеясловы, ажыўленыя прадметы, азначальны прыдатак, давальны склон прыналежнасці, дзеяназоўнікі, дзейныя дзеяпрыметнікі, дзеянне несапраўднага дзеяння, залежныя склоны, ласкальныя прыметы йменныя, назоўнік займенны зваротны, называльныя словы, незначальная форма, пераймальнасьць, наступны час і г. д.** У саставе 14% тэрміналагічных намінацый (група 2) ужываўся іншамоўны кампанент або тэрмінаадзінка ўтваралася шляхам спалучэння запазычанага слова (у асноўным грэчаскага або лацінскага паходжання) з беларускім: **акасьцянялыя формы, абстрактныя іменні, актыўныя дзеяпрыметнікі, віды формальных зьмен, граматычны разбор, групы дзеясловаў зваротнага стану, дзеяпрыметнік пасыўнага значэння, дзеяслоў безасабовага сэнсу, імёны мускія матар'яльныя, клясы зьмен слоў, морфалёгічныя асаблівасці, прыслоўі неграматычныя, словы бяз формы, творна-прыкладное прэдыкатыўнае дапаўненне, формаслоўніца, хвормы клічнага склону, граматычны дзейнік, двухчленны сказ, лёгічны дзейнік, незначальна-суб'ектыўны сказ, нормальныя рады слоў, сынтаксычныя звароты, морфалёгічная структура прыслоўяў і інш.** У складзе другой групы вылучаецца 5% інтэрнацыянальных граматычных адзінак (група 3) – найменняў, якія паходзяць

з мовы-першакрыніцы і ўжываюцца ў многіх роднасных і няроднасных мовах з аднолькавым або бліzkім значэннем: **граматычныя катэгорыі, граматычны сэнс, інфінітыў, інфінітыўная форма, морфалёгія, морфолёгія, морфолёгічны аналіз, прэдыкат, прэдыкатыўнасць, сынтакс, сынтаксіс, сынтаксычна, сынтаксычны аналіз, сынтаксычныя факты, цытата.**

Як сведчыць прааналізаваны матэрыял, марфалагічная тэрміналогія 1920–1926 гадоў яшчэ не мела адзінства ні ў плане зместу, ні ў плане выражэння: даследчыкі ў працах розных гадоў адной тэрмінаадзінкай абазначалі розныя марфалагічныя паняцці або, наадварот, пры абазначэнні адных і тых жа паняццяў выкарыстоўвалі розныя тэрміны. Напрыклад, назоўнікі, утвораныя ад дзеясловаў (**дзеязоўнікі, дзеяслоўныя назоўнікі, дзеяслоўныя імёны**), або ўключаюцца ў агульную класіфікацыю іменных часцін мовы (**назоўнікі іменныя, лічэбныя, займенныя і дзеяслоўныя**) [6, 86], або характарызуюцца як словы з агульным значэннем дзеяння [6, 86], [7, 615]. **Прыметнікі якасныя і адносныя** паводле сваіх марфалагічных прыметах вызначаюцца як самастойны клас іменных часцін мовы (**прыметнікі якасныя, адносныя, лічэбныя і займенныя**) [8, 3–4] і як разрад **прыметнікаў**: «**Прыметнікі іменныя дзеяцца на 1) якасныя, 2) прыналежныя і 3) адносныя**» [6, 126]. **Неазначальная форма дзеяслова**, або **інфінітыў**, уключаецца ў **дзеяслоўныя часціны мовы** разам з **дзеяпрыметнікам і дзеяпрыслоўем** [9, 23] і як **дзеяслоўная форма** [6, 70]. **Дзеяпрыметнік** характарызуецца як **група прыметніка** паводле значэння (**прыметнікі іменныя, прыметнікі займенныя і дзеяпрыметнікі**) [6, 125] і як **дзеяслоўная форма** [6, 70]. У кола **дапаможных слоў** уключаюцца часціцы і выклічнікі (**словы пацьвярдзальныя, адмоўныя і выклічнікі**) [9, 44] або **прыназоўнікі, злучнікі**, часціцы (**дапаможнікі і выклічнікі**) [6, 152]. **Дапаможнік** вызначаецца як **формаўтваральная часціца б (бы)** [6, 85], як «**словы нязьменныя, што ня маюць формы**» разам з **прыслоўямі, дзеяпрыслоўямі, прыназоўнікамі, злучнікамі і выклічнікамі** [9, 3] і ў якасці часціц, якія выражаюць розныя сэнсавыя адценьні [6, 61].

Характэрнай рысай граматычнай тэрміналогіі 1920–1926 гадоў з’яўляецца варыянтнасць, дублетнасць і сінанімічнасць адзінак, што вытлумачаецца агульнай тэндэнцыяй станаўлення тэрміналагічнай сістэмы. 20% тэрміналагічных найменняў пурыстычнага этапу ўступалі ў варыянтныя адносіны. Асаблівасць паралельных ужыванняў граматычных тэрмінаадзінак 1920–1926 гадоў – выкарыстанне інтэрнацыянальных найменняў або іх кампанентаў у якасці варыянтных: **выказальнасць – прэдыкатыўнасць, морфолёгічны назіранні – морфолёгічны аналіз, неазначальна-асабовы сказ – неазначальна-суб’ектыўны сказ, асабовы дзеяслоў – дзеяслоў у васабовай форме – флексыўная форма дзеяслова, морфалёгія – морфолёгія – формаслоўніца, морфолёгічныя асаблівасці – морфолёгічныя факты, выказынік – прэдыкат, безасабовы сказ – бессуб’ектыўны сказ, неазначальны лад дзеяслова – інфінітыўная форма – інфінітыў і інш.**

Сярод прыёмаў увядзення ў граматычную тэрміналогію новых адзінак выкарыстоўваліся наступныя:

а) ужыванне запазычанай дублетнай тэрмінаадзінкі, якая афармлялася праз дужкі: «... гэтыя дзеясловы не спрагаюцца, г. зн. не змяняюцца ў асобах і ліках, а ў прошлым часе ў родах, як звычайныя дзеясловы. Такія дзеясловы вытвараюць безасабовыя (бессуб’ектыўныя) сказы» [8, 47], «... дзеяпрыметнікі на -чы, -шы і залежныя (пасыўныя) на -ны, -ты» [10, 95], «такія дзеяслоўныя формы называюцца неазначальнымі формамі (інфінітывамі)» [6, 70], «такія сказы, дзе нельга назваць таго слова, якое магло-б быць дзейнікам, але дзе выказынік – асабовы дзеяслоў, называюцца неазначальна-асабовымі (неазначальна-суб’ектыўнымі)» [8, 47], «аўтар можа прывесці толькі частку чужой мовы (цытату)» [6, 176];

б) выкарыстанне рускамоўнай дублетнай тэрмінаадзінкі, якая таксама афармлялася праз дужкі: «**абстрактныя (отвлечённые) іменныя**» [11, 634], «**запрошлы час (преждепрошедшее время)**» [12, 114], «...некаторыя паспелі ўжо стаць іменнікамі назоўнымі (существительными)» [10, 95], «**прыйма – предлог (часть речи)**» [13, 191];

в) рэпрэзентацыя моўнага паняцця пры дапамозе беларускамоўнай дублетнай адзінкі: «...**сынтакс грэцкае слова, панашаму – складаньне**» [9, 10], «**часоў у мове тры: 1) цяперашні, 2) прошлы і 3) будучы (наступны) час**» [6, 70], «**казаньне дзеліцца на часткі, або склады**» [14, 24];

г) тлумачэнне, формай якога з’яўляецца невялікі кантэкст, які ўдакладняе іншамоўную тэрмінаадзінку або яе кампанент: «**Морфолёгія – навука аб формах слоў, аб іх зьменах і вытварэнні. Пабеларуску морфолёгію можна назваць формаслоўніцай**» [9, 9], «**слова «прэдыкат» лацінскае, значыць – выказынік, а слова «прэдыкатыўны» – выказальны.**

Дзеля гэтага другі назоўны склон ... называецца назоўным прэдыкатыўным» [9, 145], «сынтас – грэцкае слова; панашаму – складаньне» [9, 10].

Такім чынам канкрэтызаваўся сэнс адзінак, значэнне якіх тэрмінавалася, і дасягалася галоўнае тагачаснае патрабаванне – ствараць як мага больш даступную і зразумелую тэрміналогію.

Тэрміналагічны разнабой у лінгвістычных працах 1920–1926 гадоў наглядаецца і ў выніку розных класіфікацый іменных часцін мовы, што абумовіла існаванне шматлікіх паралельных тэрмінаў з адпаведнымі сістэмнымі сувязямі. Так, у мовазнаўчых працах Я. Лёсіка іменных часціны мовы дыферэнцуюцца на два раздзелы: **назоўнік** і **прыметнік**. **Назоўнікі** падзяляюцца на **назоўнікі іменныя**, **лічэбныя** і **займенныя**, што адпавядае сучасным тэрмінам **назоўнік**, **колькасны лічэбнік** і **займеннікі-назоўнікі**. **Прыметнікі** класіфікуюцца наступным чынам: **прыметнікі назоўныя**, або **назоўнікі прыметныя**, **прыметнікі лічэбныя** і **прыметнікі займенныя**, што суадносіцца з сучаснымі тэрмінамі прыметнік, парадкавы лічэбнік і займеннік-лічэбнік. Акрамя таго, паняцце назоўніка рэпрэзентуецца наступнымі тэрмінамі: **іменьне назоўнае**, **імя назоўнае**, **імя**, **іменьнік**, **назоўнік**. Паняццю прыметніка адпавядаюць наступныя тэрміны: **прыметны**, **прымета**, **імя прыметнае**, **імя прыметнае**, **назоўнік прыметны**, **прыметнік назоўны**, **прыметнік**, **прымета**, **прыметнік іменны**, **іменьне прыметнае**.

Аднак прааналізаваны матэрыял сведчыць аб тым, што, у параўнанні з пачатковым этапам развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі новай літаратурнай мовы (1917–1919 гады), на пурыстычным этапе агульная варыянтнасць колькасць марфалагічных і сінтаксічных найменняў зніжаецца на 10%. На нашу думку, такая тэндэнцыя цесна звязана з інтэнсіўнымі працэсамі фарміравання граматычнай тэрміналогіі, пошукамі агульнапрымальнага моўнага афармлення лінгвістычных паняццяў. Зніжэнне агульнай варыянтнасці граматычнай тэрміналогіі ў 1920–1926 гадах сведчыць аб пачатковых праявах працэсу нармалізацыі тэрміналагічнай лексікі.

Мэтанакіраваная распрацоўка тэрмінаў мовазнаўства пачалася ў 1918 годзе. На старонках газеты «Вольная Беларусь» друкуецца невялікі спіс «Зь беларускага слоўніка». Разьдзел «Граматыка», які змяшчае 24 тэрмінаадзінкі, з якіх дзве фанетычныя, а астатнія – пунктуацыйныя. Граматычная тэрміналогія пачынае фіксавацца з 1921 года ў «Невялічкім беларуска-маскоўскім слоўніку» М. Гарэцкага (11 адзінак), «Падручным расійска-крыўскім (беларускім) слоўніку» В. Ластоўскага 1924 года (12 адзінак), «Беларуска-расейскім слоўніку» М. Байкова, С. Некрашэвіча 1925 года (92 адзінкі). Прааналізаваны матэрыял дэманструе граматычныя тэрміны, зафіксаваныя ў слоўніках, уласна беларускія паводле паходжання, за выключэннем тэрміна **сынтас** [12, 306]. Акрамя таго, слоўнікі М. Байкова, С. Некрашэвіча і В. Ластоўскага нярэдка фіксуюць тэрмін, варыянтны граматычнаму найменню, якое шырока ўжываецца ў працах мовазнаўцаў 1920–1926 гадоў: часць мовы – **адзел слоў** [15, 121], дзеяслоў – **словачын** [15, 121], займеньнік – **займе** [15, 169], злучнік – **звязак** [12, 132], імя агульнае – **імя звычайнае** [12, 136], стан – **становішча** [15, 121], азначэнне – **вызначэнне** [12, 65], падпарадкаванне – **падлегласць** [12, 209].

Нармалізацыйны патэнцыял мелі метадычныя праца 20-х гадоў: «Мэтодыка роднае мовы» К. Міцкевіча, «Програма па беларускай мове для V, VI і VII класаў беларускай працоўнай сямілетняй школы», надрукаваны ў шостым нумары часопіса «Асьвета» артыкул «Да аб’ёму ведаў па мове і матэматыцы I–IV гадоў навучаньня». Аўтары названых матэрыялаў выказвалі заклапочанасць аб тым, каб «вывучэнне беларускай мовы паставіць на належную вышыню» [16, 3], больш таго сістэматызавалі, абагульнялі **граматычны матар’ял** [16, 7] адпаведна **разьдзелам мовы** [16, 3], размяркоўваючы **морфалёгічныя** і **сынтасычныя факты мовы** [16, 4].

Вывады

Такім чынам, пурыстычны этап развіцця беларускай граматычнай тэрміналогіі характарызуецца наступнымі тэндэнцыямі: 1) далейшай распрацоўкай аспектаў беларускай марфалогіі і сінтаксісу і – як вынік – адпаведным колькасным узбагачэннем граматычнай тэрміналогіі; 2) пашырэннем нацыянальных элементаў у беларускай граматычнай тэрміналогіі, што знайшло сваё адлюстраванне ў тэндэнцыі свядомага імкнення выкарыстоўваць агульнанародныя словы ў якасці тэрмінаадзінак; 3) пачатковымі праявамі працэсу інтэрнацыяналізацыі беларускай граматычнай тэрміналогіі; 4) шырокай варыянтнасцю тэрміналагічных найменняў; 5) аспектамі ўпарадкавання марфалагічнай і сінтаксічнай тэрміналогіі, што выявілася ў адлюстраванні граматычных тэрмінаў у слоўніках і вучэбна-метадычных матэрыялах 20-х гадоў, а таксама ў спробе класіфікацыі граматычных паняццяў беларускай мовы, адпаведна граматычных тэрмінаадзінак у плане марфалогіі і сінтаксісу.

Літаратура

1. Журавлёв, В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В. К. Журавлёв ; отв. ред. Ю. Д. Дешериев. – М. : Наука, 1982. – 373 с.
2. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў сферы навукі / А. А. Лукашанец // Сучасная беларуская мова ў сферы сучаснай навукі. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – С. 78–79.
3. Аглядальнік. Некаторыя ўвагі на беларускую літаратурную тэрміналогію // Польша. – 1923. – № 7–8. – С. 80
4. Некрашэвіч, С. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы / С. Некрашэвіч // Польша. – 1925. – № 5. – С. 165–186.
5. Більдзюкевіч, Л. Асновы беларускае матэматычнае тэрміналогіі / Л. Більдзюкевіч // Школа і культура Советской Белоруссии: Беларускі аддзел. – 1921. – № 1. – С. 23–27.
6. Лёсік, Я. Школьная граматыка беларускае мовы / Я. Лёсік. – 4-е выданьне, нанова напісанае. – Менск : Белдзяржвыдавцтва, 1926. – 184 с.
7. Станкевіч, Я. [Рэцэнзія] / Я. Станкевіч // Язык і языказнаўства. – 2-е выданьне, папраўленае і дапоўненае. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2007. – С. 602–617. – Рэц. на часопіс : Крывіч. Месячнік літаратуры, культуры і грамадзкага жыцця / пад рэд. В. Ластоўскага. – 1925. – № 10, ліпень-снежань. – Коўна, 1925. – 124 с.
8. Лёсік, Я. Сынтакс беларускае мовы / Я. Лёсік. – 2-е выд., пераробленае. – Менск : ДВБ, 1926. – 272 с.
9. Лёсік, Я. Сынтакс беларускае мовы / Я. Лёсік. – Менск : ДВБ, 1924. – 268 с.
10. Лёсік, Я. Некаторыя ўвагі да беларускае літаратурнае мовы // Спадчына. – 1994. – № 2. – С. 92–103.
11. Станкевіч, Я. Іменьні з суфіксам *-іня* // Станкевіч Я. Язык і языказнаўства / Я. Станкевіч. – 2-е выданьне, папраўленае і дапоўненае. – Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2007. – С. 633–635.
12. Байкоў, М. Беларуска-расійскі слоўнік / М. Байкоў, С. Некрашэвіч. – Менск : ДВБ, 1925. – 360 с.
13. Гарэцкі, М. Невялічкі беларуска-маскоўскі слоўнік / М. Гарэцкі ; пад рэд. Я. Станкеўчыка. – 2-е выданьне, стэрэатыпнае. – Вільня : Кніжнае вяд-ва, 1921. – 14 с.
14. Станкевіч, Я. Беларуская правапісь: 3 практыкаваньнямі / Я. Станкевіч. – Вільня : друкарня «Віленскага выдавецтва» Б. Клецкіна, 1921. – Кн. 1. – 32 с.
15. Ластоўскі, В. Ю. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік / В. Ю. Ластоўскі. – Коўна : Друкарня А. Бака, 1924. – 834 с.
16. Праграма па беларускай мове для V, VI і VII класаў беларускай працоўнай сямілетняй школы. – Менск : Наркамасьветы Б.С.С.Р., 1926. – 18 с.

Summary

The paper deals with the analysis of the puristic tendencies in the development of the Belarussian grammatical terminology of the 1920s of the 20th century. The author examines the initial processes of regulation and normalization, the primary approaches to elaboration of standard aspects of the Belarussian grammatical terminology.

Паступіў у рэдакцыю 01.04.10.

УДК 811.161.1'373.612.2

*О. И. Ревуцкий***РУССКИЕ МЕТАФОРИЧНЫЕ ТЕКСТЫ
С ОПОРНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ «СЛОВО», «ПОЭЗИЯ», «СТИХ»**

*В статье исследуются серии метафоричных текстов, в зону отталкивания которых входят распространённые в метафорическом поле «поэтическое творчество» элементы **слово, поэзия, стих**. Выявляются характерные направления осмысления опорных понятий и реализующиеся в рамках данных направлений метафорические модели, устанавливаются типовые схемы развёртывания метафоричности, выявляются случаи пересечения метафорических моделей.*

Введение

Метафоры, связанные с темой «словесно-художественное творчество», в современной художественной литературе распространены достаточно широко. Примеры такого рода метафор отмечаются и в поэзии XIX столетия [1, 34–36], [2, 108], однако в последние десятилетия XX века наблюдается их количественный рост и расширение приёмов выражения метафоричности.

В качестве опорных элементов выделенного на основе анализа современных материалов метафорического поля «словесно-художественное творчество» выступают лексемы **слово, поэзия, стих, речь, язык, рифма, фраза, строка, поэма, песня** и др. Из них на первом месте по частоте употреблений оказываются такие, как **слово, поэзия и стих**. Именно эти элементы наиболее часто выступают в качестве опорных в метафорах текстообразующего характера и повторяются в целых сериях текстов, которые принадлежат разным авторам.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что метафоричность данных текстов носит системный характер и определяется сложившимися в стиле современной русской поэзии глобальными направлениями осмысления.

Цель исследования – установить среди таких направлений наиболее стабильные, выявить состав соответствующих каждому из направлений лексико-семантических элементов из зоны источника и на этой основе выделить спектр реализующихся в составе каждой из рассматриваемых серий текстов метафорических моделей. В задачи работы входит также установление фактов возможного совмещения и пересечения в текстах разных метафорических моделей, а также характерных для каждой модели типовых схем развёртывания метафоричности.

Под метафорической моделью в нашем исследовании понимается бинарная структура, характеризующаяся семантической однородностью элементов, включающихся в зону отталкивания (отталкивания), и элементов, принадлежащих зоне прибытия (или источника метафорической экспансии). Если исходить из традиционного понимания метафоры, то зоны отталкивания и прибытия с некоторой долей условности могут быть квалифицированы как зоны сравниваемого и сравниваемого.

Принятое нами понимание метафорической модели сближается с используемым в работах А. Н. Павловича понятием парадигмы образов, в котором за основу берётся наполняющий ту или иную модель лексический материал [3, 104–118].

Результаты исследования и их обсуждение

Для анализа были отобраны тексты известных русских поэтов, часто обращающихся к метафоре: С. Ботвинника, Н. Заболоцкого, В. Маяковского, Е. Винокурова, Л. Мартынова, С. Острового, Л. Татьяничевой, Н. Тихонова, В. Цыбина и ряда других.

Вначале обратимся к наиболее распространённой серии текстов с опорным элементом **слово**.

Анализ показал, что характер метафоричности этого лексического элемента в текстах находится в зависимости от относительно небольшого количества векторов осмысления, среди которых преобладают такие, как представление о трудности обработки словесного материала, осмысление слова как большой духовной ценности, как поэтического средства, способного бороться со злом, оказывать влияние на будущее, и др.

Для текстов, где осмысление слова проводится в рамках первого из направлений, характерны анималистические метафоры, связанные с уподоблением «неподатливых» слов представителям фауны: (птицам, животным) и т. д.

При этом поиск слов представляется как ловля или охота. Таков, например, текст С. Острового «Слово», основывающийся на метафоре **слово – чёртик: *Всю ночь ловлю я слово, как чёртика, за хвост.***

Изображение слова как прячущегося находим и в тексте С. Ботвинника «Начинаются снова и снова...», что также привело автора к использованию анималистической метафоры: **Где сумело оно притаиться, / где укрыться сумело хитро? / Пролетела, мелькнула жар-птица / и вдали уронила перо.**

В тексте Н. Заболоцкого «Светляки» анималистическая метафора передаёт итог трудной работы со словом, т. е. «приручение»: **Дыхание фанфар и бубнов незнакомых. / Там медленно гудит и бродит в вышине, / Что жалкие слова? Подобья насекомых! / И всё же эта тварь была послушна мне.**

В ряде случаев прослеживается связь с прецедентными текстами, в частности с поговоркой *слово не воробей...*, в чём можно усмотреть образную реализацию мысли об ответственности за сказанные слова: **Его нельзя назад. / Не воробей! Пошло гулять по свету (Е. Винокуров «Слово»).**

С темой сложности выбора слов и ответственности за сказанное связаны и такие тексты, в которых в процесс метафоризации включаются слова, сказанные неудачно, брошенные наспех. В тексте Л. Мартынова «Пчёлы» такие слова характеризуются, как жалившие пчёлы: **Но мир смеётся: / Сам же виноват! / И сотни слов, жужжа, язвят, как пчёлы.**

Помимо признаков неуловимости, «ускользания» в основу анималистических метафор могут быть положены и другие признаки. Например, в тексте Б. Ахмадулиной «Немота» обыгрываются коннотации, связанные с лёгкостью полёта, приятностью звучания и т. д. Мысль об утрате поэтичности слов выражается здесь как потеря «соловьиных» качеств: **...но мертвы моих слов соловьи, / и теперь их сады – словари.**

Тема ответственности за высказанные слова раскрывается и в тексте Л. Мартынова «Словами иногда швыряются...», метафоричность которого не основывается на уподоблении живому существу, а строится по модели «слова – предметы». В данном тексте обыгрывается способность случайно брошенных слов долго оказывать своё вредное воздействие: **И, может быть, порой случается, / Что и вокруг Земли вращаются... / И падают, и возвращаются / Слова, звучавшие в былом.**

В серии текстов, где метафоризация слова связывается со вторым из названных направлений – слово – большая духовная ценность, выделяется несколько малых серий, демонстрирующих более узкие направления метафоричности. Примеры такого рода находим у Н. Рубцова, С. Королёва, Н. Матвеевой и ряда других авторов.

Одна из малых серий, где подчёркивается воодушевляющая сила слов, реализуется в рамках традиционной, часто реализующейся в произведениях поэтов XIX–XX веков модели «слово – явление огненной стихии».

В тексте Н. Рубцова «Брал человек холодный мёртвый камень...» слово уподобляется искре, высекаемой с помощью огнива: **Твоя судьба не менее сурова – / Вот так же высекай огонь из слова.**

Аналогично развёртывается метафоричность в тексте С. Королёва «Высекай искру».

Мысль о высокой значимости слова нередко передаётся посредством метафоризации по модели «слово – драгоценная вещь, предмет, материал». Примером может служить текст Н. Матвеевой «Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...», в котором представлена серия уподоблений слов скрытым в земле сокровищам: **Есть клады ценных слёз, есть копи, есть пещеры / Алмазных вымыслов и фактов золотых. / Но муза не придаст им ни малейшей веры, / Пока отделки блеск не заиграл на них.** По такой же модели строится метафора в тексте Я. Козловский «Колечко».

В тексте А. Вознесенского «За тобою прожжённые годы...» метафорически обыгранна способность слов и других поэтических слов использоваться в качестве дара, посвящения, что находится в связи с опорной метафорической моделью «слова – драгоценности»: **Я лишаю тебя гражданства, / и, как серьги, – толкая взапой, – / Все слова, что ты мной награждалась, / вырву с мочками из ушей.**

Актуальным для современной поэзии остаётся и традиционное уподобление слов (и других поэтических средств) видам оружия. В подобных текстах подчёркивается большая значимость слова как орудия в борьбе со злом. На такой метафоре строится текст Н. Тихонова «Ворота Искандера» с базовой метафорой **слово – меч**, которая выражает способность слова рассекать все преграды, уничтожать препятствия, мешающие сближению народов: **Слово дружбы – оно рассекает не хуже / Все преграды, и с ним мы идём.**

В серии текстов, где метафорически отображается высокая значимость слова, особую группу составляют такие, в которых данное качество подчёркивается с помощью оксюморона. Такой приём находим в текстах Л. Татьянической и Л. Мартынова, где оксюморон строится по одной и той же формуле – «в малом – огромное, великое». В тексте Л. Татьянической «Висит на кончике пера решающее слово...» имплицитное сравнение слова с каплей подчёркивается другим, резко контрастирующим с первым уподоблением слова горе: *Висит на кончике пера / Решающее слово. / Как обречённая гора, / Обрушиться готово.*

В тексте Л. Мартынова «Капля крови» сравнение слова с каплей осложняется дополнительной образно осмысленной оппозицией лёгкости – тяжести: *Я хочу, чтоб скрылось в слове / Столько пламенного жара, / Будто это капля крови, / Тяжелей земного шара.*

Одну из достаточно распространённых малых серий составляют тексты, в которых отражена способность слова оказывать влияние на будущее. Такое осмысление ведёт к использованию в роли метафор лексических элементов из группы «растения», где в роли базовой ассоциации используется признак «способность прорасти, давать новую жизнь». Таков текст Е. Евтушенко «Не важно, есть ли у тебя преследователи...», где представлена развёрнутая фитонимическая метафора: *Да будет слово явлено, / простое и великое, / как яблоко – / с началом яблонь будущих внутри.*

В тексте С. Острового «Слово» поэтические слова уподобляются зёрнам: *А тут всё рвётся к зёрнам, / а в зёрнах спит заряд, / глушу себя снотворным / Какую ночь подряд.*

Ассоциация «слово – плод, зерно» присутствует и в тексте Е. Винокурова «Слово»: *А есть слова – по ним глаза скользят. / Стручки пустые. В них горошин нету.*

Наряду с текстами, которые демонстрируют регулярные направления метафоричности, встречаются и такие, которые носят нерегулярный характер, хотя в целом не выпадают из круга традиционных представлений о художественном слове как о феномене, имеющем большую духовную значимость.

Например, в тексте Л. Татьянической «Меченые атомы» вынесенная в заглавие и далее развёртывающаяся метафора характеризует способность поэтического слова выражать скрытые смыслы: *С людьми, Душой богатыми, / Поэзия в ладу. / Слов меченые атомы / Лежат не на виду.*

Перейдём теперь к рассмотрению текстов с отправным элементом **поэзия**. Метафорическое развёртывание данного слова в текстах определяются рядом направлений, из которых преобладают такие, как осмысление поэзии с точки зрения её тесной связи с жизнью, способности поэзии воодушевлять, вести за собой, чутко откликаться на все события жизни и т. д. Подобные направления в одних и тех же текстах часто совмещаются, чем определяется и совмещение реализующихся в текстах метафорических моделей.

Наличие определённых метафорических элементов в зоне прибытия часто зависит от семантических наслоений, наработанных в метафорических контекстах другой направленности. Так, например, представление о всеобъемлющем характере поэзии в тексте С. Ботвинника «Слово» о поэзии² привело к появлению текстовой метафоры «поэзия – река», поскольку именно с рекой связано символическое представление широты и раздолья. Помимо этого в тексте реализовано традиционное представление о реке как о хранилище духовности страны и её народа: *Поэзия земли моей река, / в ней слышен чистый голос родника / и грохот вод, несущихся в ущелье... / Она хранит и первый луч зари, и городов высоких фонари, / и тополей пушистое веселье.*

К появлению гидронимической метафоры «поэзия – море» в тексте Б. Слуцкого «Чрезвычайность поэзии» привело акцентирование в понятии «поэзия» признаков бескомпромиссности, активности и напора: *Я трогаю босой ногой / Прибой поэзии холодный. / А может, кто-нибудь другой – / Худой, замызганный, голодный – / С разбегу прыгнет в пенный вал, / Достигнет сразу же предела.*

В ряде текстов тема широты, глобализма поэзии раскрывается в контексте традиционного противопоставления двух видов поэзии, высокой и низкой. В стихотворении Л. Мартынова «Кусок небес» представление об этих видах поэтического творчества выражается посредством метафорической параллели: *поэзия – Земля и поэзия – небо*, которая выливается в утверждение о внутреннем тождестве земного и небесного и, следовательно, об отсутствии принципиальных различий между «низкой» и «высокой» поэзией: *И не вини меня в непостоянстве, / О, небо грёз, с чьих грозных круч я слез / В предел Земли, которая в пространстве / Не что иное, как комок небес.*

Тема широты отображения реальности в плане охвата высокого и низкого раскрывается и в другом тексте Л. Мартынова – «Поэзия отчаянно сложна...»: **Она везде, и не её вина, / Что и в земле и в небе равно кроясь, / Как Эребус, венчая Южный полюс, / Поэзия не ребус, но вольна / Звучать с любого белого пятна, Как длинная и средняя волна, / И на волне короткой весть и повесть.**

Всеобъемлющий характер поэзии в тексте Н. Матвеевой «Пёстрый ларчик» раскрывается путём указания на её способность отображать противоположные по своему характеру сферы бытия и их отражение в человеческом сознании. Это привело к метафорическому уподоблению поэзии противоположным понятиям, выступающим в тексте в роли контекстуальных антонимов: духу и плоти, сну и яви, сути и сомнению. Основу текста составляют альтернативные ответы на вопрос о том, что такое поэзия: **Мы бы назвали поэзию сном. / Что же ты в драку суёшься, поэт? / Вправе ли спящий грозить кулаком?**

К рассматриваемой малой серии примыкают и такие тексты, в которых широта и глобальный характер поэзии отражаются с помощью метафоры **поэзия – жизнь**. В качестве примера можно назвать текст В. Цыбина «Через беду, через навет...», в котором мысль о единстве поэзии и жизни связывается с акцентуацией трудностей жизненного пути: **пусть выпадет ходить ему / по тверди / и по лезвию! / И я прозрею и пойму, / что жизнь / и есть поэзия**. В метафоре «поэзия – жизнь» усматривается и метонимическая ассоциация: «поэзия – то, что она отражает».

С темой широты поэзии тесно связана и тема её вездесущего характера, способности откликаться на любые события. Такое осмысление нередко порождает технотронные метафоры с названиями приборов, чутко улавливающих то, что скрыто от прямого наблюдения (**локатор, сейсмограф** и т. п.). Уподобление поэзии локатору находим в тексте С. Ботвинника «Поэзия, локатор времени...», где обыграна и способность поэзии проникать в труднодоступные области, «высвечивать» главное: **Пусть острие твоих лучей / ростки нащупать сможет семени, / отсеять суть от мелочей.**

Перейдём теперь к рассмотрению серии текстов с опорным элементом **стих**. Анализ показал, что специфика метафоричности данного понятия в ряде случаев определяется осмыслением стиха как продукта, результата поэтического творчества. В соответствии с этим в зону прибытия подобных текстов нередко включаются наименования юных живых существ с присущим им коннотативным ореолом трогательной нежности и умиления. Таков, например, текст Л. Татьяничевой «Мой оленёнок», в котором созданное в результате долгих трудов стихотворение сравнивается с неожиданно появившимся на осеннем поле оленёнком: **Бумажный лист – Будто поле осеннее, / Седое и знобкое – / От позёмки. / Но вот появляется стихотворение, / Неожиданное, / Как оленёнок. / Не веря, что жизнь может быть обидчивой, / Стремится к ней / Без всякой опаски.**

В подобного рода стихотворениях могут акцентироваться признаки духовного наследия и преемственности, что ведёт к появлению коннотаций родства, продолжения дела отцов. Таков, например, текст С. Ботвинника «Как грачи по весеннему полю...», где стихи метафорически сближаются с детьми и с отправляющимися в полёт птицами: **Ах, стихи, / окрылённые дети, / есть ли время вам помнить отца? / Вы уж сами взмываете птицей, / сами / дышите светом весны.**

Акцентирование семы «результат творчества» может приводить и к появлению метафор другого рода, в зону прибытия которых включаются наименования материальных предметов, изготавливаемых в процессе физического труда. Такая метафора положена в основу текста Н. Тихонова «Пусть серый шлак перегорит в мученьях...». Процесс создания стихов сравнивается здесь с изготовлением изделия из металла: **Возьми мой стих, / Дымящиеся строки... / Ковал любя, Багровый их булат. / Я сделал их в часы своей тревоги, / Они тебя / В тревоге защитят!**

Как и другие понятия словесно-художественного творчества, разные стихи могут подвергаться сравнению и оценке, что обуславливает и использование разных по семантике метафор, выступающих в роли своеобразных контекстуальных антонимов. Таков, например, текст Л. Мартынова «Одни стихи приходят за другими...», который строится на достаточно распространённой в поэзии формуле «стихи бывают разные»: **Одни стихи – высокие, как тополь, – / Внушают сразу мысль об исполинах, / Другие – осыпаются, как опаль, / Сорвавшаяся с веток тополиных. / Одни стихи – как будто лось с рогами. / Ах, удалось! – встают во всём величье, / Другие зашуршали под ногами / Охотника, вспугнувшего добычу.**

Для текстов всех исследуемых серий характерно совмещение множества регулярных направлений осмысления, что определяет и совмещение метафорических моделей.

Так, в тексте С. Ботвинника «Как-то так получилось...» соединяются векторы, связанные с осмыслением слова как неподатливого (*а проклятое слово отбивалось от рук*) и с его уподоблением фитонимическому понятию (*не хотело таиться, как зерно в борозде*), что создаёт представление о слове как «прорастающем».

В тексте Н. Заболоцкого «Светляки» мысль о неподатливости слов уживается с представлением о словах как несущих свет. В тексте Н. Матвеевой «Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...» представление о сопротивляемости языкового материала выражается наряду с представлением о словах как драгоценностях, сокровищах. В тексте Н. Рубцова «Брал человек холодный мёртвый камень...», где доминирует метафорическая ассоциация «слово – искра», содержится также косвенное упоминание о неподатливости, сопротивляемости и покорении: (*... в своей руке сверкающее слово вдруг ощутить как молнию ручную*).

В некоторых случаях обнаруживается употребление в одних и тех же метафорических контекстах разных элементов из зоны отправления. Для текстов всех исследуемых серий характерно совмещение множества регулярных направлений осмысления, что определяет и совмещение метафорических моделей.

Выводы

Анализ трёх серий метафоричных текстов с опорными элементами **слово**, **поэзия** и **стих** позволяет констатировать следующее:

Для всех названных опорных понятий существуют стабильные, имеющие глобальный характер направления осмысления, обуславливающие приток метафор из определённых источников и определяющие характер метафоричности. В основе таких направлений лежат устойчивые представления о трудности работы со словесным материалом, о высокой общественной значимости труда поэта, о способности поэзии отражать все стороны жизни и т. д.

Эти направления зачастую обнаруживаются в текстах с разными опорными элементами, однако в каждой из рассмотренных серий имеются какие-либо определённые доминирующие направления. Так, в текстах с опорным элементом **слово** преобладает вектор трудности его поиска, в то время как другие так или иначе отражают его высокую значимость.

В серии текстов с элементом **поэзия** преобладает осмысление широты, глобализма поэтического творчества.

В текстах с опорным элементом **стих** выделяется вектор результата, итога упорного труда.

В зоне прибытия текстообразующих метафор используются наименования живых существ (животных, птиц, насекомых), обозначения природных объектов (*море, река, гора* и др.), наименования некоторых видов артефактов, понятий растительного мира и отвлечённых понятий, связанных с интеллектуальной деятельностью.

Существует связь метафоричных слов определённой семантики с теми или иными векторами осмысления опорных понятий. Например, анималистические метафоры наиболее характерны для текстов, передающих напряжённый характер труда поэта. Однако такая связь не является жёсткой. Так, указанный вектор осмысления может породить ассоциацию с тяжёлым физическим трудом, что обуславливает создание метафор иных типов.

Разные направления осмысления опорных понятий и соответствующие им метафорические модели нередко совмещаются в одних и тех же текстах.

Литература

1. Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (послепушкинский период) / Л. Н. Рыньков. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1978. – 184 с.
2. Цалко, Л. В. Сістэмныя метафары ў паэтычным тэксе і іх трансфармацыі пры перакладзе паэтычных твораў А. Пушкіна на беларускую мову : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Л. В. Цалко. – Мінск, 2007. – 120 л.
3. Павлович, Н. В. Парадигмы образов в русском поэтическом тексте / Н. В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–118.

Summary

The article deals with Russian metaphoric texts, which contain such elements as «a word, poetry, a verse». Typical directions of metaphorical interpretation of the aforementioned elements, typical metaphoric words of the zone of arrival defined.

Поступила в редакцию 22.03.10.

УДК 811.161.1

К 140-летию рождения И. А. Бунина**В. С. Сидорец****ВЕРБОИДЫ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале повести И. А. Бунина «Митина любовь»)**

Исследуются структурные свойства, семантическое наполнение и функционирование вербоидов (неоднословных наименований действия с десемантизированным компонентом) и вербоидных конструкций в повести И. А. Бунина «Митина любовь».

Введение

Специфика художественного текста стимулирует, как известно, индивидуально-авторское начало в разносторонней актуализации языковых средств, отобранных из национального языка для реализации творческого замысла, заключающегося в том, что автор при создании художественного произведения «производит отбор... явлений действительности, которые соответствуют его представлениям и концепциям. Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения и подтверждения своих идей и представлений» [1, 4]. В связи с этим И. Р. Гальперин отмечает особый характер модальности художественного текста [2, 72], который проявляется через свойственную тому или иному писателю систему актуализации языковых средств. Отсюда вытекает «высокая степень антропоцентризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [3, 49].

В отмеченных высказываниях отражены существенные черты художественного текста, хотя «общей теории художественного текста... ещё не создано. Художественный текст продолжает оставаться некоторой “закрытой сущностью” [1, 4]. Поэтому изучение художественного текста на пути прохождения от его мотивационной установки до материальной реализации представляет пока не закономерно решаемую проблему, а стремление установления истины через набор эмпирических приёмов, которыми владеет исследующий тот или иной текст, исходя из собственного опыта. Сложность анализа художественного текста заключается в многоплановости, многомерности его семантики, поскольку «художественный текст не только отражает действительность, но и выражает средствами естественного языка модели человеческого отношения к миру» [1, 18].

Результаты исследования и их обсуждение

К числу весьма сложных многомерных явлений художественного текста относится небольшая по объёму повесть И. А. Бунина «Митина любовь», которая была опубликована в журнале «Современные записки» (Париж, 1925). Многомерность семантики и структуры повести не позволяют отнести её к определённому филологическому или психолингвистическому типу. В повести нет классической, хрестоматийной структуры. Однако она читается на одном дыхании, для неё характерна особая цельность, нерасчленённость содержания, хотя, на первый взгляд, может показаться, что повесть состоит из ряда «кусков».

Многое в решении вопроса о структурно-семантической специфике повести вносит история её создания [4, 520–525], достаточно скрупулёзно изложенная О. Ф. Сливичко и затрагиваемая другими исследователями. Они раскрывают то, что в психолингвистике называется мотивом, речевой интенцией, внутренним программированием и т. д. любого текста, в данном случае повести «Митина любовь».

Мы обратимся к внешней речи – к речевой реализации творческого замысла (мотива) писателя в повести «Митина любовь», конкретнее – к специфике функционирования и семантике вербоидных конструкций, важных структурно-семантических компонентов данного художественного текста.

Вербоидные конструкции – различные по объёму и конфигурации деривационные образования на базе вербоидов. Вербоиды – это неоднословные наименования акционально-статального признака с десемантизированным компонентом (деривантом) типа *вести борьбу, делать приготовления, отдавать любовь, состоится экзамен*.

По требованию текста вербоиды подвергаются как простым, элементарным изменениям (*вести борьбу: веду борьбу, ведущий борьбу, ведение борьбы, ведётся борьба* и др.), так и сложным, которые проявляются в перераспределении компонентов вербоидов с элементами определённой трансформации по предикативным частям сложноподчинённого предложения (*давать оценку, совершать перемены: оценка, которую даю; перемены, которые совершались*), в наложении вербоидов (*чувствовать близость + чувствовать враждебность = чувствовать близость и враждебность*), во включении в состав вербоидов слов-классификаторов (*испытывать горечь поражения, отдаваться чувству любви*) и др.

Вербоиды, подвергшиеся изменениям первого типа, достаточно значимы в повествовании, поддерживают или усиливают в тексте различные эмоционально-смысловые акценты: 1. *Да нестерпимо было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания* [4, 186]; 2. *И в конце апреля Митя, наконец, решил дать себе отдых и уехать в деревню* [4, 189]; 3. *И он собирался, делал приготовления к отъезду, ходил по Москве...* [4, 190]; 4. *Ты естество мужское, лезешь на стену, предъявляешь к ней высочайшие требования инстинкта продолжения рода...* [4, 190]; 5. *И всё это доставляло Мите странное удовольствие* [4, 206]; 6. *что... даже давало порой странную надежду, что в Соньке можно найти не то наперсницу своих чувств, не то некоторую замену Кати* [4, 206]; 7. *...Ольга Петровна никогда не проявляла особой религиозности* [4, 210].

В первом примере отрицательный, с точки зрения Мити характер смысла *чтение было искусственным с элементами фальши, пошлой невучести, в результате – нестерпимым* усиливается оксюморонным по отношению к этому смыслу вербоидом *вызывавшее рукоплескания* (вызывать рукоплескания). Во втором – *Митя очень устал и морально и физически*, поэтому решил не просто отдохнуть, а *дать себе отдых*. В третьем примере смысл *поскольку Митя твёрдо решил уезжать* поддерживается не глаголом *готовился*, а более значимым по семантике вербоидом *делал приготовления*, потому что в функции форманта (дериванта) выступает глагол *делать*, а существительное употребляется в форме множественного числа, подчёркивая многократность вербоидного действия. Не случаен семантически значимый вербоид *предъявлять требования*, подкреплённый прилагательным *высочайшие* в четвёртом примере, который является своеобразным следствием смысла *Митя нетерпим ко всем женским слабостям Кати в силу особых свойств своего характера и своей мужской природы*.

Вербоиды *доставляло удовольствие* и *давало надежду* представляют центры итоговых предикативных частей, заключающих развитие смысловой линии *взаимоотношения Мити и Соньки* на протяжении 14-й главы.

В последнем примере семантика вербоида *не проявляла религиозности* практически замыкается в предикативной части, выполняя «фактографическую» функцию.

Рассмотренные вербоиды – единственные представители предикатного признака в текстовых фрагментах повести, несмотря на то что одни из них (*дать отдых, делать приготовления, доставлять удовольствие, предъявлять требования, давать надежду*) – члены полных номинативных рядов, а другие (*вызывать рукоплескания, проявлять религиозность*) – неполных [5, 66].

Ещё более значимы в повести вербоиды, которые по требованию текста подверглись сложным изменениям.

К их числу можно отнести изменения, выражающиеся, как уже отмечалось, в перераспределении («передислокации») компонентов вербоида по разным предикативным частям сложноподчинённого предложения: *«Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у неё на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья)»* [4, 183]; *«Но он и сам не понимал, за что*

он любил её, хотя чувствовал, что любовь его не только не уменьшается, но всё возрастает вместе с той ревнивой **борьбой**, которую он вёл с кем-то, с чем-то из-за неё, из-за этой любви, из-за её напрягающейся силы, всё более возрастающей требовательности» [4, 187]; «С этого дня он перестал следить за всеми теми **переменами**, что совершало вокруг него наступающее лето» [4, 211].

В этих примерах особенно заметна текстоорганизующая роль, а также мощная семантическая нагрузка вербоидов. Текстоорганизующая роль заложена в весьма динамичной, гибкой деривационной структуре вербоидов, отражающей модели синтаксических словосочетаний [6], а ёмкая семантическая нагрузка обусловлена составляющими частями вербоида: десемантизированным глаголом (деривантом), чаще всего сохраняющим ослабленные лексические семы, которые дают качественную характеристику общeverбоидного акционально-статального признака, и абстрактного существительного, обладающего пропозитивной семантикой.

«Распадаясь», вербоиды, прежде всего, скрепляют предикативные части, реализуя творческий замысел писателя. Однако такая трансформация вербоида не только повеление текста. Если исходить из психолингвистической концепции мотива (мотивации), речевой интенции и т. д., то интересной представляется мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст “проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [7, 26].

В результате трансформации лексическая часть вербоида – номинализованная пропозиция-существительное – обретает рематический акцент, выбирает своих контекстпартнёров, формируя текст, направляя его в соответствующее семантическое русло с точки зрения творческого замысла (мотивационной установки) писателя.

В приведенных выше примерах представлены вербоидные конструкции с «суперноминализациями» *свобода*, *борьба* и *перемены*, которые задают тон в формировании текста.

Номинализация *свобода*, с одной точки зрения, своеобразный итог содержания предшествующей, главной предикативной, части, с другой – содержания последующих, придаточных, предикативных частей. Некоторые смысловые нюансы (*засиживался до двух часов ночи; мать – дама с малиновыми волосами, всегда курящая, всегда нарумяненная, давно жившая в разводе с мужем, который имел вторую семью*) дали писателю повод ограничить пропозитивность номинализации *свобода* прилагательным *странная*. В таком виде номинализация *свобода* обретает определённую автономию в главной части, составляя вместе с деепричастием обособленный оборот, и порождает дублет *которую* с деривантом *давала*. Трансформированный таким образом вербоид *давать свободу*, семантически весьма значимый, получает ещё большую мотивированную значимость, выражая творческий замысел писателя.

Фактическим структурно-смысловым центром второго предложения является деривационная конструкция *той решительной борьбы, которую вёл* (в её основе – вербоид *вести борьбу*), хотя, на первый взгляд, почти не уступает ей по значимости параллельная синтаксическая конструкция *любовь не уменьшается, но возрастает*. Само предложение – это содержательный сгусток, «сфокусировавший» различные по величине и силе семантические импульсы, идущие с самого начала повести, с первой главы, источником которых является главный персонаж – Митя, покончивший с собой в конце повести из-за несостоявшейся любви с Катей, отдавшей предпочтение искусству и расторгнувшей тот особый союз двух сердец, который создаёт только любовь. Такой результат позволяет уточнить приведённое выше высказывание следующим образом: весьма важной по смысловой значимости в предложении является параллельная синтаксическая конструкция *любовь не уменьшается, но возрастает*, однако она не главная, не центральная, если исходить из логики бунинской мотивации в повести: в сложнейшем рационально-психическом переплетении любви и ревности, ревности и любви побеждает то, что порождает ревность.

«Обратное» семантическое направление получает номинализация *перемены* в деривационной конструкции *перемены, что совершало*, производной от вербоида *совершать перемены*, о чём свидетельствует главная предикативная часть третьего предложения. Этим достигается художественный эффект: перемены, связанные с приближающимся летом, не радуют Митю, а лишь отягощают, потому что им овладело предчувствие: Катя «*для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдаёт кому-то другому себя и свою любовь, всецело долженствующую принадлежать ему, Мите*», поэтому «*всё в мире стало казаться ненужным, мучительным и тем более ненужным и мучительным, чем более оно было прекрасным*» [4, 211].

Своеобразной концентрацией структурно-семантических возможностей вербоидов служит их «наложение», имеющее место в повести, и превращение в деривационные вербоидные комплексы: 1. «*Как будто правда прилетели жаворонки и **принесли с собой тепло, радость** (принесли тепло + принесли радость)*» [4, 181]; 2. «*Однако даже стихи и это чтение, то есть то самое, что больше всего напоминало Мите средю, отнимающую у него Катю, остро **возбуждающую его ненависть и ревность** (возбуждавшую ненависть + возбуждавшую ревность), он перенёс сравнительно легко в этот счастливый день девятого марта, его последний счастливый день в Москве, как часто казалось ему потом*» [4, 183]; 3. «*И Митя **чувствовал** и обострённую **близость** к Кате, – как всегда это чувствуешь в толпе к тому, кого любишь, – и злую **враждебность** (чувствовал близость + чувствовал враждебность), **чувствовал и гордость** ею, **сознание** (чувствовал гордость + чувствовал сознание + чувствовал боль), что ведь всё-таки ему принадлежит она, и вместе с тем **разрывающую сердце боль**: нет, уже не принадлежит!» [4, 187]; 4. «*Сделав всё то последнее, что нужно было сделать в номерах, уложив свои вещи в кривую извозчицью пролётку при помощи коридорного, он наконец неловко уселся возле них, тронулся и тот час же **почувствовал то особое**, что охватывает при отъезде, – кончен (и навсегда) известный срок жизни! – и вместе с тем **внезапную лёгкость, надежду** (почувствовал то особое... + почувствовал лёгкость + почувствовал надежду) на начало чего-то нового» [4, 192]; 5. «*Раз ночью был обложный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна **потеряла** свою **кротость и бледность** (потеряла кротость + потеряла бледность), и всё вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам*» [4, 201].**

Вербоидные комплексы в первом и пятом примерах характеризуются определённой структурно-семантической близостью, выражающейся в параллелизме их моделей, в отношении частичной синонимии между существительными *тепло* и *радость*, с одной стороны, и существительными *лёгкость, надежда* – с другой. Семантика синонимии, усиливающая значимость вербоидных комплексов, поддерживается, во-первых, причинно-следственными смысловыми отношениями между компонентами этих предложений, представляющими их содержание. Во-вторых, вербоидные комплексы, получившие такую поддержку, обретают дополнительную смысловую нагрузку за пределами своих предложений. В первом случае – это мотивация *Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко* [4, 181], во-втором – мотив *нарастающее ожидание перемен в жизни и природе*, вытекающий из содержания первого абзаца XI главы повести [4, 201]. Получив мощный заряд, вербоидные комплексы позволяют писателю стимулировать ближайшее содержательное развёртывание (текстовую экспликацию) повести. Они единственное средство выражения предикатного признака, поскольку отсутствуют, за исключением вербоида *принести радость*, их коммуникативные эквиваленты – однословные глагольные номинации. Однако и глагол *порадовать*, коммуникативный эквивалент (термин В. М. Никитевича) вербоида *принести радость*, не войдёт в текстовый сегмент, поскольку требует распространения дополнением (*порадовали – кого?*), а вербоид по семантике самодостаточен и выражает более значимый, чем глагол, предикатный признак за счёт сохраняющего элементы прямого значения дериванта *принести*. Кроме того, сама структура вербоидного комплекса «не пропустит» глагол, так как обусловлена жёсткой авторской мотивацией.

Единственным средством реализации сложного по семантике и структуре предикатного признака является вербоидный комплекс *возбуждающую ненависть, ревность* во втором примере. Составляющие его вербоиды *возбуждать ненависть* («ненавидеться») + *возбуждать*

ревность («ревноваться») не имеют соответствий среди глаголов, весьма непродуктивных, как считает В. Н. Телия, в ментально-психической сфере для выражения акционально-статального признака [8, 142]. Вербоидный комплекс не только тесно связан по смыслу с содержанием всего предложения, он также тесно связан с ближайшим контекстным окружением и задаёт перспективу дальнейшему повествованию: ведь ненависть и ревность у Мити пока приутихли, но потом они возобновятся с новой силой и приведут его к гибели. Такая жёсткая заданность тоже обусловила, на наш взгляд, употребление данного вербоидного комплекса.

Особым содержательным сгустком характеризуется семантика текстуального фрагмента в третьем примере, в котором развитие идеи-концепта *ревность* тесно переплетается с ослаблением идеи-концепта *любовь*. Этот фрагмент – фактический смысловой центр третьей главы повести, вбирающий в себя излучающий то, что связано с данными концептами. Борьба двух чувств на ментально-психическом уровне получила яркое воплощение в языке фрагмента, структурно-смысловым каркасом которого являются два вербоидных деривационных комплекса, представляющих одну типовую деривационную группу [9, 71] с отношениями антонимии между именными компонентами: *чувствовал близость, враждебность* (*чувствовал близость* + *чувствовал враждебность*), *чувствовал гордость, сознание, боль* (*чувствовал гордость* + *чувствовал сознание* + *чувствовал боль*). Это способствовало созданию высокой степени структурно-семантической цельности фрагмента, смысловой нерасчленённости. На такие качества «работает» целый комплекс речевых приёмов: повтор дериванта *чувствовать*, параллелизм построения вербоидных комплексов, стимулирование противопоставлений – средств реализации противоречивости человеческих чувств и др.

В четвёртом примере вербоидный комплекс с зависимыми словами, употребляющийся в начале шестой главы, «задаёт тон» её содержанию. В структурном отношении этот комплекс состоит из двух частей с отношениями противопоставления: первая часть – деривант *почувствовал* с именным центром *то особое* и его экспликацией (*что охватывает...*) – завершение чего-то; вторая – деривант *почувствовал* + имена *лёгкость, надежду* с конкретизирующими их семантику зависимыми словами – начало чего-то. Из этих двух противоречивых чувств, весьма рельефно проявившихся в этой главе, первое, пока наметившееся, получает интенсифицированное продолжение и логическое завершение повести.

Активизация писателем структурно-семантических возможностей вербоидов осуществляется также включением в их состав слов-классификаторов [10], которые определяют «категориальный класс явлений действительности» [7, 46]: «Забегала и Катя к Мите, в его студенческие номера на Молчановке, и свидания их, как и прежде, почти сплошь **протекали в тяжком дурмане поцелуев**» [4, 183]; «И Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая, хотя и не виновата в этом, всё-таки, вероятно, это чувствует, понимает и поэтому уже как бы **находится с ним в мерзких, преступных отношениях** (*отношениях мерзости, преступности*)» [4, 185]; «**Душа Кати или тело доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства** (*блаженства предсмертного состояния. – В. С.*), когда он растёгивал её кофточку и целовал её грудь, райски прелестную и девственную, раскрытую с какой-то душой потрясающей покорностью, бесстыдностью чистойшей невинности» [4, 188]; «Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слёзы вдруг сделали её страшно родною ему, **пронзили его чувством острой жалости** и как будто какой-то **вины перед ней**» [4, 189]; «Когда Митя на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всём чистом, вышел из своей солнечной комнаты, – она была окнами в сад, на восток, – и прошёл по всем другим, он живо **испытал чувство их родственности** и мирной, успокаивающей и душой и телом **простоты**» [4, 196].

Слова-классификаторы используются И. А. Буниным для категоризации определённых объектов ментально-психического мира Мити. В процессе категоризации стимулируется привлечение экспрессивной и образной лексики, прежде всего прилагательных, для укрепления смысловых позиций классификаторов. «Рассылка» таких прилагательных (*мерзкий, преступный, предсмертный*) на соответствующие участки вербоидных структур, привлечение дополнительных конкретизаторов вербоидных компонентов (*тяжкий, острый, мирный,*

успокаивающий) значительно усиливает рематическую значимость этих компонентов в тексте, выражающих, в основном, активизацию и закрепление неотвратимого в судьбе Мити. В качестве классификаторов выступают существительные *дурман, отношения, блаженство, чувство*.

Своеобразной «передышкой» в приближении роковой развязки является содержание последнего предложения с рематическим центром – классификатором вербоидного комплекса [10, 114] – словом *чувство*, который эксплицируется зависящими от него существительными *родственность и простота*. Последнее выступает с конкретизатором, весьма ёмким по семантике многочленным определением *мирной, успокаивающей и души и тело*, содержательная насыщенность которого передаётся как семантикой его компонентов, так и причинно-следственными отношениями между прилагательным и распространённым причастием: *мирная*, поэтому *успокаивающая*.

Выводы

Вербоиды и их различные по структуре и семантике трансформы наиболее употребительны в тех фрагментах повести «Митина любовь», которые раскрывают ментально-психическую «реакцию» Мити, то резко нарастающую, то убывающую, обусловленную возникающими ситуациями, которые связаны прежде всего с Катей. Естественно, усиление этой реакции стимулирует трансформации вербоидов в многочленные деривационные вербоидные комплексы, способные передать сложнейшие человеческие мысли, чувства, переживания. Создание и использование этих комплексов, а также других вербоидных структур демонстрирует величайшее художественное мастерство замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина.

Литература

1. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М. : изд-во МГУ имени М. В. Ломоносова, 1988. – 123 с.
2. Цит. по изд.: Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
3. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород : изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
4. Бунин, И. А. Повести и рассказы. 1917–1930 / И. А. Бунин. Собр. соч. : в 9 т. – М. : Худ. лит., 1966. – Т. 5.
5. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : изд-во ГрГУ, 2004. – 347 с.
6. Сидорец, В. С. Структурно-семантические границы между вербоидами, презентантами номинативной деривации, и синтаксическими единицами – словосочетаниями и предложениями / В. С. Сидорец // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 2(19). – С. 72–78.
7. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
8. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
9. Сидорец, В. С. Современные восточнославянские неоднословные наименования действия с десемантизированным компонентом в системно-функциональном сопоставительном аспекте / В. С. Сидорец // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6 – С. 66–78.
10. Сидорец, В. С. Вербоидные структуры с классификаторами в художественном тексте (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») / В. С. Сидорец // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 1(26). – С. 112–116.

Summary

Structural abilities, semantic filling and functioning of verboids (multiword names of action with a desemantised component) and verboid constructions in the novel «Mitya's love» by I. A. Bunin are investigated.

Поступила в редакцию 27.05.10.

УДК 811.16(043)X814

С. С. Хоронько

**КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОГО ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ
В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Лексико-семантическая группа со значением речевого выражения эмоций в старославянском языке объединяет 10 подгрупп по двум блокам: глаголы со значением эмоционального отношения и глаголы речи со значением эмоциональной оценки (отрицательной и положительной). Объединение глаголов в группы осуществляется как на основе анализа объективных условий протекания коммуникации, так и на основе семантических критериев. Активность глагольной лексики со значением речевого выражения эмоций представляется различной.

Введение

Одной из основных задач исторической лексикологии является определение качественных (собственно семантических) характеристик словарного состава языка. Цель старославянских текстов – доведение до адресата сакральной информации, поэтому основные, лексические, средства передачи должны быть не только адекватными, но и разнообразными, способными передавать тончайшие оттенки значения.

Глагольная лексика со значением речевого выражения эмоций в данной работе представлена в виде лексико-семантической группы (далее ЛСГ) глаголов старославянского (далее ст.-слав) языка, входящей в лексико-семантическое поле (далее ЛСП) вербальной передачи информации. Указанное ЛСП занимает одно из центральных мест в системе языка, опосредуя важнейшую сферу деятельности человека – речь. Целью работы является выделение глаголов речевого выражения эмоций в старославянском языке, их лексико-семантическое описание, определение принципов построения ЛСГ для установления системных отношений элементов и представление структуры ЛСГ в целом – то, что объединяет глагольную лексику и разбивает на более мелкие, но, тем не менее, единые, подгруппы.

Первостепенное значение для данного исследования имеет анализ словарных дефиниций, представляемых Старославянским словарем (по рукописям X–XI веков) (далее СС), Древнегреческо-русским словарем И. Х. Дворецкого (ДГРС), Греческо-русским словарем А. Д. Вейсмана (ГРС) и Словарем русского языка в четырех томах под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС) (см. **Перечень использованных словарей**).

Выборка глаголов производилась из СС на основе значения лексемы, главное условие – наличие семы речевого выражения эмоций. Для уточнения лексического значения был использован контекстуальный анализ текстов узкого канона ст.-слав. языка.

В работе рассматриваются не только основные значения глаголов, но и номинативно-производные, то есть лексико-семантические варианты слова (далее ЛСВ), поэтому значения глаголов маркируются индексами: верхний индекс различает явления омонимии, нижний – различает номера значений многозначного слова. Например, нижний индекс лексемы **подрожати**₂ указывает на второе значение, зафиксированное в СС, верхний индекс в глаголе **въстѣзати**₂ указывает очередность омонимов, значком * (например, **съмѣрити***) отмечены глаголы в переносном употреблении, зафиксированные в СС.

В работе используются принятые в палеославистике сокращения названий ст.-слав. памятников (см. **Перечень условных обозначений**).

Результаты исследования и их обсуждение

1. Общее понятие речевого выражения эмоций в его представлении ст.-слав. глагольной лексикой возможно разделить на две основные части: 1) глаголы со значением эмоционального отношения и 2) глаголы речи со значением эмоциональной оценки (отрицательной и положительной). Лексические единицы данной подгруппы тесно связаны с ЛСП «Эмоции», поскольку манифестация эмотивной функции для них важна практически в той же мере, как и манифестация коммуникативной функции. Глаголы данной группы соотносятся с коммуникативной моделью «субъект выражения эмоции» – «речевое выражение

эмоции» – «объект эмоций». В этом случае адресант и адресат могут как совпадать с субъектом и объектом оценки, так и быть вынесенными за пределы представляемой в высказывании ситуации.

ЛСГ объединяет 10 подгрупп по двум блокам. Дифференцирующая сема в первом случае называет способ воздействия, во втором – характер оценки. В первый блок входят глаголы со значением эмоционального отношения, которое отличается активным речевым воздействием субъекта на объект отношения, именно это позволило выделить идентифицирующую сему – ‘воздействовать’. Первый блок составляют лексемы со значением: 1) ‘воздействовать’ + ‘обида’, 2) ‘воздействовать’ + ‘унижение’, 3) ‘воздействовать’ + ‘насмешка’, 4) ‘воздействовать’ + ‘брань’, 5) ‘воздействовать’ + ‘ропот’, 6) ‘воздействовать’ + ‘проклятие’, 7) ‘воздействовать’ + ‘посрамление’. Второй блок составляют лексемы со значением эмоциональной оценки: 1) ‘оценивать’ + ‘суждение’, 2) ‘оценивать’ + ‘обвинение’, 3) ‘оценивать’ + ‘похвала’.

2. Глаголы со значением эмоционального отношения. Эмоциональное отношение от собственно эмоциональной оценки отличается, прежде всего, активным речевым воздействием субъекта на объект отношения. В общую группу эмоциональной оценки данные глаголы позволяет отнести тот факт, что любое эмоциональное отношение непосредственным образом связано с той или иной оценкой объекта отношения. Следует сказать, что в данном случае речь идет об отрицательной оценке, поскольку именно таковая вызывает у адресанта желание тем или иным образом воздействовать на адресата.

2.1. Подгруппа глаголов с семой ‘воздействовать’ + ‘обида’: *обидаѣти* ‘обидеть / обижать *кого-л.*, повредить / вредить *кому-л.*, поступить / поступать несправедливо *с кем-л.*’; *прѣовидѣти* ‘обидеть *кого-л.*, обойтись несправедливо *с кем-л.*’. Общие греч. соответствия – *ὀδikeiv*.

Выше говорилось о том, что вербальная составляющая является не единственной в семантике данных глаголов. Более того, можно предположить, что она не является основной (ср. греч. *ὀδikeiv* ‘поступить несправедливо’, а также эксплицированные значения ст.-слав. лексем). Сама обида предполагает речевое поведение лишь как частный случай соответствующего поведения вообще (ср. обида ‘несправедливость, несправедливый поступок, поведение, незаслуженное оскорбление’, оскорбление ‘оскорбительный поступок, поведение, слова’). В ст.-слав. может актуализироваться как невербальная (*аште єсмь кого чимь обидѣль • възвращѣт четверицеж* (Мар. Лк. 19, 8)), так и вербальная (*никоже обидите • ни оклеветаете* (Мар. Лк. 3, 14)) составляющая.

2.2. Подгруппа глаголов с семой ‘воздействовать’ + ‘унижение’: *оумалати* ‘унижать, умять’, *оуничжати* ‘унижать’, *оуничжити* ‘унизить, уничтожить’, *въмѣрити* ‘унизить’, *сѣмѣрити** ‘смирить; покорить; смирить гордыню; унижить’, *сѣмѣрати* ‘смирять, покорять; унижать’ (всего 6 ЛСВ). Общие греч. соответствия – *ἐξουθενεiv, ταπεινωv*.

Высказанное выше замечание справедливо и для данных глаголов (ср. *унизить / унижать* ‘задеть, оскорбить чье-л. самолюбие, достоинство, поставить в унижительное положение’, *уничжить* ‘унижать, оскорбляя чье-л. достоинство или умяя, принижая заслуги’, *оскорбление* ‘оскорбительный поступок, поведение, слова’).

На основе некоторых контекстов можно предположить об актуализации вербальной составляющей, например, на основе противопоставления: *досаждакъ трѣпѣаше • оумалакъ мльчааше* (Супр. 474,3). Существуют контексты, нейтрализующие обе составляющие – *да много постраждетъ • і оуничжатъ і* (Мар. Мк. 9, 12).

Тем не менее и в греч., и в ст.-слав. языках можно обнаружить лексемы, представляющие унижение лишь как физический или нравственный процесс, ср.: *въмѣриша въ оковехъ ногѣ его* (Син. 104, 18); *сѣмѣриъ ны єси на мѣстѣ озлобленѣ* (Син. 43, 20).

2.3. Подгруппа глаголов с семой ‘воздействовать’ + ‘насмешка’: *наржгати (сѣ)* ‘высмеивать, насмехаться’, *поржгати* ‘осмеять / осмеивать, предать / предавать поруганию’, *ржгати сѣ* ‘глумиться, насмехаться *над кем-л.*’, *поржгати сѣ* ‘насмеяться / насмехаться’, *посмиати сѣ* ‘насмеяться *над кем-л.*, осмеять *кого-л.*’, *оусмиати сѣ* ‘надсмеяться’, *подражати₂* ‘передразнивать, высмеивать’ (7 ЛСВ). Общие греч. соответствия – *ἐμπαίξειν, χλευάζειν, μωκτηρίξειν*.

Общность в пределах подгруппы верифицируется как пересекаемостью на уровне греч. соответствий, так и возможностью участия рассматриваемых лексем в параллельных

конструкциях: **и наржгавъше са кмоу и оумниавъше са словесемъ кго...** (Супр. 192, 18). На общность в пределах собственной подгруппы и на связь с другими подгруппами указывают и дефиниции лексем *насмехаться* ‘делать кого-, что-л. предметом насмешек, оскорбительных замечаний’.

Как и в предыдущих случаях не всегда представляется возможным определить, какая из составляющих семантики лексемы – эмоциональная или вербальная – актуализируется в тексте: **ни посмѣжтъ ми съ врази мои** (Син. 24, 2); ср. также сцену распятия Христа: **ржгаахъ са емоу • вѣдѣште ꙗко оумрѣтъ** (Мар. Лк. 8, 53). В некоторых случаях, однако, вербальная составляющая актуализируется за счет ближайшего контекста: **рече наржгаа са** (Супр. 130, 10–11). В некоторых случаях в качестве актуализатора выступает дальнейший контекст, ср. реакцию Ирода на повествование волхвов о рождении Христа: **иродъ видѣвъ ꙗко поржганъ вѣс(тъ) отъ влѣхвъ** (Ас. Мт. 2, 16).

2.4. Подгруппа глаголов с семемами ‘воздействовать’ + ‘брань’: **наржгати*** са ‘порочить, поносить’, **похоулити** ‘предать поношению, опорочить’, **хоулити** ‘поносить, оскорблять, ругать, злословить’, **оукорити** ‘оскорбить, опозорить, унизить’, **охоулити** ‘опозорить, осрамить’, **прокоудити₂** ‘опозорить, осквернить’, **оукарати** ‘порочить, поносить’, **досадити** ‘опорочить, оскорбить’, **досаждати** ‘порочить, оскорблять, поносить’, **корити** ‘хулить, оскорблять’, **зълобити** ‘порочить, унижать’, **зълотворити*** ‘порочить, принижать’, **въспрѣтити₃** ‘укорить, упрекнуть’, **въспрѣштати₂** ‘порицать, укорять’, **прѣтити*** ‘укорять, уговаривать, увещавать’, **обличити*** ‘укорить’, **обличати*** ‘укорять’, **зазирати** ‘укорять, упрекать’, **зазърѣти** ‘упрекать, укорять’, **похоулати** ‘поносить, порочить’, **зазърѣти₂** ‘тайком порочить, поносить’, **осаждати₂** ‘осуждать, порицать’, **поносити** ‘поносить’, **оурицати₂** ‘поносить, чернить’, **зълословити** ‘злословить, поносить’, **коудити** ‘порицать, хулить’, **раздражати** ‘возбуждать против *кого-, чего-л.*, поносить, ругать’ (27 ЛСВ).

При представлении семантической структуры данной подгруппы для обозначения дифференцирующей семы была выбрана лексема *брань*. Под бранью следует понимать поношение, упрек / укор, ругань, хулу. Столь широкое объединение различных видов речевых актов продиктовано семантикой этого слова, используемого в качестве метаязыкового, ср.: *хулить* ‘порочить, резко осуждать, поносить’; *порочить* / опорочить ‘распространяя предосудительные сведения о ком-, чем-л., выставяя в неблагоприятном свете, чернить’; *поносить*² ‘сильно ругать, оскорблять бранью’; *ругать* ‘называть оскорбительными, грубыми, бранными словами, бранить’; *брань* ‘оскорбительные, ругательные слова, ругань’. Именно тавтологический круг, наблюдаемый в дефинициях, позволяет выбрать наиболее часто повторяющуюся лексему.

Греч. соответствия данных лексем повторяются не в пределах всей подгруппы. Однако все лексемы связаны с выражением единого смысла выражения неодобрения, ср. неодобрение фарисеями учеников Иисуса: **видѣша етерни отъ оученикъ его • нечистама ржкма... вѣдѣшта хлѣбъ • зазърѣахомъ** (Мар. Мк. 7, 2); упреки распятым вместе с Иисусом разбойников: **проплатѣ съ нимъ • поношаашете кмоу** (Мар. Мк. 15, 32); общее нравственное рассуждение: **иже зълословитъ • о(тъ)ца ли м(ате)рь • съмрътнѣ да оумрѣтъ** (Мар. Мк. 7, 10); **о ниъже пѣти и благодѣтъ въздаати • коудатъ и богосварници вѣважтъ** (Супр. 339, 12). Значение лексем сходно, в некоторых случаях можно отметить возрастание интенсивности процесса: **хоулимъ не възъхоулааше** (Супр. 481, 8–9).

Дополнительным средством объединения лексем в ее пределах выступает, во-первых, отношение к одному словообразовательному гнезду (ср. **хоулити**, **въсхоулати**, **похоулити**, **похоулати**), а также возможность употребления лексем в параллельных контекстах: **доколѣ укаракши и хѣлиши богы** (Супр. 12, 12); **доколѣ г(оспод)и поноситъ врагъ • раздражаетъ противны (и)мѣ твое до конѣца** (Син. 73, 10).

Как и в предыдущих случаях, в семантике этих лексем сильна составляющая эмоционального отношения, поэтому вербальная составляющая может получать в тексте дополнительную поддержку: **они же оукориша і і рѣша • ты оученикъ еси того** (Мар. Ин. 9, 28); **кгда же ли отъмѣтааше са кръста и отъвѣштавааше са • въспрѣштаткмо кмоу зѣло** (Супр. 379, 15–16). Лексема **прокоудити₂**, попадая в данную группу словообразовательно и на основе связи с греч. эквивалентом, тем не менее представляет значение, близкое к значениям

лексем одной из следующих подгрупп, реализующих в тексте идею позора: **почто прокоүди чинъ свон** (Супр. 101, 7). Как представляется, это свидетельствует о тесной семантической связи всех средств выражения отрицательного отношения.

Можно обнаружить частный случай поношения, хулы, брани в значении, выражаемом следующими глаголами: **власв(ф)имисати, власв(ф)имлати, влазнити₃ сѧ, хоүлнѣти***, **хоүловати**, которые имеют общее значение ‘богохульствовать’ и общ. греч. – $\beta\lambda\alpha\sigma\phi\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\nu$ (еще 5 ЛСВ).

По сути выражаемого значения данные глаголы близки рассмотренным выше, что подтверждается также общностью корней (ср. **хоүлнѣти**). Основное отличие – направленность отношения на определенный объект: **а же власфимисаетъ на д(о)хъ с(вѧ)тъ** (Мар. Лк. 12, 10); **вы г(лаго)летѣ ѣко власфимлѣши • зане рѣхъ ѣко с(ы)нъ в(о)жи есмь** (Мар. Ин. 10, 36). Часть лексем этой подгруппы – кальки с греч. лексем (ср. **власфимисати** – $\beta\lambda\alpha\sigma\phi\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\nu$).

Как представляется, эти лексемы в ст.-слав. тексте выражают высшую степень реализации данного речевого действия не только потому, что в христианском вероучении богохульство является кощунством, сознательным выражением негативного отношения к Богу, но и потому, что выражение подобного отношения предполагает воздействие на мнение окружающих (слушающих). Способ формирования лексического значения представляется непосредственным участием собственно славянских средств как лексических (наличие семы ‘бог’), так и словообразовательных (сложение основ), так как $\beta\lambda\alpha\sigma\phi\eta\mu\epsilon\acute{\iota}\nu$ – ‘воссылать неразумные молитвы, кощунствовать’.

2.5. Подгруппа глаголов с семами ‘воздействовать’ + ‘ропот’: рѣпѣтати ‘выражать недовольство, роптать’, **порѣпѣтати** ‘начать роптать’, **коүпати** ‘роптать’ (всего 3 ЛСВ).

Семантическая структура ст.-слав. лексем полностью удовлетворяет значению греч. $\gamma\omicron\upsilon\gamma\upsilon\zeta\epsilon\acute{\iota}\nu$ – ‘выражать недовольство, роптать’. Значение глагола *роптать* ‘высказывать недовольство кем-, чем-л., обиду на кого-, что-л.’ указывает на правомерность отнесения данных глаголов именно к рассматриваемой подгруппе.

Контекст, в котором существуют названные лексемы, предполагает обозначение ситуации, вызывающей недовольство. Основной участник этой ситуации в то же время является объектом воздействия: **вѣды же и н(со)с(ъ) въ себѣ • ѣко рѣпѣштѣтъ о сѣмь оүченици его** (Мар. Ин. 6, 61). Однако данное речевое действие, в отличие от рассмотренного выше, предполагает иной способ выражения недовольства. Это, прежде всего, недовольство, которое по тем или иным причинам не может быть выражено открыто (ср. *ропот* ‘недовольство, протест, выражаемые негромко, не вполне открыто’).

2.6. Подгруппа глаголов с семами ‘воздействовать’ + ‘проклятие’: клѣти ‘проклинать, клясть’, **проклинати** ‘проклинать’, **проклати** ‘проклясть’, **похоүлнѣти₂** ‘осудить; предать проклятию’ (4 ЛСВ).

Основное семантическое отличие данных лексем от рассмотренных выше – исключительно высокая степень выражаемого негативного отношения (ср. *проклясть / проклинать* ‘подвергнуть, предать проклятию’, *проклятие* ‘крайнее, бесповоротное осуждение’). Подобное вербальное воздействие, особенно в его реализации божественным субъектам, приводит к физическим изменениям в структуре объекта, ср.: **проклинааше смоковницѣ и їсѣхнѣаше** (Супр. 476, 23). Как и рассмотренное ниже эмоциональное отношение, оно предполагает возможное сравнение негативного речевого воздействия с позитивной оценкой сущности объекта: **благословествите а не клѣнѣте** (Супр. 346, 25).

Следует заметить, что принадлежность **похоүлнѣти₂** к данной подгруппе основана только на значении славянского глагола, так как семантика греч. не вполне удовлетворяет заявленной дифференцирующей семе, т. е. демонстрирует негативное отношение, однако не высшую степень его проявления, ср.: $\mu\epsilon\tau\omicron\mu\omicron\iota$ ‘порицать, бранить, упрекать’, $\epsilon\pi\iota\mu\epsilon\tau\omicron\mu\omicron\iota$ ‘быть недовольным; порицать, упрекать’. Таким образом, способ перевода ст.-слав. лексемы – генерализация значения.

2.7. Подгруппа глаголов с семами ‘воздействовать’ + ‘посрамление’: срамити ‘посрамить, пристыдить’, **посрамити** ‘осрамить, посрамить’, **осрамити** ‘посрамить, пристыдить’, **вешѣствовати** ‘срамить / посрамить, бесчестить’ (всего 4 ЛСВ).

Для представления дифференцирующей семы была выбрана лексема *посрамление* с широким значением, наилучшим образом объединяющим репрезентируемые глаголами понятия (ср. *посрамить* ‘навлечь позор, бесчестие, срам’).

Семантика греч. соответствий (*καταίσχυνειν*, *ἀτιμάζειν*) и ст.-слав. глаголов представляются вполне адекватными друг другу. Однако в греч. тексте идея навлечения позора решалась двойко: при помощи лексемы *καταίσχυνειν* с первичным лексическим значением ‘стыдить, позорить’ и при помощи отрицания – ср. *τιμάζειν* ‘ценить’. Таким же образом этот смысл выражается в ст.-слав. – во втором случае идея лишения ценности, значимости выражается при помощи приставки (**БЕЗ-ЧУСТВОВАТИ**). Ближайший контекст данных лексем также представляет сравнение с позитивными ценностями: **НЕ ПОСРАМИ НАСЪ • ХВАЛШТИНУХЪ СЯ О ТВОЕЪ** (Евх. 44а 11-12); **НЕ ЧТИ МЕНЕ ВЕЧЕСТВОУА СЪЗЪДАТЕЛА** (Супр. 510, 13).

3. Глаголы со значением эмоциональной оценки

3.1. Подгруппа глаголов с семами ‘оценивать’ + ‘суждение’: *сждити* ‘судить / обсудить’, *сждити** ‘осуждать / осудить’, *осждити* ‘обсудить’, *осждати* ‘судить, обсуждать’, *осждити₂* ‘осудить’, *присждити* ‘осудить’, *которати* ‘осуждать’, *расждити* ‘обсудить, обдумать’, *расждати* ‘обсуждать’, *расждити₂* ‘рассуждать, решить, разобрать’, *посждити* ‘рассудить, решить’, *прѣмждрати сѧ* ‘обсуждать, рассуждать’ (12 ЛСВ). Общие греч. – *κρίνειν*, *καταδικάζειν*.

В данном случае можно предполагать, что положительность или отрицательность высказываемой оценки не закладывается в значении самого глагола, ср.: *оценить / оценивать₂* – ‘составить представление, суждение о ком-, чем-л., определить значение, характер, роль и т. п. кого-, чего-л.’, *судить₂* – ‘оценивать кого-, что-л., чьи-л. дела, поступки’.

В тексте отдельно осмысливаются объект, создающий содержание информации, и отдельная его характеристика, также участвующая в этом процессе. Схему подобного информационного расчленения дает русский глагол *осуждать*, например: *осуждать невоспитанность в сыне*. Подобные глаголы представлены и в ст.-слав. текстах.

В данной подгруппе объединяются глаголы, обозначающие такие речемыслительные акты как суждение / обсуждение и осуждение. В первом случае представлена скорее нейтральная оценка, во втором, соответственно, негативная. Лексические значения глаголов могли бы позволить разделить их на две подгруппы (соответственно нейтральной и негативной оценки), но строго дифференцировать глаголы не позволяют греч. соответствия, ср., например, *сждити* и *сждити**. Названные тонкие оттенки значения, связанные с реализацией эмоциональной составляющей, очевидны в тексте, ср. противопоставление суда и осуждения в одном случае (**НЕ СЖДИТЕ ДА НЕ СЖДАТЬ ВАМЪ • І НЕ ОСЖДАТЕ ДА НЕ ОСЖДАТЬ ВАСЪ** (Мар. Лк. 6, 37)) и сопоставление осуждения и оправдания в другом (**ОТЪ СЛОВЕСЪ СВОИХЪ • ОПРАВЪДИШИ СЯ • І СЛОВЕСЫ СВОИМИ СЖДИШИ СИ** (Мар. Мт. 12, 37)).

Как уже говорилось, выражаемая данными глаголами оценка может быть как отрицательной: **ОВИ СЪПАСАКМИ СЖТЪ • А ДРОУЗИИ ЮСЖДАКМИ** (Супр. 362, 23–24); **КОТОРАЕТЪ ДРЪЗОСТЬ • БЕЗАКОНЪ ЮДЪСКА** (Клоц. 11б 2), так и положительной (ср. решение Пилата освободить Варраву): **ПИЛАТЪ ЖЕ ПОСЖДИ ВЫТИ ПРОШЕННЪЕ** (Мар. Лк. 23, 24).

В некоторых случаях оценочность может играть главенствующую роль. Для актуализации информационно-вербальной составляющей эти лексемы могут сочетаться с лексическим модификатором *слово*, ср.: **ОТЪ СЛОВЕСЪ БО СВОИХЪ • ОПРАВЪДИШИ СЯ І СЛОВЕСЫ СВОИМИ СЖДИШИ СИ** (Мар. Мт. 12, 37), а также приобретать в контексте иные уточнения своей информационной функции: **ОТЪ ОУСТЪ ТВОИХЪ СЖДЖ ТИ ЗЪЛЫ РАВЕ** (Мар. Лк. 19, 22). В обоих случаях в тексте Зографского Евангелия стоят формы глагола *осждити* (*осждиши*, *осждждж*), что указывает на семантическую взаимозаменяемость указанных лексем.

Подобная семантическая взаимозаменяемость представляется достаточно интересной, поскольку отличает данные лексемы от подобных в русском языке. Русские лексемы *судить* и *осуждать* различаются хотя бы тем, что последняя, в отличие от первой, считается перформативом, то есть словом, по сути совпадающим с действием, им обозначаемым (см., например, [1, 201]). В ст.-слав. же языке, как представляется, можно говорить о функциональной

эквивалентности рассматриваемых лексем. В приведенных выше примерах их употребление неперформативно, в качестве перформативов они выступают, в частности, в известнейшем евангельском фрагменте: **НЕ СЪДИТЕ ДА НЕ СЪДАТЪ ВАМЪ • І НЕ ОСЪЖДАТЕ ДА НЕ ОСЪДАТЪ ВАСЪ** (Мар. Лк. 6, 37).

3.2. Подгруппа глаголов с семантиками ‘оценивать’ + ‘обвинение’: **оклеветати** ‘оговаривать / оговорить, клеветать / оклеветать’, **клеветати** ‘клеветать’, **обадити** ‘оклеветать, (ложно) обвинить’, **навадити**₂ ‘оклеветать *кого-л.*’, **решти**₄ ‘обвинить / обвинять, оговорить / оговаривать *кого-л.*’, **оглаголати** ‘обвинить’, **възглаголати**₂ ‘высказаться *против кого-л.*, обвинить *кого-л.*’, **хоулати**₂ ‘обвинять’, **оклеветати**₂ ‘обвинить’, **оувѣштавати**₂ ‘обличать, уличать’, **глаголати*** ‘высказываться *против кого-л.*, жаловаться *на кого-л.*, обвинять *кого-л. в чём-л.*’, **обличати** ‘обличать, уличать, разоблачать, обвинять’, **обличити** ‘обличить, уличить, разоблачить, обвинить’, **понмати**₂ ‘обвинять, упрекать’, **понмовати** ‘обвинять, упрекать’, **попати**₂ ‘обвинить’, **въстазати**₂ ‘обвинить, упрекнуть’, **облыгати** ‘ложно обвинять, бесчестить, клеветать’ (18 ЛСВ).

Метаязыковое обозначение дифференцирующей семы охватывает два аспекта оценки – собственно обвинение и клевету (ложное обвинение), ср. объединение сем в семеме глагола **обадити**.

Все рассматриваемые глаголы выражают негативную оценку: **облыгаемъ естъ • кънижъники** (Евх. 49а 23–24); **твоа оуста тебе оглаголаша • свои оустыиъ тебе въста обличеник** (Супр. 237, 29), **ѣда коли г(оспод)ъ • мене грѣшнаго и оубогаго въстажетъ** (Супр. 568, 13). Но на первый взгляд представляется, что данную подгруппу можно разделить на две составляющие – негативной оценки и ложной негативной оценки. Однако то, что одна и та же греч. лексема может соответствовать различным ст.-слав. лексемам, не позволяет это сделать (ср. *κατηγορεῖν* – **обличати** и **вадити**, *καταλαλεῖν* – **оклеветати** и **глаголати***), кроме того одна и та же ст.-слав. лексема может иметь несколько различных греч. эквивалентов (**решти**₄ – *κατηγορεῖν*, *καταλαλεῖν*). Сами значения греч. лексем не дают возможности разделения, ср.: *κατηγορεῖν* ‘говорить против кого-либо; обвинять’, *καταλαλεῖν* ‘говорить против кого-либо; клеветать’, *διαβάλλειν* ‘клеветать, наговаривать’. Переносное значение **глаголати*** возникло не без греч. влияния на основе широкой семантики самой лексемы, способной соответствовать многим греч. (см. СС, 169–170).

Очевидна связь этих лексем с рассмотренной выше подгруппой, связанной с передачей ложной информации (ср. одно из греч. соответствий *καταμαρτυρεῖν*). Идея ложности может получать выражение и в контексте: **въ лъжа навадатъ на нъ** (Супр. 135, 5–6). Различие заключается в том, что лексемы данной группы, как видно уже из определения смысла, связаны с передачей ложной информации о субъекте, то есть именно с оценкой его качеств и образа действий: **своими грѣхы сами са оувѣштаважтъ** (Супр. 510, 15); **тъ оклеветанъ въстъ къ нему тако расточаа имѣниъ его** (Мар. Лк. 16, 1); **къто отъ васъ обличаетъ ма о грѣсѣ** (Мар. Ин. 8, 46). Выше говорилось, что разделение объекта и предмета оценивания является характерным признаком именно глаголов эмоциональной оценки.

С характером основного оцениваемого субъекта-Бога (ср. **понмаша і(соу)соу фарисеи искъшажште и** (Сав. Мт. 19, 3)) связано, видимо, и то, что негативная оценка практически всегда выступает как ложная. Для создания иллюзии истинности такой оценки может создаваться ситуация провокации: **се же рѣша искоушажште и • да бж имѣли на нь чьто г(лаго)лати** (Мар. Ин. 8, 6); либо специального ожидания ошибки: **і назираахъ і • аште въ сжботъ щѣлнтъ і • да на нь възг(лаго)лжтъ** (Мар. Мк. 3, 2).

3.3. Подгруппа глаголов с семантиками ‘оценивать’ + ‘похвала’: 12 ЛСВ – **въсхвалити** ‘восхвалить, возблагодарить’, **похвалати** ‘хвалить, восхвалять, воздавать хвалу’, **хвалити** ‘хвалить, восхвалять, славить, прославить’, **въславити** ‘прославить, восславить’, **прославити** ‘прославить’, **прославлати** ‘прославлять’, **славословити** ‘прославить / прославлять, славословить’, **славити** ‘восхвалять, славить, прославлять (*обычно бога*)’, **блажити** ‘восхвалять’, **оублажити**₂ ‘восславить’, **ликъствовати** ‘ликовать, славить’, **прѣхвалити** ‘восхвалять, воспевать’.

В качестве метаязыкового именованья позитивной оценки была избрана лексема *похвала*. Под похвалой также понимается прославление, благодарность и благословение. Именно такой семантический компонент повторяется в следующих дефинициях: *хвалить / похвалить*

‘высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-л.’, *восхвалить* / *восхвалять* ‘превознести похвалами, расхвалить кого-, что-л.’, *превознести* / *превозносить* ‘очень высоко оценить, восхвалить, возвеличить’, *прославить* / *прославлять* ‘воздать хвалу кому-л., восхвалить’. Столь широкое объединение различных видов речевых актов продиктовано слабой семантической дифференциацией значений ст.-слав. лексем, что видно из приведенных дефиниций, а также из совпадения греч. соответствий.

Многочисленные греч. эквиваленты (ὕμνεῖν, αἰνεῖν, δοξάζειν, δοξολογεῖν) свидетельствуют о пересечении значений ст.-слав. лексем, об их возможности выражать один и тот же смысл. Смысловое сходство поддерживается единством корня и верифицируется также контекстуально – рассматриваемые лексемы употребляются параллельно, ср.: **ХВАЛШТЕ І СЛАВШТЕ В(ОГ)А • О ВСѢХЪ ѿЖЕ СЛЫШАША** (Мар. Лк. 2, 20); **ХВАЛИТЕ Г(ОСПОД)Ѣ... ПОИТЕ ИМЕНИ ЕГО ѿКО ДОБРО** (Син. 134, 3); они встречаются в практически идентичных контекстах: **КЮЖЕ ХВАЛИТЬ ВСА ТВАРЬ** (Супр. 77, 29); **ВСѢ ТВАРЬ ВЪСПѢТЪ ТА** (Евх. 46, 13) – и взаимозаменяемы в различных евангельских рукописях: **ПОИШТЕ (ХВАЛШТЕ (Мар.)) І БЛАГОСЛОВАШТЕ В(ОГ)А** (Зогр. Лк. 24, 53).

В современном русском языке валентность глаголов *хвалить* и *славить* имеет несколько общих компонентов: объект похвалы (*кого / что*) и достоинства объекта (*за что*). В ст.-слав. текстах заполнение позиции объекта практически всегда постоянно – этим объектом мыслится Господь. Соответственно во многих случаях достоинства объекта не эксплицируются, они представлены априори, хотя и эта позиция может быть заполнена, ср.: **ХВАЛИТЕ Г(ОСПОД)Ѣ ІАКО БЛАГ(Ъ)** (Ен. 22а 10).

Один из греч. эквивалентов рассматриваемых лексем – εὐχαριστεῖν (ср. **ХВАЛИТИ** во фрагменте **И ВЪВРЪГОША ІА ВЪ ОГНЬ • И БѢСТА ВЪ ОГНИ ПОИШТА И ХВАЛШТА БОГА** (Супр. 5, 21)) – позволяет ввести еще один способ представления данного значения: **БЛАГОДАРИТИ** ‘благодарить, восхвалять’, **БЛАГОДАРЕСТВОИТИ** ‘благодарить / поблагодарить, восхвалять’, **БЛАГОДАРЕСТВОВАТИ** ‘благодарить, восхвалять’, **БЛАГОСЛОВИТИ₂** ‘благословить / благословлять, восхвалить / восхвалять’, **ПОХВАЛИТИ₂** ‘поблагодарить’, **БЛАГОСЛОВАТИ₂** ‘благословлять, восхвалять’ (еще 6 ЛСВ).

В этом случае также очевидно параллельное употребление лексем, свидетельствующее о возможности выражения одного и того же смысла: **ПОИШТЕ (ХВАЛШТЕ (Мар.)) І БЛАГОСЛОВАШТЕ В(ОГ)А** (Зогр. Лк. 24, 53); **ПО ИЦѢЛЕНИИ МНОГЫ ДНИ ТОУ БЛАГОДАРА И ХВАЛА • И ПРОПОВѢДАА Х(РИСТО)СА В(ОГ)А НАШЕГО** (Супр. 555, 28).

Корневая общность с приведенными выше глаголами позволяет ввести в состав подгруппы следующие глаголы: **БЛАГОСЛОВЕСТВОВАТИ** ‘благословлять’, **БЛАГОСЛОВЕСТВОВАТИ** ‘благословить’, **БЛАГОСЛОВЕСТИТИ₂** ‘благословить, вознести хвалу’, **БЛАГОСЛОВЕСТВИТИ₂** ‘благословлять, восхвалять’, **БЛАГОСЛОВЕСТИТИ₂** ‘благословить / благословлять, восхвалить / восхвалять’, греч. соответствие которых εὐλογεῖν, а также глаголы **БОГОСЛОВЕСТВИТИ** ‘проповедовать, восхвалять бога’, **БОГОСЛОВЕСТВОВАТИ** ‘проповедовать, восхвалять бога’, **БОГОСЛОВИТИ** ‘проповедовать, восхвалять бога’, греч. – θεολογεῖν, (еще 8 ст.-слав. ЛСВ).

В качестве примера употребления этих лексем может выступать следующий фрагмент: **ДРОУЗИИ БОГОСЛОВЕШТВААХЪ • БЛАГОСЛОВЕШЕНЪ ГРАДЫИ ВЪ ИМА ГОСПОДЬНЕ** (Супр. 322, 16).

Вторая часть – греч. композит (λογεῖν) – достаточно определенно указывает на информационную составляющую рассматриваемого отношения, хотя прославление для автора божественного текста не всегда может осуществляться вербальным способом, ср.: **ДѢЛЫ ДОБРЫ • І СЛОВЕСЫ БЛАГЫ • СЛАВЦА СЪ ВСѢМИ ЛЮДЬМИ ТВОИМИ** (Евх. 25б 12–13).

Подобный невербальный способ похвалы может актуализироваться следующими лексемами: **ВЕЛИЧАТИ₂** ‘превозносить, восхвалять’, **ВЕЛИЧИТИ** ‘превозносить, восхвалять’, **ВЪЗВЕЛИЧАТИ** ‘восхвалять, славить’, **ВЪЗВЕЛИЧИТИ₂** ‘восхвалить, восславить’, общее греч. которых μεγαλύνειν, **ВЪЗНОСИТИ*** ‘восхвалять’, греч. ὑψοῦν ὑπερυψοῦν (еще 5 ст.-слав. ЛСВ).

Это видно в следующих фрагментах: **ПАДОША НИЦИ НА ЗЕМИ • ВЕЛИЧАИШТЕ В(ОГ)А КРЪСТИАНЫСКА** (Супр. 541, 5); **ВЪЗНОСИТЕ Г(ОСПОД)А В(ОГ)А НАШЕГО** (Син. 98, 5). В этом случае и ст.-слав., и греч. лексемы обладают сходной внутренней формой, включающей в себя компонент ‘увеличивать, усиливать, возвышать’. Семантическая структура **ВЪЗНОСИТИ*** получает смысловое развитие под влиянием греч. ὑψοῦν ὑπερυψοῦν ‘высоко возносить’. Таким образом,

способ перевода, предлагаемый ст.-слав. глаголом, – модуляция значения. К данной подгруппе следует отнести еще несколько глаголов: **исповѣдати**₄ ‘восхвалять, прославлять’, **исповѣдати сѧ** ‘восхвалять, прославлять’, **исповѣдѣти**₄ ‘восхвалить, прославить’, **исповѣдѣти сѧ** ‘восхвалить, прославить’ (еще 4 ЛСВ).

Их способность реализовывать идею похвалы, прославления отчетливо ощущалась древними славянскими авторами. Так, у Кирилла Туровского в молитвах глагол **исповѣдати** встречается в значении ‘славить, благодарить’: **яко не мертви въсхвалятъ тя, ни сѣдящи въ адѣ исповѣдять ти ся** (м21 323); **яко не мертви въсхвалятъ тя, въ адѣ же кто исповѣсть ти ся** (м23 328). Прочитированные фрагменты представляют собой реминисценцию из текста Псалтыри, ср.: **ѡко нѣсть въ смръти поминаніи тебе: въ адѣ же кто исповѣсть сѧ тебѣ** (Син. 6, 6).

В текстах Синайской псалтыри представлены и другие значения глагола **исповѣдати** / **исповѣдѣти** – ‘признаваться (в грехе)’: **исповѣмъ на мѧ безаконенъе мое ꙗко** (Син. 31, 5) – и ‘говорить, высказываться’: **Бже животъ мой исповѣдѣхъ тебѣ: Положилъ еси слъзы мои прѣдъ совоѧ** (Син. 55, 9). Отнюдь не верность греч. оригиналу послужила причиной совмещения столь разных семантических компонентов в пределах одной лексемы. Напротив, в Септуагинте все три названных словоупотребления связаны с разными лексемами: значение ‘признаваться (в грехе)’ выражается лексемой $\xi\sigma\chi\omicron\rho\epsilon\upsilon\omega$ [2, 30], буквально ‘высказывать, объявлять, выбалтывать’, значение ‘говорить, сообщать’ – лексемой $\xi\sigma\chi\upsilon\gamma\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$ [2, 30], буквально ‘извещать, уведомлять, сообщать’, значение ‘славить, хвалить’ (наиболее частотное в псалмах, см. Син. 265–267) – лексемой $\xi\zeta\omicron\mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\epsilon\upsilon\omicron\mu\alpha$, буквально ‘признаваться’.

Объединение значений ‘признаваться’, ‘говорить, сообщать’ и ‘славить, хвалить’ наблюдается в тексте Нового Завета, где оно осуществляется в пределах смысловой сферы лексемы $\xi\zeta\omicron\mu\omicron\lambda\omicron\upsilon\epsilon\upsilon\omicron\mu\alpha$ (ср.: 1) взаимно соглашаться, приходиться к соглашению, 2) открыто признавать, 3) публично выражать, 4) воздавать благодарность), ср.: **и крыщаахъ сѧ оу него въ иврданъсѣѣи рѣцѣ исповѣдающе грѣхы своѧ** (Мар. Мф. 3, 6); **ѡа никътоже не видѣ николиже иночѧды снѣ сѧи въ лонѣ очн тѣ исповѣдѣ** (Мар. Ин. 1, 18); **исповѣдаѧ ти сѧ отъче ꙗко невоу и земли ѡко оутанѧ еси отъ прѣмъдрѣхъ и разоумъныхъ и ѡвилъ ѣ еси младенцемъ** (Мар. Мф. 11, 25). Как видно, славянские переводчики сохранили лексемное единство Нового Завета и положили начало традиции совмещения разнородных семантических компонентов в значении одной лексемы.

В современном русском языке возвратность глагола влияет на его оценочность: положительная коннотация сменяется отрицательной, ср.: хвалить – хвалиться. Несколько иначе обстоит дело в ст.-слав. текстах. Безусловно, возвратные лексемы связаны с обозначением отнюдь не христианских ценностей – гордыни, заносчивости, хвастливости и др.: **да не хвалитъ сѧ силъными въ крѣпости своѧи** (Супр. 546, 14). Ср. также лексемы **въсхваляти сѧ**, **хвалити**₃ **сѧ**, **възвеличати сѧ**, **възносити сѧ**, **прѣвъзносити сѧ**.

Однако божественная слава способна отразиться в положительной характеристике славящего. Таким образом, возвратность здесь не возвращает действие к субъекту, но служит объединению в одном отношении субъекта и объекта: **аште азъ славаѧ сѧ самъ • слава моѣ ничътоже естъ • естъ о(тъ)ць мой славаи ма** (Мар. Ин. 8, 54); **похвалятъ сѧ товоѧ любяци-имѧ твоѣ** (Син. 5, 12); **хвалите сѧ въ имя с(ва)тоѣ его** (Син. 104, 3).

Выводы

1. Объединение глаголов со значением речевого выражения эмоций в ЛСГ осуществляется как на основе анализа объективных условий протекания коммуникации, так и на основе семантических критериев: 1) наличия корневой общности ст.-слав. лексем, 2) общности дефиниций ст.-слав. лексем, 3) наличия общих греческих соответствий для ст.-слав. лексем, 4) взаимозаменяемости ст.-слав. лексем в параллельных местах.

2. В ст.-слав. языке глагольная лексика со значением речевого выражения эмоций делится на две основные части: 1) глаголы со значением эмоционального отношения и 2) глаголы речи со значением эмоциональной оценки (отрицательной и положительной). ЛСГ объединяет 10 подгрупп по двум блокам. Семантический язык группы может быть представлен следующим

образом: первый блок – 1) ‘воздействовать’ + ‘обида’, 2) ‘воздействовать’ + ‘унижение’, 3) ‘воздействовать’ + ‘насмешка’, 4) ‘воздействовать’ + ‘брань’, 5) ‘воздействовать’ + ‘ропот’, 6) ‘воздействовать’ + ‘проклятие’, 7) ‘воздействовать’ + ‘посрамление’; второй блок – 1) ‘оценивать’ + ‘суждение’, 2) ‘оценивать’ + ‘обвинение’, 3) ‘оценивать’ + ‘похвала’.

3. Лексическая система ст.-слав. языка представляется абсолютно достаточной для передачи тончайших семантических оттенков, связанных с реализацией эмоциональной составляющей. В ст.-слав. языке формируется класс глаголов, специализирующийся на выражении исключительно важных для любой языковой системы значений, связанных с номинацией особенностей реализации коммуникативного акта и условий его прохождения.

4. Активность глагольной лексики со значением речевого выражения эмоций представляется различной. Среди глаголов первого блока самой востребованной является подгруппа ‘воздействовать’ + ‘брань’ (32 лексемы), среди глаголов второй – подгруппа ‘оценивать’ + ‘похвала’ (43 лексемы). Указанные подгруппы являются антонимичными.

Таким образом, в ст.-слав. языке оппозиция глаголов со значением ‘брань’ – ‘похвала’ является наиболее актуальной для выражения эмоций при помощи речи. Наименее востребованными являются подгруппы со значением ‘воздействовать’ + ‘обида’ (всего 2 лексемы) и ‘воздействовать’ + ‘ропот’ (3 лексемы).

Перечень условных обозначений

Мар. – Мариинское четвероевангелие;

(Мар. Лк. 19, 8) – источник, часть, номер страницы, строка;

Супр. – Супрасльская рукопись;

Син. – Синайская псалтырь;

Ас. – Ассеманиево евангелие-апракос;

Евх. – Синайский требник, или евхологий;

Клоц. – Сборник Клоца;

Сав. – Саввина книга;

Зогр-лл. – Зографские листки;

Ен. – Енинский апостол.

Список использованных словарей

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова [и др.] ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

ДГРС – Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / И. Х. Дворецкий. – М., 1958.

ДГС – Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман. – СПб., 1899 ; М. : ГЛК, 1991. – VIII с. – 1370 стб.

МАС – Словарь русского языка в четырех томах / гл. ред. А. П. Евгеньева. – Изд. третье, стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки рус. культ., 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.

2. Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece iuxta LXX interpretes / ed. A. Rahlfs. Duo volumina in uno. – Stuttgart, 1979. – Vol. 1–2.

Summary

The research is aimed at distinguishing verbs of expressing emotions in speech in the Old Slavonic language, their lexical and semantic description, defining the principles of composing lexical and semantic groups to determine systematic component interrelation. The object of this research covers the lexical and semantic group of verbal lexical means expressing emotions in speech in the Old Slavonic language. The subject matter of the research comprises links and relations that organize such a system and allow its appearing as one of the central subsystems of the Old Slavonic language.

Поступила в редакцию 29.04.10.

ПЕРСАНАЛІІ

*Слово о юбиляре****Виталий Степанович Сидорец***

23 мая 2010 г. известному ученому-филологу, кандидату филологических наук, доценту кафедры русского языка УО МГПУ имени И. П. Шамякина Виталию Степановичу Сидорцу исполнилось 70 лет. 46 лет из них посвящено педагогической деятельности.

В. С. Сидорец родился в с. Ново-Ивановка Суджанского района Курской области. Детские годы проходили в трудное военное время в «пламени» войны в районе Курско-Орловской дуги. Память военных дней до сих пор волнует его душу.

В 1948 г. вместе с семьей переехал в Украину, в с. Заливанщина Винницкой области.

После окончания средней школы Виталий Степанович в 1958 году поступает на филологический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Нынешний потенциал В. С. Сидорца как ученого-исследователя формировался еще в студенческие годы; в МГУ он сразу активно включается в научную работу: посещает семинары, научные кружки. Он слушал лекции таких известных ученых-филологов (которые и сформировали современное состояние лингвистики), как В. В. Виноградов, Н. М. Шанский, Т. М. Ломтев, Л. И. Ефимов, М. Л. Кузнецов, К. В. Горшкова, Е. М. Галкина-Федорук, Н. К. Гудзий, Ф. П. Филин, Л. М. Попов, В. В. Иванов.

В 1963 году, после окончания МГУ, В. С. Сидорец был направлен по распределению на работу в Барнаульский педагогический институт. Но судьба распорядилась по-другому... Виталий Степанович решил съездить в гости к сестре, которая жила тогда в Мозыре, да так и остался здесь. Он говорит: «Мне понравились эти места. Такое чувство, что я здесь и родился. Полешуки – люди хорошие, добродушные». В то время он узнал о том, что в Мозырском пединституте требуется преподаватель русского языка. И с 1 сентября 1963 г. выпускник МГУ В. С. Сидорец – преподаватель кафедры языкознания Мозырского государственного пединститута имени Н. К. Крупской.

Виталий Степанович много работает над собой, и через год он уже старший преподаватель этой же кафедры. В 1964 году прикрепляется соискателем на кафедру русского языка БГУ имени В. И. Ленина к профессору М. Г. Булахову. Тема же кандидатской диссертации «Структурно-семантическая характеристика прилагательных в прозе И. А. Бунина» была ранее предложена академиком В. В. Виноградовым, который оказал также непосредственное содействие в организации работы с архивами писателя.

В марте 1972 г. В. С. Сидорец успешно защищает кандидатскую диссертацию в Институте языкознания имени Я. Коласа АН БССР.

После защиты диссертации В. С. Сидорец долгое время заведовал кафедрой русского языка УО МГПУ (с 1973 по 1975 гг. и с 1985 г. по 2001 г.).

Замечательные человеческие качества позволили Виталию Степановичу сплотить на кафедре дружный коллектив единомышленников для решения научных и методических проблем. Много внимания уделял росту кадрового потенциала кафедры, оказывал содействие в научной работе тогда еще просто преподавателям, а сейчас кандидатам филологических наук, доцентам С. Б. Курашу, В. В. Кузьмичу, П. Е. Ахраменко, доктору педагогических наук, профессору В. Ф. Русецкому.

В. С. Сидорец – человек коммуникабельный, творческий. В течение всей своей научной деятельности он постоянно привлекает талантливую молодежь к самостоятельным научным поискам. Так, под его руководством старший преподаватель кафедры русского языка Мозырского госпединститута В. В. Тозик написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему

«Производная лексика в составе адъективных гнезд цветowych прилагательных русского и белорусского языков».

В. С. Сидорец – автор около 170 научных работ по широкому кругу лингвистических проблем. В последние годы научный потенциал его не только не ослабел, а значительно усилился. Ежегодно издается целый ряд его новых работ. Всего в периодических изданиях им опубликовано свыше 40 статей. Работает с перспективой. Интересы ученого многоплановы – стилистика текста, язык художественных произведений, проблемы неоднословного наименования действия в современных восточнославянских языках. Подготовлена монография «Неоднословное наименование действия у восточных славян – избыточность или необходимость». Сейчас научные интересы В. С. Сидорца представлены в двух направлениях: исследования структуры семантики восточнославянских языков и анализ художественного текста.

Имя В. С. Сидорца, известного лингвиста, знают не только в Беларуси, но и далеко за её пределами. Он активнейший участник Международных конференций. Вот неполный перечень географии его участия в Международных научных конференциях: гг. Москва, Стерлитамак, Киев, Днепропетровск, Черкассы, Харьков, Львов, Симферополь, Вильнюс, Тарту, Самарканд и др.

Виталий Степанович является постоянным членом оргкомитета Международной конференции «Язык и культура» (г. Киев), поддерживает научные связи с членом корреспондентом Ю. Н. Карауловым (г. Москва), профессором М. П. Кочерганом (г. Киев), доктором филологических наук, профессором Л. В. Бублейник (г. Луцк), доктором филологических наук, профессором А. М. Никитевичем, доктором филологических наук, профессором В. И. Ковалем и другими учеными.

Научная деятельность В. С. Сидорца тесно связана с его преподавательской работой. На протяжении долгих лет он читает сложные лингвистические курсы – старославянский язык, историческая грамматика русского языка, общее языкознание.

В. С. Сидорец – лектор высокого уровня. Сложные вопросы излагает доступным для студентов языком. Каждую его лекцию характеризуют глубина, доходчивость и высокая культура изложения материала.

Много сил отдает В. С. Сидорец творческому росту студентов. Под его руководством подготовлены многочисленные студенческие научные работы, которым на Республиканском конкурсе неоднократно присуждались призовые места.

В последние годы В. С. Сидорец много внимания уделяет подготовке необходимых для студентов учебно-методических пособий: в том числе изданы пособия по старославянскому языку. Эта работа высоко оценена такими известными учеными республики, как проф. В. И. Коваль и проф. А. П. Груцо.

Виталий Степанович как педагог и человек относится к той когорте людей, которых отличают компетентность по широкому кругу вопросов, высокий уровень общего образования и культуры, душевность, тактичность, требовательность к себе и другим. Следует также отметить и такую черту его личностных качеств, как многогранность интересов. Много внимания уделяет он занятиям спортом, так, например, в последнее время увлекается греблей на академической байдарке!

Благодаря этим качествам он пользуется заслуженным авторитетом среди студентов и коллег.

Результаты, достигнутые В. С. Сидорцом, действительно впечатляют. Но Виталий Степанович не останавливается на свершенном, он полон сил и творческих планов.

Желаем Виталию Степановичу Сидорцу доброго здоровья, долгих лет жизни, плодотворной работы, благополучия.

*П. Е. Ахраменко,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка*

*К юбилею**Анисимов Валерий Иванович*

15 мая 2010 года кафедра русской и зарубежной литературы УО МГПУ имени И. П. Шамякина поздравляла с юбилеем доктора педагогических наук, заведующего кафедрой В. И. Анисимова.

После окончания педагогического института в г. Кемерово (1970) Валерий Иванович поступил в московскую аспирантуру (1971) и в 1977 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Уже более 30 лет (с 1980 г.) он отдал педагогической и научной деятельности в нашем университете. Валерий Иванович Анисимов – первый доктор в истории кафедры русской и зарубежной литературы, первый и пока единственный в Республике Беларусь доктор педагогических наук в области высшего литературного образования. Защита докторской диссертации состоялась в БГУ (2001). На страницах Белорусской энциклопедии размещена отдельная статья об учёном (Беларус. энцыкл. : у 18 т. – Мінск, 2004. – Т. 18, кн. 1 / Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – С. 334).

Труды В. И. Анисимова издавались на русском, английском, французском, немецком и польском языках. Их помещали на своих страницах еженедельник «Литературная Россия», журналы «Наш современник», «В мире книг», «Советская литература», «Адукацыя і выхаванне», «Асновы мастацтва» и др. Две его книги вышли многотысячными тиражами в московских издательствах «Просвещение» и «Советская Россия». Заинтересованность в сотрудничестве с нашим учёным проявляли московский Институт общего образования (Россия), Оксфордский университет (Англия), Одесская ассоциация педагогов «Мир через культуру» (Украина) и др.

Главное научное достижение В. И. Анисимова – создание теории целостного литературного образования, включающей в себя разработку системных оснований, принципов и приёмов моделирования его содержания в педагогическом университете. В рамках государственной программы фундаментальных исследований Республики Беларусь (ГПФИ «Непрерывное образование», 2002–2005 гг.) на материале искусствоведческих специализаций им разработаны концептуальные основы интегрированного реформирования высшего педагогического образования в Республике Беларусь. Всего В. И. Анисимовым издано более ста двадцати учебных и методических пособий, а также монографии, хрестоматии, авторские курсы лекций, учебные программы, научные статьи и брошюры.

Кроме научной деятельности, В. И. Анисимов ведет большую учебно-методическую работу. Под его руководством осуществляется разработка электронного учебника по всем периодам истории русской литературы. На практических занятиях по истории русской литературы XX века Валерий Иванович стремится донести до студентов эмоциональный и образно-выразительный потенциалы поэтических текстов. Он организует работу поэтического театра «Слово». Большой резонанс на факультете и в университете в целом получили литературные вечера, посвященные творчеству русских поэтов: А. С. Пушкина, М. Цветаевой, А. Ахматовой, Ф. Тютчева, С. Есенина, В. С. Высоцкого. Сценическая речь чтецов, их способность увлечь аудиторию художественным исполнением поэтических текстов – результат профессиональной работы «главного режиссера», «режиссера-постановщика» Валерия Ивановича Анисимова...

Это человек большой эрудиции, глубоких знаний, который всегда стремится быть в курсе новых достижений науки. Тема, которой он занимается в настоящее время, «Теория и технология интегративного образования», не случайна. Трудолюбие Валерия Ивановича, его усердие, ответственность и требовательность к себе является образцовым для молодых педагогов.

С искренним уважением кафедра русской и зарубежной литературы, студенты филологического факультета поздравляют Валерия Ивановича с 65-летием и желают новых научных и творческих достижений, интересных и содержательных публикаций, благодарных учеников, а также многолетнего плодотворного труда на ниве русской филологии.

*Л. В. Исмаилова,
кандидат филологических наук,
декан филологического факультета;
кафедра русской и зарубежной литературы*

*К юбилею**Терещенко Ольга Игнатьевна*

23 апреля исполнилось 65 лет доценту кафедры математики и методики преподавания математики Ольге Игнатьевне Терещенко.

Она родилась в деревне Чеботовичи Буда-Кошелевского района Гомельской области. В 1962 году с серебряной медалью окончила среднюю школу. С 1962 по 1967 год училась в Гомельском педагогическом институте имени И. П. Чкалова на физико-математическом факультете. После окончания института получила направление на работу в Лужковскую среднюю школу Кормянского района Гомельской области.

И вот уже 43 года отдано педагогической деятельности. С августа 1967 года Ольга Игнатьевна работала в школе учителем математики и физики, затем была назначена директором Лужковской средней школы. А с 1976 года и по сей день

О. И. Терещенко трудится в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина.

В 1987 году окончила аспирантуру при Минском государственном педагогическом институте. В 1990 году Терещенко Ольга Игнатьевна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, и в этом же году ей было присвоено ученое звание доцента.

О. И. Терещенко опубликовала более 50 печатных работ по широкому кругу методических проблем. Результатом плодотворной научной работы со студентами являются многочисленные студенческие публикации, выполненные под ее руководством.

О. И. Терещенко принимает самое активное участие во всех мероприятиях кафедры и факультета. На протяжении многих лет Ольга Игнатьевна отдает много времени и сил одному из важных направлений работы кафедры – связи с общеобразовательными школами, регулярно оказывает методическую помощь учителям математики школ Полесского региона.

Ольга Игнатьевна отличается высоким профессионализмом, творческим подходом к делу, исключительной организованностью, трудоспособностью.

Кафедра математики и методики преподавания математики поздравляет Ольгу Игнатьевну с юбилеем и желает ей отличного здоровья, новых творческих замыслов, благополучия.

*В. В. Пакинтайте,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой математики и МПМ*

*К юбилею**Бакланенко Людмила Николаевна*

Бакланенко Людмила Николаевна – выпускница Мозырского государственного педагогического института имени Н. К. Крупской 1977 года, в 1992 году закончила аспирантуру Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины.

Ученая степень кандидата технических наук присуждена по результатам защиты диссертации в Совете по защите диссертаций при БГПА по специальности «Технология машиностроения» в 1998 году. В 1999 году присвоено звание доцента в области технологии.

С 1994 по 2003 гг. руководила кафедрой технологии машиностроения, с 2003 по 2008 гг. – декан инженерно-педагогического факультета.

Участвовала во внедрении проекта Международной организации труда «Развитие модульной системы обучения в Республике Беларусь» в Полесском регионе и получила сертификат на право разработки и внедрения модульного обучения.

С 1996 года руководила научно-исследовательской работой в области ресурсосберегающих технологий. Первая тема выполнялась в рамках госпрограммы совместно с институтом природных ресурсов и экологии г. Минска.

С 1998 г. выполняла задание государственной программы фундаментальных исследований «Поверхность». Проект «Исследование закономерностей контактного взаимодействия сопряженных поверхностей узлов трения при использовании регенерированных смазочных материалов» внесена в план важнейших научно-исследовательских работ отдела проблем ресурсосбережения ИММС НАНБ на 2001–2005 годы.

В 2008 г. участвовала в авторском коллективе по разработке опытных образцов электронных дидактических средств для производственного обучения деревообработке учащихся УО «ПТО». Неоднократно являлась руководителем хоздоговорных тематик.

Автор более 60 научных, учебно-методических работ, государственных образовательных стандартов, типовых, базовых учебных планов по специальности «Профессиональное обучение». Имеет авторские свидетельства на изобретения и патенты. В 2008 году издана монография по результатам научно-исследовательской работы «Технология повторного использования отработанных регенерированных смазочно-охлаждающих жидкостей». Подана заявка на изобретение. Изданы учебно-методические пособия с грифом РИПО по дисциплине «Технология машиностроения». Разработала методические комплексы, электронный курс лекций по читаемым дисциплинам, модульные учебные элементы по МТН-программам, блок-конспекты лекций. Участвовала в подготовке мультимедийного учебного пособия по художественной обработке древесины, получившего гриф Республиканского института профессионального образования.

Является председателем НМС по профессиональному обучению в УМО РБ по инженерно-педагогическому образованию.

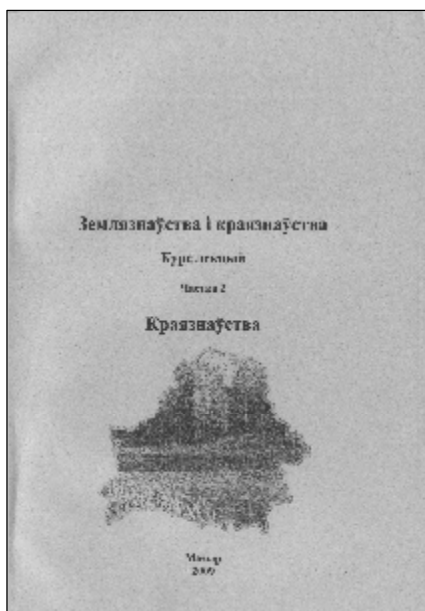
Участвовала в рецензировании монографий и учебных пособий. Руководит курсовыми и дипломными проектами по технологии машиностроения. На занятиях использует методы и средства, активизирующие познавательную деятельность студентов, развивающие их умения самостоятельной работы (элементы блок-конспектов, технические и технологические задачи)

Кафедра машиностроения и МПМД сердечно поздравляет Людмилу Николаевну с юбилеем и желает ей здоровья, долголетия, благополучия и реализации намеченных планов.

*Л. Н. Полищук,
кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой машиностроения и МПМД*

БІБЛІЯГРАФІЯ

Л. А. Лісоўскі

Землязнаўства і краязнаўства

Землязнаўства і краязнаўства : курс лекцый : у 2 ч. / аўт.-склад. Л. А. Лісоўскі. – 2-е выд., выпр. – Мазыр : УА МДПУ імя І. П. Шамякіна, 2009. – Ч. 2 : Краязнаўства. – 144 с. : іл., карты.

Курс лекцый напісаны ў адпаведнасці з праграмамі па землязнаўству і краязнаўству для факультэтаў пачатковай адукацыі універсітэтаў, праграмамі педагагічных вучылішчаў і коледжаў для шматузроўневай падрыхтоўкі спецыялістаў адукацыі.

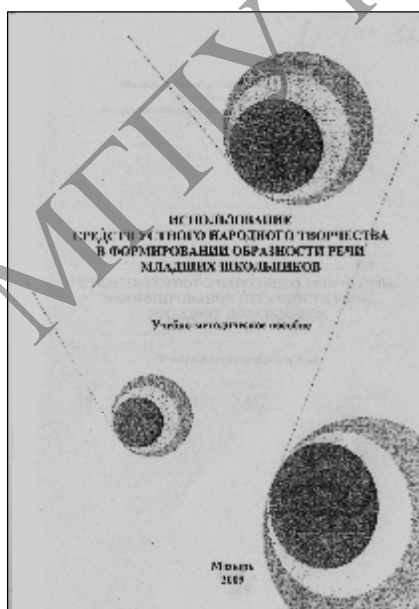
Першая частка дапаможніка «Землязнаўства» змяшчае асноўныя звесткі аб Зямлі і Сусвеце. Прыведзена агульная характарыстыка Зямлі як планеты, выяўлены асаблівасці літасферы, гідрасферы, атмасферы, біясферы, разгледжана вучэнне аб геаграфічнай абалонцы Зямлі. У другой частцы «Краязнаўства» даецца характарыстыка прыроды, насельніцтва і гаспадаркі Рэспублікі Беларусь.

Прызначаецца студэнтам вышэйшых і спецыяльных педагагічных устаноў, настаўнікам школ.

УДК [913 + 908,476]075,8

ББК 74.262я73

Н. П. Мишкевич

Использование средств устного народного творчества в формировании образности речи младших школьников

Использование средств устного народного творчества в формировании образности речи младших школьников : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Н. П. Мишкевич. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 62 с.

В пособии освещаются теоретико-методические и процессуальные основы формирования образности речи младших школьников средствами устного народного творчества. Пособие включает примерные планы-конспекты уроков с использованием образных средств фольклорных жанров и материал для организации внеклассной воспитательной работы по устному народному творчеству.

Адресовано студентам и преподавателям педагогических вузов, а также учителям начальных классов.

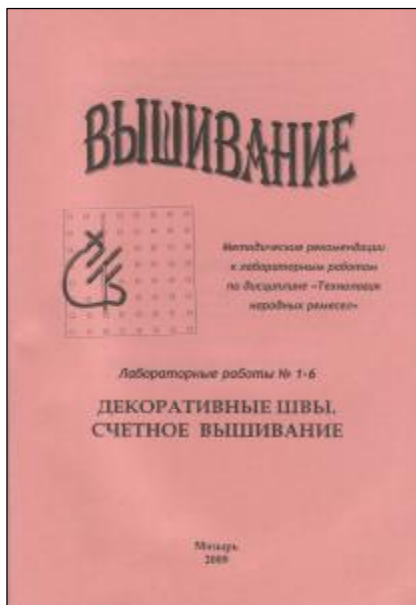
УДК 373.3.016:81-028.31(076)

ББК 74.268.0

Е. В. Тихонова

Вышивание

Декоративные швы. Счетное вышивание

Вышивание : метод. рекомендации к лаб. работам по дисциплине «Технология народных ремесел». Лаб. работы № 1–6 : Декоративные швы. Счетное вышивание / авт.-сост. Е. В. Тихонова. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 67 с.

ISBN 978-985-477-276-9.

Издание содержит методические рекомендации по выполнению лабораторных работ, список рекомендуемой литературы для организации самостоятельной внеаудиторной работы. Каждая лабораторная работа включает в себя блок теоретического материала, указания по выполнению практических заданий, перечень контрольных вопросов.

Издание предназначено для студентов дневной и заочной форм обучения по специальности: 1-02 06 01-03 Технология (обслуживающий труд) 1-02 06 02-05 Технология (обслуживающий труд). Изобразительное искусство 1-02 06 02-06 Технология (обслуживающий труд). Социальная педагогика. Может быть использовано учителями обслуживающего труда в преподавании вариативного блока школьной программы.

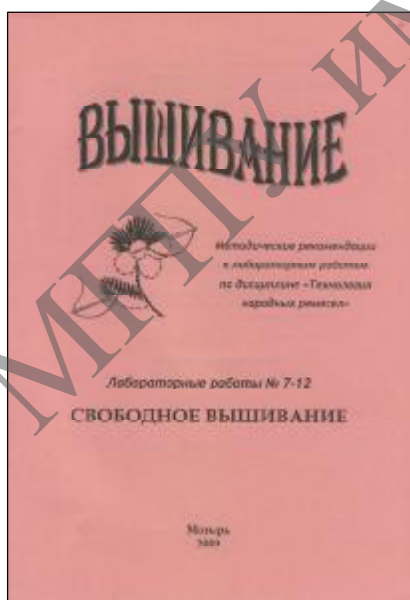
УДК +46.3(076.5)

ББК 85.126Я73

Е. В. Тихонова

Вышивание

Свободное вышивание

Вышивание : метод. рекомендации к лаб. работам по дисциплине «Технология народных ремесел». Лаб. работы № 7–12 : Свободное вышивание / авт.-сост. Е. В. Тихонова. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 60 с.

ISBN 978-985-477-269-1.

Издание содержит методические рекомендации по выполнению лабораторных работ, список рекомендуемой литературы для организации самостоятельной внеаудиторной работы. Каждая лабораторная работа включает в себя блок теоретического материала, указания по выполнению практических заданий, перечень контрольных вопросов.

Издание предназначено для студентов дневной и заочной форм обучения, обучающихся по специальностям 1-02 06 01-03 Технология (обслуживающий труд), 1-02 06 02-05 Технология (обслуживающий труд). Изобразительное искусство, 1-02 06 02-06 Технология (обслуживающий труд). Социальная педагогика. Может быть использовано учителями обслуживающего труда в преподавании вариативного блока школьной программы.

УДК +46.3(076.5)

ББК85.126Я73

Н. Г. Чиркова, Н. А. Гаруля, О. С. Дорофеева
Пленэрная практика

Пленэрная практика : метод. рекомендации / сост.: Н. Г. Чиркова, Н. А. Гаруля, О. С. Дорофеева. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 41 с.

Издание знакомит студентов (специальность 1-02 06 02-05 «Технология (обслуживающий труд) Изобразительное искусство») со спецификой работы на пленэре (живопись на открытом воздухе) во время практики по изобразительному искусству. Содержит теоретические сведения и конкретные рекомендации по выполнению учебных и творческих заданий. Указаны условия организации рабочего места для успешного прохождения летней практики. Приведены сведения о материалах и инструментах, используемых при выполнении пленэрных работ.

Может быть использовано студентами в учебном процессе на пленэре, в процессе самостоятельной творческой деятельности, в ходе подготовки курсовых работ по изобразительному искусству.

УДК 378.147.88:75/76
ББК 74.58

А. А. Клевжиц
Композиция

Композиция : учеб.-метод. указания к лаб. работам / сост. А. А. Клевжиц – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2009. – 53 с.

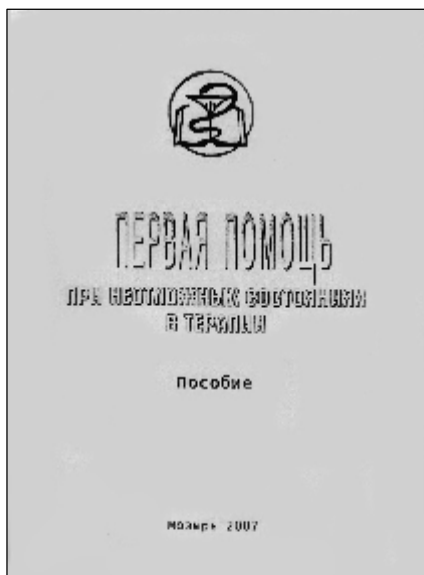
В издании даются сведения о законах построения композиции, а также методические рекомендации по освоению правил построения композиции.

Рекомендуется для студентов, обучающихся по специальности 1 – 02 06 02 – 05 – «Технология (обслуживающий труд). Изобразительное искусство».

Может быть использовано в работе педагогов-исследователей, учителей общеобразовательных и художественных школ.

УДК 371.18:62
ББК 74.268

А. А. Тальчук, Л. Н. Лаптиева, И. Н. Крикало
Первая помощь при неотложных состояниях

Первая помощь при неотложных состояниях : пособие / сост.: А. А. Тальчук, Л. Н. Лаптиева, И. Н. Крикало. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2007. – 68 с.

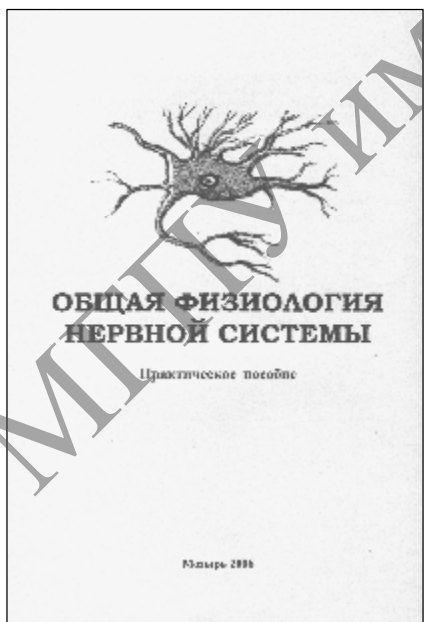
Пособие написано по курсу «Основы медицинских знаний» в соответствии с учебной программой для педагогических специальностей. Рассматриваются основные клинические проявления и принципы оказания первой помощи при неотложных состояниях в терапии. Учебный материал изложен в доступной форме, не перегружен специальной медицинской терминологией.

Рекомендуется для студентов педагогических и немедицинских вузов дневной и заочной форм обучения. Пособие может быть использовано учащимися профтехучилищ и общеобразовательных школ при изучении курса медподготовки, а также широким кругом читателей.

УДК 616(075.8)

ББК 52.5я73

Е. А. Бодяковская, Л. Н. Лаптиева
Общая физиология нервной системы

Общая физиология нервной системы: практическое пособие / сост.: Е. А. Бодяковская, Л. Н. Лаптиева ; под ред. В. В. Валетова. – Мозырь : УО МГПУ имени И. П. Шамякина, 2006. – 44 с.

Практическое пособие содержит сведения о строении, функциях и свойствах нервной клетки, нервных волокон, синапсов, нервных центров. Также рассматриваются вопросы механизма передачи нервного возбуждения по нервным волокнам через синапсы, принципы функционирования рефлекторной дуги, ее замыкания в рефлекторное кольцо. Отражается суть видов торможения в центральной нервной системе и координации деятельности нервных центров.

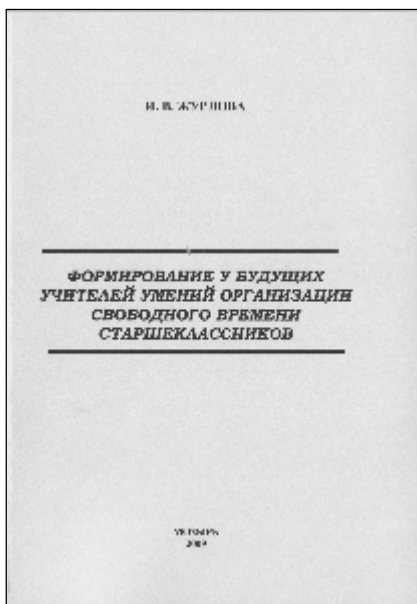
Адресовано студентам дневной и заочной форм обучения педагогических и сельскохозяйственных вузов.

УДК 591.181:612.8(075.8)

ББК 28.073я73

РЭЦЭНЗІЯ

Рецензия
на монографию И. В. Журловой
«Формирование у будущих учителей умений
организации свободного времени старшеклассников»

Актуальность данной работы автора обусловлена тем, что в настоящее время Концепция и Программа воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь в цели, принципах, задачах и содержании воспитания в общеобразовательной школе важное место отводят целенаправленному, разумному и эффективному использованию учащимися свободного времени.

Исходя из этого, одной из современных проблем педагогики высшей школы является совершенствование подготовки будущих учителей в условиях вуза к воспитательной работе.

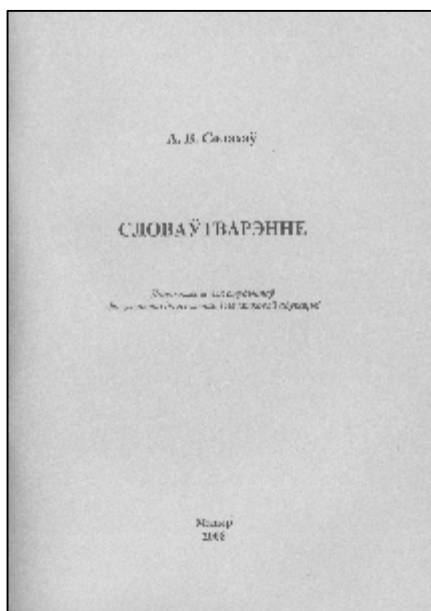
В монографии автором раскрыты теоретические аспекты организации свободного времени старшеклассников как педагогической категории, представлена апробация одного из способов подготовки будущих учителей к осуществлению внеклассной воспитательной работы со старшими школьниками, а именно: формирования у студентов в условиях вузовского обучения умений организации свободного времени старшеклассников.

Представив результаты собственного исследования, И. В. Журлова в своей работе обосновывает ряд педагогических условий, способствующих эффективности процесса формирования вышеназванных умений, в числе которых осуществление оперативной диагностики и коррекции формируемых умений, сочетание теоретического обучения студентов с их работой на экспериментальных площадках и др.

Монография «Формирование у будущих учителей умений организации свободного времени старшеклассников» соответствует требованиям, предъявляемым к данному виду работ, и может быть рекомендована к использованию в научно-практической деятельности преподавателей педагогических дисциплин в педагогических вузах и колледжах, директоров школ и внешкольных учреждений, заместителей директоров школ и внешкольных учреждений по воспитательной работе.

Рецензент
А. П. Сманцер,
доктор педагогических наук, профессор БГУ,
действительный член БелАО

Рэцэнзія
на дапаможнік А. В. Солахава
«Словаўтварэнне»

У сістэме моўнай адукацыі надзвычай важным з’яўляецца пытанне словаўтварэння, паколькі глыбокае асэнсаванне законаў развіцця мовы на розных узроўнях без разумення дэрывацыйных працэсаў уяўляецца малаверагодным. Неабходна вучыць студэнтаў адчуваць унутраны змест слова, вызначаць матываванасць вытворных лексічных адзінак, сродкі словаўтварэння. На жаль, у існуючых вучэбных дапаможніках можна знайсці адказ не на ўсе пытанні словаўтварэння, прадугледжаныя праграмай, у чым найбольш востра адчуваюць патрэбу студэнты і пачынаючы выкладчыкі.

З улікам адзначанага вышэй дапаможнік А. В. Солахава «Словаўтварэнне» з’яўляецца своечасовым і неабходным выданнем. Тэарэтычны матэрыял у ім падаецца ў адпаведнасці з існуючай вучэбнай праграмай, дакладна акрэсліваецца прадмет і фармулююцца задачы словаўтварэння як раздзела мовазнаўства, у даступнай форме, паслядоўна і аргументавана паказваецца сувязь словаўтварэння як асобнай галіны лінгвістычнай навукі з такімі падсістэмамі мовазнаўства, як фанетыка, лексікалогія, марфалогія, сінтаксіс.

Дапаможнік мае стройную, прадуманую будову. Ён складаецца з адзінаццаці параграфў, у якіх у лагічнай паслядоўнасці разглядаюцца пытанні, пачынаючы з сутнасці словаўтварэння і заканчваючы спосабамі ўтварэння самастойных часцін мовы. Апошні параграф змяшчае тэарэтычны матэрыял пра словаўтваральныя слоўнікі – алфавітныя і гнездавыя.

Кожны параграф суправаджаецца змястоўнымі, цікавымі практыкаваннямі, якія будуць спрыяць свядомаму, удумліваму і трываламу засваенню тэарэтычнага матэрыялу па словаўтварэнні, развіваць здольнасці студэнтаў лагічна разважаць, супастаўляць дэрывацыйныя факты, беспамылкова вызначаць семантычны аб’ём слоў.

У параграфе «Словаўтварэнне як раздзел мовазнаўства» даволі падрабязна акрэсліваецца прадмет і задачы словаўтварэння, на канкрэтных прыкладах прасочваецца сувязь словаўтварэння з іншымі раздзеламі мовазнаўства. Напрыклад, адзначаецца, што працэс утварэння новых слоў можа суправаджацца такімі фанетычнымі з’явамі, як змяненне месца націску (*алён*ь – *алення*), чаргаваннем гукаў (*воўк* – *ваўчаны*), сцяжэннем гукаў (*е + с – с: многа + -ств (а) – мноства*).

Параграф «Словаўтваральныя адносіны» прысвячаецца аналізу і тлумачэнню такіх паняццяў, як *утворанае* і *ўтваральнае (зыходнае) слова, утваральная аснова, матываванасць*. Засваенне гэтага параграфу дапаможа студэнтам і ўсім, каго цікавяць словаўтваральныя працэсы, што адбываліся і адбываюцца ў беларускай мове, правільна сарыентавацца ў размежаванні ўтваральнага і ўтворанага слоў, улічваючы не толькі іх марфемную структуру, але і семантычны аб’ём. Практыкаванні да названага параграфу дапамогуць дакладна вызначыць семантыку матываваных слоў па аналогіі з пададзенымі ў якасці ўзору; вызначыць словы, якім уласціва множнасць матываванасці. Напрыклад, прапануецца ўказаць матываванасць слоў па аналогіі: 1. *Бярэзнік* – лес, у якім расце бяроза; *хвойнік* – ... 2. *Выключальнік* – прадмет, прызначаны выключаць што-небудзь; *знішчальнік* – ... і інш. (с. 13).

У параграфе «Асноўныя спосабы словаўтварэння» аналізуюцца спосабы ўтварэння новых слоў у шырокім і вузкім сэнсах. Марфалагічныя і марфалага-сінтаксічныя спосабы словаўтварэння падрабязна і даходліва прадстаўлены ў табліцы, дзе акрэслены механізм словаўтварэння, прыведзены яркі ілюстрацыйны матэрыял.

У дапаможніку ўпершыню падрабязна разглядаюцца спосабы немарфемнага скарачэння (с. 16, 45), імпазіцыі (с. 18–19), устаўкі афікса ва ўтваральныя асновы і выкарыстання афіксаў у якасці самастойных слоў (с. 19) і інш.

У дапаможніку раскрываецца сэнс паняцця «словаўтваральнае значэнне», падкрэсліваецца яго адметнасць у параўнанні з лексічным і граматычным значэннямі, даецца тлумачэнне такіх асноўных комплексных адзінак дэрывацыйнай сістэмы, як «словаўтваральны ланцужок», «словаўтваральная парадыгма», «словаўтваральнае гняздо», «словаўтваральны тып», акрэсліваецца асаблівасць будовы названых з’яў; адзначаецца, што ў словаўтваральным ланцужку «новае слова набывае больш складаную марфемную і адпаведна семантычную структуру. Чым далей знаходзіцца ўтворанае слова ў СЛ ад вяршыні, тым больш складанай з’яўляецца яго словаўтваральная структура:

стар(ы) – стар-э(ць) – па-стар-э(ць) – па-стар-э-л(ы)» (с. 26).

Самай складанай комплекснай адзінкай словаўтваральнай сістэмы, як падкрэслівае аўтар, з’яўляецца словаўтваральнае гняздо, якое «ўяўляе сабой сукупнасць аднакаранёвых слоў, звязаных адносінамі вытворнасці. Інакш кажучы, СГ – гэта сістэмнае аб’яднанне словаўтваральных парадыгмаў (па вертыкалі) і словаўтваральных ланцужкоў (па гарызанталі), пры якім розныя словаўтваральныя парадыгмы аднаго гнязда звязваюцца з зыходным словам (вяршыняй гнязда) пры дапамозе словаўтваральных ланцужкоў.

Вяршыня СГ – гэта невытворнае з пункту гледжання сучасных адносін слова, да якога ўзыходзяць усе астатнія ўтвораныя словы гнязда» (с. 27).

Тлумачэнне паняццяў суправаджаецца яркімі, запамінальнымі прыкладамі.

Значная частка дапаможніка прысвечана словаўтварэнню ў межах такіх часцін мовы, як назоўнік, прыметнік, дзеяслоў і прыслоўе. Аналіз дэрывацыйных працэсаў суправаджаецца тлумачэннем словаўтваральнага значэння, якое набываюць утвораныя словы. Напрыклад, розныя суфіксы надаюць назоўнікам значэнне асоб – носьбітаў прадметнай прыметы, асоб – носьбітаў працэсуальнай прыметы, асоб – носьбітаў непрацэсуальнай прыметы, асоб паводле месца жыхарства, асоб (істот) процілеглага полу (паводле жаночасці), асоб са значэннем памяншальнасці, асоб са значэннем павелічальнасці, жывых істот – носьбітаў працэсуальнай прыметы, жывых істот – носьбітаў непрацэсуальнай прыметы і інш.

Форма падачы матэрыялу (пераважна ў табліцах) робіць тлумачэнне даступным, запамінальным.

Акрамя навучальнай і развіваючай функцыі, дапаможнік мае вялікі выхаваўчы патэнцыял: у якасці ілюстрацыйнага матэрыялу выкарыстоўваюцца сказы з павучальным, філасофскім зместам, напрыклад: *«Той дзень зусім закрэслены табою, калі ты раўнадушна абмінуў бяду чужую, пабаяўся болю, абразу хама моўчкі праглынуў...»* (П. Панчанка); *«Рабіць штосьці добрае таму, хто ўжо ніколі табе не падзякуе, – гэта і сумна, і радасна неяк па-асабліваму»* (Я. Брыль); высокамастацкія ўрыўкі з рамана Н. Гілевіча «Родныя дзеці», з верша М. Дуксы «Ранішня малітва», Р. Барадудзіна «Андрэю Вазнясенскаму», вершаказ А. Разанава «Звон» і інш.

Рэцэнзент
кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускай мовы
Н. І. Новік-Шчарбенка

ХРОНІКА

«Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў»

У II Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў» (арганізатары: кафедры беларускага мовазнаўства, беларускай мовы, рускай мовы), якая адбылася 22–23 красавіка 2010 года, прынялі ўдзел звыш 150 вучоных з Беларусі, Расіі, Украіны, Польшчы, Кітая, што сведчыць пра яе змястоўнасць і актуальнасць. Пра навуковую значнасць акрэсленай праблематыкі гаворыць і склад удзельнікаў канферэнцыі. Гэта супрацоўнікі навукова-даследчых устаноў, навукоўцы ВНУ, навуковыя супрацоўнікі бібліятэк, настаўнікі школ, аспіранты, магістры і магістранты, студэнты. Былі падрыхтаваны і абмеркаваны сумесныя даклады магістрантаў, студэнтаў і іх навуковых кіраўнікоў. Звыш 50 удзельнікаў канферэнцыі з'яўляюцца дактарамі і кандыдатамі навук. Праведзеная канферэнцыя паказала, што навуковыя інтарэсы кафедры, даследчыцкі патэнцыял яе калектыву прызнаны ў навуковай прасторы рэспублікі.

Канферэнцыю адкрыў прывітальным словам рэктар Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна, доктар біялагічных навук, прафесар В. В. Валетаў, які адзначыў, што правядзенне такога навуковага мерапрыемства на філалагічным факультэце становіцца добрай традыцыяй і дапамагае вучоным розных краін прадставіць і абмеркаваць свае навуковыя дасягненні ў галіне лексікалогіі і анамастыкі. Прадстаўнічым у навуковым сэнсе атрымалася пленарнае пасяджэнне, дзе з грунтоўнымі дакладамі выступілі д. ф. н., прафесар Г. М. Мезенка (Беларусь, Віцебск), д. ф. н., прафесар В. І. Сянкевіч (Польшча, Седльцы), д. ф. н., прафесар У. І. Коваль (Беларусь, Гомель), д. ф. н., прафесар В. В. Шур (Беларусь, Мазыр), д. ф. н., дацэнт В. Р. Ніканава (Украіна, Днепрапятроўск), к. ф. н., дацэнт Дз. Ю. Ільін (Расія, Валгаград). Апрача пленарнага пасяджэння, на якім абмяркоўваліся канцэптualныя пытанні славянскай лексікалогіі і анамастыкі, працавала 8 секцый: «Гістарычныя асаблівасці функцыянавання і развіцця лексікі», «Напрамкі сучасных даследаванняў лексікі фальклору і народна-дыялектнай мовы», «Аказіянальная лексіка: умовы, заканамернасці, магчымасці ўтварэння і ўжывання», «Стылістычныя рэсурсы лексікі мастацкай літаратуры», «Анамастыка як моўна-культуралагічны феномен», «Варыянтнасць і праблема ўнармавання навуковай тэрміналогіі», «Лексіка і моўная асоба», «Праблемы выкладання лексікалогіі і анамастыкі ў школе і ВНУ».

У рабоце канферэнцыі бралі ўдзел прадстаўнікі ўсіх рэгіёнаў Рэспублікі Беларусь, у прыватнасці, былі прадстаўлены такія навуковыя цэнтры і вышэйшыя навучальныя ўстановы, як Інстытут мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі, БДУ, БДПУ імя М. Танка, БДТУ, МДЛУ, БДСА, Нац. гіст. архіў Беларусі, ВДУ імя Н. М. Машэрава, БрДУ імя А. С. Пушкіна, ГрДУ імя Я. Купалы, ГДУ імя Ф. Скарыны, ГДТУ імя П. В. Сухога, МагДУ імя А. А. Куляшова, БарДУ, Валгаградскі дзярж. ун-т, Самарскі дзярж. ун-т, філіял Бранскага дзярж. ун-та ў г. Навазыбкаве, Пяцігорскі дзярж. лінгв. ун-т, Днепрапятроўскі ун-т эканомікі і права, Валынскі нац. ун-т імя Лесі Українкі, Данецкі нац. ун-т, Львоўскі нац. ун-т імя І. Франка, Акадэмія Падляска ў Седльцах і інш.

Вынікі работы канферэнцыі былі падведзены на пасяджэнні круглага стала. Прыняты наступныя прапановы:

1. Прызнаць навуковую актуальнасць і значнасць заяўленых для абмеркавання праблем, пра што пераканальна гаварылі ўдзельнікі канферэнцыі.
2. Адзначыць дастаткова высокі ўзровень канферэнцыі, а таксама шырокі спектр праблематыкі, прапанаванай для навуковага асэнсавання.
3. Наступныя падобныя навуковыя канферэнцыі ў межах заяўленай праблемы праводзіць калектывам кафедры беларускага мовазнаўства з пэўнай перыядычнасцю – раз у два-тры гады.
4. Адзначыць змястоўнасць і разнастайнасць культурнай праграмы канферэнцыі.

*В. В. Шур,
загадчык кафедры беларускага мовазнаўства,
доктар філалагічных навук, прафесар*

«От идеи – к инновации»

Под таким названием 29 апреля прошла в Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина, ставшая традиционной XVII республиканская студенческая научно-практическая конференция.

Более 700 студентов и магистрантов приняли участие в работе конференции.

Кроме студентов УО МГПУ имени И. П. Шамякина, с докладами выступили представители ведущих вузов Республики Беларусь: БГУ, БНТУ, УО «БГПУ имени М. Танка», УО «ГГУ имени Ф. Скоринь», УО «МГУ имени А. А. Кулешова», УО «БарГУ», УО «БрГУ имени А. С. Пушкина», УО «ВГУ имени П. М. Машерова», УО «ГТТУ имени П. О. Сухого» и др.

Программа конференции была интересной и насыщенной. Как всегда, работу секций предваряло пленарное заседание, которое в этом году носило нетрадиционный характер. С приветственным словом к участникам конференции обратилась проректор по научной работе, кандидат педагогических наук, доцент И. Н. Кралевич. Опыт проведения научных исследований поделился заведующий кафедрой теоретической физики, доктор физико-математических наук, профессор В. В. Шепелевич. О возможностях научно-исследовательской работе студентов в русле международного сотрудничества говорила заведующий кафедрой немецкого языка и методики преподавания иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент Л. В. Пузан. Дипломами были награждены студенты, активно занимающиеся научно-исследовательской деятельностью, победители республиканского конкурса научных работ студентов вузов Республики Беларусь. В заключение пленарного заседания студенты филологического факультета показали литературно-музыкальную композицию «Диалог с Чеховым», посвященную 150-летию со дня рождения писателя.

После пленарного заседания гости конференции смогли посетить Мозырский замок и Свято-Михайловский собор, оценить красоту весеннего города, полюбоваться живописным холмистым ландшафтом города Мозыря.

Плодотворно прошла работа секций. Отмечался общий высокий научный уровень докладов, грамотная постановка исследовательской проблемы, значительная самостоятельность поисковой и творческой деятельности студентов. По ряду вопросов, обозначенных в докладах, состоялись научные дискуссии. Лучшие секционные доклады были отмечены дипломами конференции.

Проводимая в университете студенческая научно-практическая конференция является значимым событием как для студентов УО МГПУ имени И. П. Шамякина, активно участвующих в научно-исследовательской работе, так и для студентов других высших учебных заведений Республики Беларусь. Она позволяет поддерживать высокий уровень студенческих научных работ и информировать общественность о научных достижениях молодежи.

*О. А. Дубодел,
начальник отдела международных связей
и инновационной деятельности*

*«Психологические проблемы профессионального развития
и профессионального образования личности»*

20–21 мая 2010 г. в УО МГПУ имени И. П. Шамякина на инженерно-педагогическом факультете кафедрой психологии была проведена II Международная научно-практическая конференция «Психологические проблемы профессионального развития и профессионального образования личности». Конференция призвана способствовать решению актуальных проблем профессионального развития и образования личности в современном мире, обмену опытом использования инновационных образовательных технологий в процессе преподавания психологии в вузе, дальнейшему углубленному изучению вопросов самоактуализации и самореализации личности в профессиональной деятельности.

Конференция вызвала интерес широкого круга ученых Беларуси, России, Украины. В сборник конференции были включены материалы докладов более 150 участников из разных городов, в том числе Минска, Витебска, Гомеля, Бреста, Гродно, Полоцка, Баранович, Пинска, Ярославля, Омска, Екатеринбург, Сургута, Ульяновска, Томска, Горловки, Николаева, Запорожья и др. В числе участников были известные ученые Республики Беларусь, России и Украины, из которых 8 докторов наук и 54 кандидата наук.

На пленарном заседании были представлены доклады доктора психологических наук, профессора, декана факультета психологии УО «БГПУ имени М. Танка» Леонида Абрамовича Пергаменщика; доктора психологических наук, профессора, профессора факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Валерия Емельяновича Орла; доктора психологических наук, профессора, заведующего лабораторией общего и профессионального развития Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского Юрия Павловича Поваренкова; кандидата психологических наук, доцента, профессора кафедры психологии УО «БИП – Институт правоведения» Анатолия Александровича Амелькова, кандидата психологических наук, доцента, заведующего кафедрой психологии УО «ГГУ имени Ф. Скорины» Сергея Никифоровича Жеребцова, кандидата психологических наук, доцента, заведующего кафедрой психологии УО МГПУ имени И. П. Шамякина Михаила Александровича Дыгуна. Следует отметить заинтересованность тематикой конференции преподавателей и студентов УО МГПУ имени И. П. Шамякина. Так, в работе пленарного заседания принимали участие деканы, заместители деканов, преподаватели и студенты филологического, инженерно-педагогического, физико-математического и биологического факультетов, факультетов технологии, физической культуры, иностранного языка, дошкольного и начального образования.

В ходе конференции была организована выставка научных, научно-методических и учебно-методических пособий, разработанных преподавателями кафедры психологии.

В соответствии с программой конференции состоялась работа круглых столов и секций по актуальным проблемам профессионального развития личности в современном мире, которая связана с методологией и теорией исследования профессионального развития личности, с психологическими условиями и факторами самореализации и успеха личности в профессиональной деятельности, с особенностями профессионального развития и образования педагогов, с этапами и кризисами в профессиональном развитии личности.

Активные дискуссии среди участников конференции возникли в ходе обсуждения проблем внедрения современных информационных и технических возможностей в процесс обучения студентов, эффективности различных форм учебной деятельности студенческой молодежи, затруднения и возможности преподавательской деятельности в современных условиях. Тематические выступления вызвали интерес не только у присутствующих ученых и исследователей, преподавателей вузов, но и у студентов, которые также приняли активное участие в обсуждении поднимаемых вопросов. Все это свидетельствует об актуальности проблем профессионального развития и образования личности, заинтересованности участников выбранной тематикой.

Конференция прошла на высоком научном уровне и получила положительные отзывы. В частности, доктор психологических наук, профессор, профессор факультета психологии Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова Валерий Емельянович Орел и доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией общего и профессионального развития Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского Юрий Павлович Поваренков отметили высокий уровень организации конференции и злободневность обсуждаемых проблем. Леонид Абрамович Пергаменщик, доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии УО «БГПУ имени М. Танка», указал на то, что в республике проводится мало конференций по данной тематике. Остальные участники конференции отметили созданную организаторами благоприятную атмосферу для общения и диалога. При подведении итогов конференции была принята резолюция.

В завершение участники конференции посетили Свято-Михайловский кафедральный собор и Мозырский замок, где познакомились с историей города Мозыря. Кроме этого, гости имели возможность посетить ГУ «Спортивно-оздоровительный горно-лыжный комплекс «Мозырь» и эколого-культурный центр в н. п. Козенки.

К началу работы конференции были изданы программа и сборник материалов участников конференции, блокноты с логотипом конференции, выпущен диск «Участнику конференции», на котором представлена информация о городе Мозыре, Мозырском государственном педагогическом университете имени И. П. Шамякина, доклады участников конференции.

*М. А. Дыгун,
заведующий кафедрой психологии;
Е. А. Колос,
ассистент кафедры психологии*

АЎТАРЫ НУМАРА

Абрамчук Андрей Викторович	председатель Брестского областного отделения ОО «АПБ»
Абрамчук Сергей Викторович	аспирант кафедры экологии УО «ГГУ имени Франциска Скорины». Научный руководитель – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры зоологии и генетики УО «БрГУ имени А. С. Пушкина» В. Е. Гайдук
Анисимов Дмитрий Валерьевич	преподаватель кафедры физического воспитания УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Бабаева Сабина Сабировна	студентка биологического факультета УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Воінава-Страха Марыя Міхайлаўна	лаўрэат прэміі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, асістэнт кафедры беларускай літаратуры УА «ГДУ імя Францыска Скарыны»
Воробей Людмила Александровна	кандидат физико-математических наук, старший преподаватель кафедры высшей математики УО «БТЭУ»
Гайдук Василий Емельянович	доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры зоологии и генетики УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»
Гайдученко Елена Сергеевна	аспирант кафедры экологии УО «ГГУ имени Франциска Скорины». Научный руководитель – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры экологии УО «ГГУ имени Франциска Скорины» А. Н. Кусенков
Грибовская Марал Атаевна	кандидат физико-математических наук, доцент кафедры информационно-вычислительных систем УО «БТЭУ»
Грицанок Марина Федоровна	ассистент кафедры природопользования и охраны природы УО МГПУ имени И. П. Шамякина. Научный руководитель – доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры биологии человека и экологии УО «МГЭУ имени А. Д. Сахарова» А. П. Голубев
Гуминская Елена Юрьевна	кандидат сельскохозяйственных наук, и. о. заведующего кафедрой природопользования и охраны природы УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Дегтярева Елена Ивановна	кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных УО «ГГУ имени Франциска Скорины»
Дроздов Денис Николаевич	ассистент кафедры физиологии человека и животных УО «ГГУ имени Франциска Скорины»

Зеркаль Сергей Владимирович	кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой ботаники и экологии УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»
Канавалова Ірына Сяргеёўна	аспірант кафедры беларускай мовы УА «МагГУ імя А. А. Куляшова». Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства Я. Я. Іваноў
Клинов Владимир Владимирович	преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Ключников Александр Валерьевич	старший преподаватель кафедры ПАС и ФП УО «ГИИ» МЧС РБ
Коваленко Снежана Александровна	кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и экономики ГФ УО «ФПБ МИТСО»
Коняхин Михаил Васильевич	кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой легкой атлетики и лыжного спорта УО «ГГУ имени Франциска Скорины»
Кошман Елена Евгеньевна	аспірантка кафедры педагогікі УО «ГГУ імя Францыска Скорины». Научный руководитель – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогікі УО «ГГУ імя Францыска Скорины» Ф. В. Кадол
Кузменкова Инна Анатольевна	кандидат физико-математических наук, доцент кафедры высшей математики УО «БТЭУ»
Кулак Владимир Мартынович	кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков УО МГПУ имени И. П. Шамякина
Кулак Наталья Геннадьевна	магістрант кафедры иностранных языков УО «ГГУ імя Францыска Скорины». Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английского языка УО «ГГУ імя Францыска Скорины» Е. В. Сажина
Левковская Марина Викторовна	лаборант кафедры ботаники и экологии УО «БрГУ имени А. С. Пушкина»
Лемешков Владимир Сергеевич	кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель физической культуры УО «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского»
Лю Цзюань	кандидат филологических наук, профессор, заместитель декана факультета русского языка, заведующий кафедрой русского языка Пекинского педагогического университета
Макарэвіч Міхаіл Міхайлавіч	аспірант кафедры беларускага мовазнаўства УА МДПУ імя І. П. Шамякіна. Навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі беларускай мовы БДУ М. Р. Прыгодзіч

Маркевич Татьяна Сергеевна	аспірант лабораторыі лесной селекцыі і семенаводства ГНУ «Ин-т леса НАН Беларусі». Научный руководитель – доктор біялагічных навук, акадэмік НАН Беларусі, прафесар, заведуючы аддзелам флары і гербарыя ГНУ «Ин-т эксперыментальнай ботанікі імяні В. Ф. Купрэвіча НАН Беларусі»
Масло Иван Михайлович	кандыдат педагагічных навук, доцент, заведуючы кафедрай тэорыі і метадзікі фізічнага востпання УО МГПУ імяні І. П. Шамякіна
Масло Михаил Иванович	преподаватель кафедры ТиМФВ УО МГПУ імяні І. П. Шамякіна
Радзюк Вольга Валер’еўна	аспірант кафедры беларускага мовазнаўства УА «ВДУ імя П. М. Машэрава». Навуковы кіраўнік – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, намеснік дэкана факультэта сацыяльнай педагагікі і практычнай псіхалогіі УА «ВДУ імя П. М. Машэрава» Л. С. Васюковіч
Ревуцкий Олег Игоревич	кандыдат філалагічных навук, доцент, доцент кафедры рускага мовы УО МГПУ імяні І. П. Шамякіна
Сидорец Виталий Степанович	кандыдат філалагічных навук, доцент, доцент кафедры рускага мовы УО МГПУ ім. І. П. Шамякіна
Ходько Аксана Фёдоровна	асістэнт кафедры філасофіі і гісторыі УО «БГЭУ ПК»
Хоронько Светлана Станіслава	кандыдат філалагічных навук, доцент кафедры беларускага і рускага мовы УО «БГЭУ»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомел. обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28. Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов).

4. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов печатается название статьи, которое должно быть кратким, определять область проведенного исследования, отражать его цель и соответствовать содержанию.

5. Ниже через один интервал печатается аннотация (до 10 строк) на русском (белорусском) языке, которая должна излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи, имеющий следующую структуру: *введение; результаты исследования и их обсуждение*, включающие при необходимости графики и другой иллюстративный материал; четко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 25 мм.

8. К статье прилагаются:

а) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе);

б) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения образования (выписка из протокола заседания);

в) рецензия специалиста в данной области, имеющего ученую степень, заверенная печатью;

г) резюме на английском языке;

д) перечень принятых в статье обозначений и сокращений;

е) вариант статьи на электронном носителе (CD, DVD, дискета 3,5" и др.).

9. Список цитированных источников представляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования.

Например:

1. Котаў, А. І. Гісторыя Беларусі і сусветная цывілізацыя / А. І. Котаў. – 2-е выд. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2003. – 168 с.

2. Бандаровіч, В. У. Дзеясловы і іх дэрываты ў старабеларускай музычнай лексіцы / В. У. Бандаровіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2004. – № 2. – С. 49–54.

3. Инвентарное описание Несвижского замка князя Л. Радзивилла // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 694. – Оп. 1. – Д. 109 : в 2 ч. – Ч. 1. – 12 л.

Список располагается в конце текста под заголовком «Литература».

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки после порядкового номера ссылки, через запятую, без употребления *с.* или *стр.*, цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведенной цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

11. Одним из основных условий опубликования работы является *независимая* экспертиза поступающих рукописей, которую проводит редакционная коллегия издания. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлекцией датой поступления считается день поступления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи авторов, обучающихся в аспирантуре или докторантуре, в год завершения обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАКа о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или статьи, принятые к печати другими изданиями.

За опубликование научных статей редакция плату не взимает.

Редколлегия

E-mail: vesnik_mgpu@mail.ru

Тел.: 8(02351) 2-46-29